

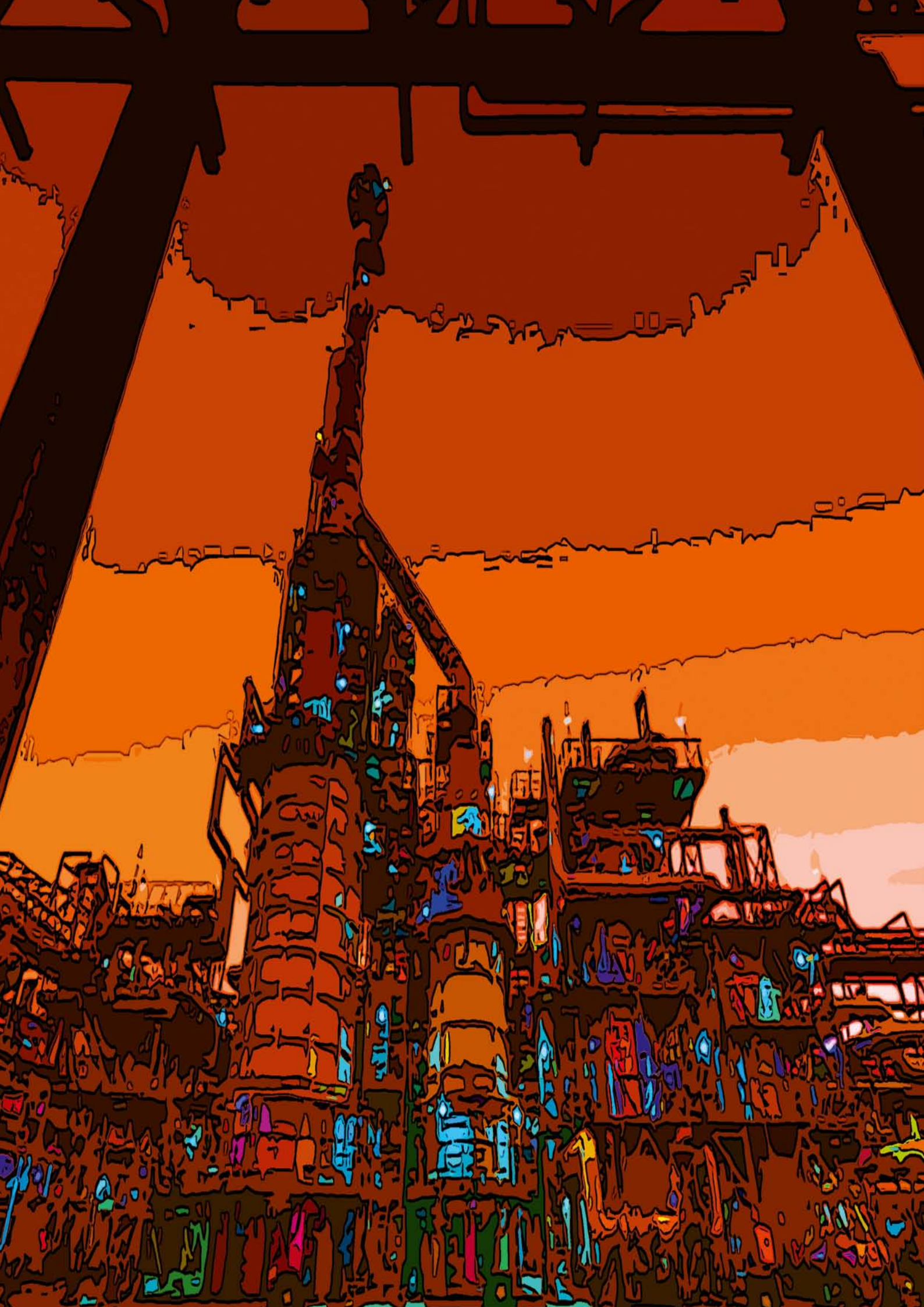
ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№4 (90), 2021

Реиндустриализация и политика развития

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Буря обновления
- 4** Максим КАЛАШНИКОВ.
О мучительной судьбе новой русской индустриализации
- 12** **Реиндустриализация и суверенитет**
(авторский доклад Изборскому клубу Андрея КОБЯКОВА)
МИФЫ О ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ (стр. 13)
ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ КАК ПРИОРИТЕТ (стр. 13)
КВАЗИАВТАРКЦИЯ ВМЕСТО ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ (стр. 14)
ЕСТЬ ФУНДАМЕНТ И НЕСУЩИЕ КОНСТРУКЦИИ (стр. 16)
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ (стр. 17)
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И ПРОТЕКЦИОНИЗМ (стр. 18)
ЧЛЕНСТВО В ВТО ПРОТИВОРЕЧИТ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ (стр. 19)
- 22** Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Пора играть по своим правилам
- 36** Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ.
Реиндустриализация как завершённая постиндустриализация
- 48** Аркадий САМОХВАЛОВ.
От стагнации – к росту
- 60** **Реальная экономика – фундамент развития**
(беседа с Константином БАБКИНЫМ)
- 74** Дмитрий САПРЫКИН.
Производство средств производства – путь к лидерству
- 84** Андрей СВЕТЛОВ.
Предел прогресса и его преодоление
- 96** Дионис КАПТАРЬ.
Промышленный рывок: зарубежный опыт
- 106** Маринэ ВОСКАНЯН.
Труд и новая индустриализация
- 116** Максим КАЛАШНИКОВ.
Просто модельки и планеры?
- 124** Джульетт ФОР.
Космизм: национальная русская мифология против трансгуманизма
- 127** Библиотекарь
- 128** **Хронология мероприятий клуба**
- 129** Сергей СОКОЛКИН.
«Потому что я русский...»
(стихи)

4

48

74

96

116

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №4 (90), 2021 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора – Андрей КОБЯКОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 17.06.2021

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 700 экз. Заказ № 0841

/ Александр ПРОХАНОВ /

Буря обновления

Вы заметили, как начинается буря? От горизонта встают огромные синие тучи с оплавленным солнечным краем, и вдруг замолкают все звуки. Всё замирает, испуганно ждёт. Тучи движутся, наливаются лиловой тьмой, в них что-то мерцает, рокошет. На небе — полная тьма, и из этой тьмы, из грохота и блеска вдруг хлынет ливень оглушительный, грандиозный, наотмашь вколачивая в землю гигантские стеклянные гвозди. Тучи уходят, унося с собой ливень.

И вдруг — солнце, сверкание, изумрудная зелень, рост трав, благоухание цветов. Хвала грозе! Слава ливню!

Россия остановилась, застыла, она не движется дальше, словно испугалась своей грядущей судьбы. Вся прежняя жизнь исчерпана. Тот период с 2000 до 2014 год, когда из праха возникла страна, этот период завершился, а нового нет. И многим кажется, что эта остановка навеки, что Россия только оглядывается назад и превратилась в огромный соляной столб. Это не так. Крот истории роет. Тучи, полные ливня, поднимаются на горизонте, и нежданно хлынет ослепительная новизна, прольётся ливень обновления. Народ ждёт, народ уповаet. Народ мечтает о том, чтобы его вновь собрали в огромную артель и превратили Россию в грандиозную верфь, где возводится новый ковчег — ковчег Русской мечты.

Все предчувствуют, что вот-вот должно состояться открытие, оно уже сделано. Открыты новые явления физики, на этих основах будут построены новые машины и механизмы. Открыты новые явления в психологии, и на их основе будет построена новая этика. Отрываются духовные очи, которыми народ Бога узрит.

Россия — накануне большого всеобъемлющего проекта. Народ жаждет рывка, жаждет великих трудов, великих свершений и подвигов. Религия Русской мечты говорит, что этот порыв неизбежен, новизна ждёт своего воплощения, своего великого проекта. Проект Русской мечты

вновь приведёт Россию к благодатному могучему государству, живущему по законам божественной справедливости, где человек с человеком, государство и человек, машина и общество, машина и природа, Крымский мост на земле и Млечный путь в небесах — всё сольётся в удивительную гармонию, и на этой гармонии будет построено обновление. В этой гармонии возникнет новая индустрия, возникнут новые машины, новые технологии, новые уклады, возникнет экономика Русской мечты, политика Русской мечты, возникнет лидер Русской мечты, проектант, который соберёт вокруг себя лучшие умы России.

Прежнее исчерпано. Капитализм, казавшийся вершиной хозяйствования, изжил себя. Либерализм, который сулил нам конец истории, провалился. И тот и другой привели человечество к последней черте, на край пропасти. И великий проект должен отвернуть несущийся табун русской истории от края пропасти, не дав ему свалиться в бездну.

Россия это умеет делать. Великие русские правители умеют управлять табунами русской истории. Кто этот грозный проектант? Кто он, лидер Русской мечты? Владимир Путин или следующий за ним русский лидер?

Блок в поэме «Возмездие» писал:

Кто меч скуёт? —

Не знавший страха.

Проект Русской мечты вновь приведёт Россию к благодатному могучему государству, живущему по законам божественной справедливости, где всё сольётся в удивительную гармонию, и на этой гармонии будет построено обновление. В этой гармонии возникнет новая индустрия, возникнут новые машины, новые технологии, новые уклады, возникнет экономика Русской мечты.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

О мучительной судьбе новой русской индустриализации

Нынешнее время крайне странно. Кажется, вроде не осталось открытых адептов существования РФ как сырьевого придатка Запада и КНР. О необходимости развития промышленности говорят с самых высоких трибун. Но при этом само слово «индустриализация» не звучит. Что угодно — нанотехнологии, цифровизация, искусственный интеллект — но только не это. Такое впечатление, что бомонд страны просто корчит от одного термина.

Но логика истории неумолима. На человечество накатывает мегакризис. Страшная ломка. Вопрос стоит так: либо мы проведем новую индустриализацию — либо умрем.

РАЗМЫТОСТЬ ЦЕЛИ И «ДВУГОРБОЕ» УБОЖЕСТВО

Более сорока лет назад покойный ныне футуролог Элвин Тоффлер доказывал: без своей промышленности — никуда. Если ты производишь мало конечных и сложных изделий, то лишаешься сперва сильной науки и образования. Ведь именно реальный сектор больше всего востребует новых разработок и технологий, а также отлично образованных людей. Толкая вперед прикладную науку, промышленные отрасли (и, добавим, умный агропром) ещё и косвенно создают спрос на кадры, что куются в школах и университетах. Прикладные же исследования жадно требуют новых знаний и научных открытий, выступая триггером для развития фундаментальных изысканий в академических центрах. Так сказать, обеспечивают прямой коридор от астрофизики и огромных ускорителей элементарных частиц до заводских поточных линий. Та же микроэлектроника не развивается сама по себе: крохотные чипы востребуются, прежде всего, в выпуске конечных изделий, будь то тракторы и комбайны «высокоточного земледелия» или умная бытовая техника.

Элементарный здравый смысл подсказывает: реальный сектор, наука и образование представляют собой

В разгромные 90-е, да и в значительной мере позже, остаток великой страны упорно делали нефтегазовой периферией развитого и развивающегося мира. В РФ возникла порочная «двугорбая» экономика: мы производим оружие (за счёт нефтегазовых доходов) и гоним на внешний рынок сырьё. А если что-то и выпускаем помимо военной техники — то с огромной зависимостью от импортной составляющей.

единую «экосистему». И если выбить из неё промышленность и высокотехнологичное сельское хозяйство, то чахнуть и гибнуть начнут школы, вузы и научные центры.

Однако Тоффлер шёл дальше, доказывая: тот, кто развил у себя архисовременное производство, в итоге превратится не только в очаг образования и науки мирового уровня, но и трансформируется в один из глобальных финансовых центров. Ибо банкиры направятся туда, где развиваются и футуристическая индустрия, и богатая научно-интеллектуальная жизнь, и возникает тьма обеспеченных людей.

Американский «будущевед» в 1980 году шёл резко против господствующего течения: тогда все сходили с ума по бредовой теории «постиндустриализма». Мол, производство — замшелое прошлое, драйверами роста отныне станут сфера услуг, финансы и «экономика впечатлений». Мы будем потреблять и придумывать новое, а всякие чумазые китайцы — производить. Минули годы, и нынешний упадок Запада, его судорожные попытки реиндустриализации на фоне роста могущества Поднебесной, превращение Китая в главного соперника Америки стали лучшим подтверждением правоты умершего провидца.

А что же РФ? Её элита колебалась вместе с генеральной линией западной партии. В разгромные 90-е, да и в значительной мере позже, остаток великой страны упорно делали нефтегазовой периферией развитого и развивающегося мира (США, ЕС и КНР, Японии и Южной Кореи,

даже Турции), рождая химерические идеи вроде «энергетической сверхдержавы». Всё сводилось к банальщине: то, что нужно, купим за счёт доходов от вывоза сырья. И даже если что-то делаем, то комплектующие тоже приобретём на мировом рынке. Тем самым, мол, вписываясь в глобальные производственные цепочки. Что, как нам проповедовали, весьма современно, и не надо нам ретроградных концепций вроде максимального замещения импорта! Даже Мюнхенская речь В. Путина 2007 года, объявленная началом противостояния с Западом, мало что изменила. В РФ возникла порочная «двугорбая» экономика: мы производим оружие (за счёт нефтегазовых доходов) и гоним на внешний рынок сырьё. А если что-то и выпускаем помимо военной техники — то с огромной зависимостью от импортной составляющей.

Крах одного курса очевиден. РФ вот уже второе десятилетие пребывает в застое, реальные темпы роста и до ковидной лихорадки составляли «на круг» 0,88% в год. Но разве элита сделала вывод? Нет. В числе приоритетов правительства индустриализация не стоит! Выдвинутые с 2018 года 13 нацпроектов проблем не решают: в них ничего не говорится ни о подъёме реального сектора, ни об активной промышленной политике, ни о покровительственной таможенно-тарифной системе (без коей немислим промышленный подъём), ни о том, чтобы обязать Центробанк отвечать ещё и за рост в стране числа рабочих мест.

Год финансирования	Процентный показатель
2011	20,7%
2012	20,9%
2013	21,2%
2014	20,5%
2015	20%
2016	21,2%
2017	21,4%
2018	20,6%
2019	21,2%
2020	21,6%

Таблица 1.
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП РФ.

Вот список пресловутых национальных проектов. «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жильё и городская среда», «Экология», «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт». Где поставка Главной Задачи, вбирающей всё вышеуказанное, то есть — новой индустриализации? Всё лишь вокруг да около. Само слово как будто подвёргнуто негласной анафеме.

Чем это грозит?

НЕТ ПРОРОКА В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ — ПОСЛУШАЙТЕ ИНОСТРАННОГО СПЕКУЛЯНТА!

Как пишет политэконом и финансовый спекулянт Ручир Шарма в своем недавнем труде «Взлёты и падения государств»¹, для силы и жизнеспособности стран важнее всего строить промышленность. Заводы.

Вопрос стоит сегодня так: либо полноценное промышленное развитие Российской Федерации, либо гниение, вымирание, нарастающее отставание во всех областях с последующим бесславленным концом в ходе глобального кризиса.

Вложение денег в индустрию намного важнее, чем потребительские траты граждан. Ибо тем самым создаются новые компании и рабочие места. Опыт говорит, что лишь те государства, доля накоплений в ВВП коих составляет 25% и более, могут рассчитывать на годовой рост в 5–6% ежегодно и более. Причём инвестиции должны идти именно в дело: в создание новых технологий, дорог и гаваней, в новые промышленные предприятия. «Даже сейчас, когда роботы угрожают вытеснить людей с конвейеров, никакой другой вид деятельности не показал той способности ускорять создание рабочих мест и экономический рост, какой в прошлом обладало производство», — пишет Р. Шарма.

Не хотите слушать русских мозговиков? Так выслушайте иностранца. Кто-то до сих пор не понял, что лишь реальный сектор обеспечивает не только жизнь и развитие науки и образования, но и финансовую мощь нации. В пример приводится Япония. Начав с выпуска одежды и простых потребительских товаров, они затем построили отличную сталелитейную индустрию, корабле-

и автомобилестроение. А потом — и электронную промышленность мирового уровня.

По мере роста промышленности в городах возникают предприятия сферы обслуживания и фирмы для удовлетворения нужд среднего класса, растущего благодаря бурному развитию производства. Важно удерживать высокую долю в ВВП, идущую на капиталовложения в реальный сектор. Ибо именно заводы и фабрики обеспечивают спрос на 80% научных исследований и разработок в частном секторе и отвечают за 40% роста общей производительности труда. А это даёт возможность поднимать реальные зарплаты, не взвинчивая цену конечных изделий. Нация богатеет и развивается.

Отсюда верно и обратное: угасание и угнетение реального сектора, падение инвестиций в заводы да инфраструктуру моментально ведут к упадку университетов, школ, науки. К обнищанию народа. К ослаблению финансовой системы. История РФ с 1991 года — тому ярчайшее подтверждение.

«В 2014 году из пяти ведущих стран по доле инвестиций в ВВП четыре страны — Китай, Южная Корея, Малайзия и Индонезия — входили и в ведущую пятёрку по доле промышленного производства в ВВП. Если исключить из рассмотрения маленькие страны, которым удалось вытащить счастливый билет, открыв у себя месторождения нефти или газа, то большинство государств не смогли даже начать выбираться из нищеты без создания промышленного сектора в качестве исходного шага», — чеканит Ручир Шарма.

Большие вложения в реальный сектор дают доходы и увеличивают потребность в строительстве отличных автострэд, мостов, железнодорожных магистралей, электросетей и систем водоснабжения. Словом, той передовой инфраструктуры, что позволяет производить больше и лучше,

¹ Шарма Р. Взлёты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире. М.: АСТ, 2018.

а также отправлять изделия страны на мировой рынок.

Отсюда вытекает и вся провальность потуг сделать Российскую Федерацию придатком к «Газпрому» и нескольким нефтедобывающим компаниям, дополнив всё это производством оружия. Страна попала в нищету и опаснейший застой. Доля инвестиций в основные фонды в РФ в разные годы находится на уровне 20–21,5% ВВП (таблица 1).

Для сравнения: в Китае в 2003–2019 гг. удельный вес капиталовложений в основные фонды составлял 40,6–47,7% ВВП, в Индии показатель находится на уровне 39–40% ВВП, в быстрорастущих экономиках стран Юго-Восточной Азии — Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, Таиланде — в диапазоне 30–40%.

Р. Шарма с особенным презрением пишет о попытках оправдать уничтожение промышленности и объявить сферу услуг новым тягачом развития. Зато мощные промышленные кластеры выступают в роли отличных стабилизаторов экономики в периоды кризисов. Даже если национальная валюта обесценивается, растёт выгода производства, оно замещает импорт и легче выходит на мировой рынок, побивая соперников более низкими ценами.

Не беда, если случится и кризис «переинвестирования» в промышленность и новую инфраструктуру. В любом случае страна оправится, ибо ей останутся не футбольные стадионы, не ледовые дворцы и трамплины, а новые железнодорожные и автомобильные трассы, оптоволоконные линии связи и водные каналы, предприятия микроэлектроники и цементные заводы. С таким наследием можно начинать новый цикл роста.

НЕТ ЗАВОДОВ – НЕТ И МОЗГОВ

Само собой, рост сильной промышленности вызывает и рост вложений в научно-исследовательские

Место в мире	Страна	Расходы на НИОКР, в % к ВВП
1	Израиль	5,0
2	Южная Корея	4,8
3	Швеция	3,3
4	Япония	3,3
5	Австрия	3,2
6	Германия	3,1
7	Дания	3,1
8	США	2,8
9	Бельгия	2,8
10	Финляндия	2,8
11	Франция	2,2
12	Китай	2,2
30	Россия	1,0

Таблица 2.

Доля расходов на НИОКР в ВВП в ведущих странах и России в 2018 году, %.

и опытно-конструкторские работы. Причём не только государственные инвестиции, но и, прежде всего, частные — заказы от работающих заводов и фабрик, коим нужно решать тысячи возникающих проблем и бороться с конкурентами. Наша страна по доле вложений в НИОКР в ВВП находится лишь на 30-м месте, значительно (в несколько раз) уступая лидерам (таблица 2).

Вот самое наглядное подтверждение краха политики «Добываем сырьё и производим оружие». ВПК не смог вытянуть русские НИОКРы, не хватило отечественного производства множества «неважных» вещей. От своих гражданских самолётов и судов — до массового выпуска лекарств, одежды, обуви, стиральных машин и т. д. Да и экспорт оружия из Российской Федерации в последние годы почти не растёт (около 2% в год) вопреки раздутой в СМИ легенде о невиданной рекламе отечественной «оборонки», якобы сделанной войной в Сирии. Судя по данным Рособоронэкспорта, оружейный экспорт страны топчется у планки в 14 миллиардов долларов².

Так что «частичная» индустриализация исключительно на танках и пушках не срабатывает. И вопрос стоит сегодня так: либо полноценное промышленное развитие Российской Федерации, либо гниение, вымирание,

нарастающее отставание во всех областях, с последующим бесславным концом в ходе глобального кризиса. Казалось бы, мы излагаем то, что понятно на уровне даже элементарного здравого смысла. Увы, но не для российского бомонда. Лишь некоторые его представители пока прозревают.

ПРОИГРАННАЯ «ПРЕД-ВОЙНА»

Выступая на коллегии Министерства обороны РФ летом 2020-го, глава Курчатовского института Михаил Ковальчук заявил: «Вот мы с вами живём сегодня реально в условиях войны. Я называю этот этап «гибридной холодной пред-войной». Выбирается государство-цель. В данном случае — мы. Затем идёт максимальное ослабление этого государства. Атаке подвергаются все сферы: образование, культура, наука, экономика, оборона и безопасность. Такая пред-война сегодня идёт, и мы её сегодня не выигрываем...»

Выступал Михаил Ковальчук несколько комкано, но причины неудач РФ в его трактовке понятны. И так, на смену прямому завоеванию и последующей колонизации страны пришло порабощение с помощью более развитых технологий. Именно это — следующий (после пред-войны) этап. Схема проста: все с радостью приходят в новый ГУЛАГ — в интернет.

² <https://rostec.ru/news/novye-rekordy-rossii-na-mirovom-oruzheynom-rynke/>

Образование разваливается и плодит дебилов, уверенных в том, что думать и набирать знания не надо: все есть в Сети и Википедии. Каждый неразрывно соединён со своим смартфоном. В один прекрасный день можно, перекинув рубильник, образно говоря, обезглавить миллионы людей.

Пафос понятен: по технологической части РФ настолько зависима от тех же США, что уже проиграла борьбу.

Можно только пожалеть о том, как на РФ с 2000 года накатили и отхлынули несколько волн нефтедолларов, которые так и не оставили после себя новейшей передовой индустрии. Одни футбольные и олимпийские стадионы, тьму «элитной недвижимости» и прочей непроизводительной ерунды. Цитирую один, уже исторический, документ.

«...Серьёзной проблемой продолжает оставаться экономическая слабость России. Возрастающий разрыв между передовыми государствами и Россией толкает нас в страны третьего мира. Цифры текущего экономического роста не должны успокаивать: мы по-прежнему продолжаем жить в условиях прогрессирующего экономического отставания...

...Основными препятствиями экономического роста являются высокие налоги, произвол чиновников, разгул криминала. Решение этих проблем зависит от государства. Однако дорогостоящее и расточительное государство не может снизить налоги...

...Доходы бюджета во многом зависят от динамики мировых цен на энергоносители. Мы проигрываем в конкуренции на мировом рынке, всё более и более ориентируемся

на инновационные секторы, на новую экономику — экономику знаний и технологий...»

Это Послание президента Владимира Путина, июль 2000 года. Что изменилось? Реальный экономический рост с 2008-го — 0,88 процента в год, страна по-прежнему зависит от цен на сырьё, а налоги взвинчиваются. Нефтяные сверхдоходы промотаны или омертвлены.

Берем структуру экспорта из страны в 2019-м — 424,5 миллиарда долларов³.

Доля углеводородов и прочего ископаемого сырья — 53,4%. Добавим сюда продукты растительного происхождения (сельхозсырьё), древесину и низкотехнологичную продукцию первого передела (в химии и металлургии) — выйдет под 80%. Доля машин и оборудования — жалкие 3,6 процента. Поставки оружия на внешний рынок (в сём источнике) в 2019-м — 14,4 миллиарда долларов (13,6 млрд по иным источникам) — 3,42% процента от всего вывоза, мизер. Экспорт по линии информтехнологий из РФ — около 11 миллиардов долларов, 2,6%. Тоже, мягко говоря, негусто.

И если грянет жестокий глобальный кризис, вызывающий долгое падение мировых цен на сырьё, России несдобровать. Время для того, чтобы диверсифицировать экономику и слезть с нефтяной иглы, ниспосланное нам в 2000–2014 годах, оказалось бездарно упущенным.

КАК БЫТЬ ДАЛЬШЕ?

Очевидно, что нынешнее время коварно: за отсталость и застой не следует немедленного военного нака-

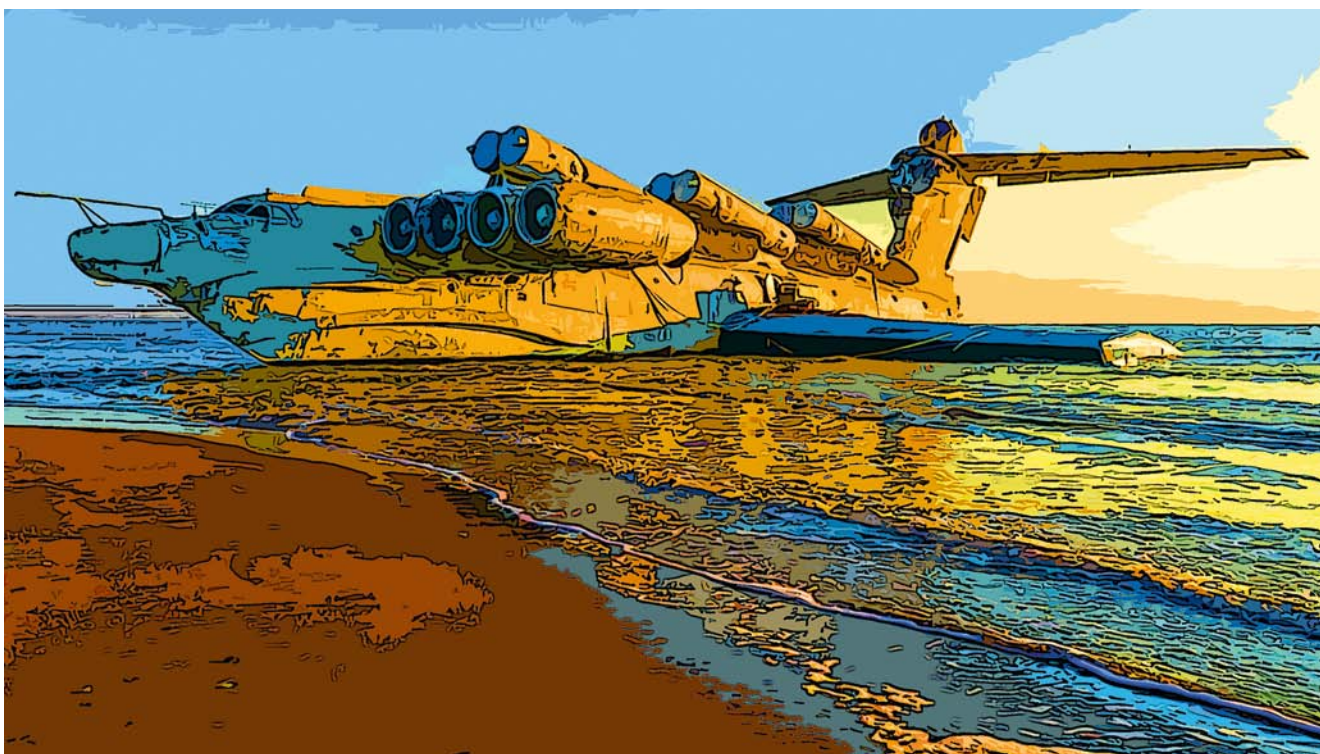
зания, как в минувшие эпохи. Запад не имеет средств ни для моментального ядерного обезоруживания РФ, ни для того, чтобы построить неприкосновенную для нашего ракетно-стратегического меча ПРО, способную надёжно прикрыть территории хотя бы одних Соединённых Штатов от атаки нескольких сотен баллистических ракет, не говоря уж о волнах ракет крылатых. Всё это порождает у российской элиты опаснейшую иллюзию: можно и дальше прозябать в сырьевой стагнации, не опасаясь аналога Крымской войны 1853–1856 годов. Но наказание лишь отложено: обострение внутренних противоречий в стране из-за её деиндустриализации и растущий отрыв Запада и КНР от нас по части научно-технических достижений — прямая дорога к тому, что РФ может впасть в новую смуту. А обломки и обрывки Федерации станут лёгкой добычей интервентов.

То есть нам необходимо ускорение развития — неоиндустриализация.

Она нужна ещё и потому, что без неё не решается одна из самых жгучих проблем: возвращение десятков триллионов рублей (в пересчёте, конечно) тех денег, что оказались выведенными из РФ с начала 90-х. Несмотря на призывы властей, невзирая на крылатые слова В. Путина об уязвимости российских капиталов, вывезенных за рубеж («замучаетесь пыль глотать, бегая по судам в попытках разморозить эти средства»), обратного прилива средств не наблюдается, во всяком случае, в желаемом объёме. Почему? Помимо отвратительного чиновного произвола и пародии на судебную власть (что грозит попросту охотой некоторых силовиков на «возвращенцев») есть ещё одна причина: миллиардам долларов попросту не находится применения на родине. Куда их вкладывать, помимо добычи сырья? Там места переделены и заняты. Население в основном небогатое и бедное — внутренний спрос мал. Не хватает тех самых

Лишь при разумном протекционизме, де-факто нарушающем кабальные условия, навязанные нам при вступлении во Всемирную торговую организацию, в РФ возможна новая индустриализация.

³ <https://ru-stat.com/analytics/6556>

десятков миллионов современных высокооплачиваемых рабочих мест, каковы и могла бы обеспечить новая промышленная революция. Строить новые заводы и фабрики в РФ чаще всего невыгодно — всё забивает поток дешёвого импорта из Китая и Азии. Что производить-то, дабы вложенные деньги не пропали втуне?

Тут нужна действительно комплексная индустриализация, причём с необходимым дополнением — разумным протекционизмом. Да-да, с той самой покровительственной политикой, знакомой нам по «Толковому тарифу» Дмитрия Менделеева. Когда вывоз из страны сырья облагается большими пошлинами, а экспорт готовых изделий — самыми малыми. Одновременно импорт в страну готовых изделий — по высокому таможенному тарифу, а ввоз сюда сырья и нужных оборудования/комплектующих — по льготным ставкам. Если у отечества не хватает технологических возможностей, то иностранные корпорации понуждаются к тому, чтобы ставить в стране свои предприятия, но не сборочные, а с максимально полным циклом производства. Мы здесь не отрываем америк: таковую

практику применяли в Российской империи ещё при Александре III.

Лишь при разумном протекционизме, де-факто нарушающем кабальные условия, навязанные нам при вступлении во Всемирную торговую организацию, в РФ возможна новая индустриализация. Причём с политикой повышения доходов народа — ибо это и отличный внутренний рынок сбыта для отечественного производства порождает, и предотвращает отлив средств из страны в страны-экспортёры готовых товаров. Естественно, всё это дополняется адекватной кредитно-финансовой политикой (длинные и недорогие ссуды для производителей и потребителей), налоговыми стимулами и суровой политикой государства по установлению (и соблюдению!) высоких стандартов качества.

Однако мы отлично помним, как российские власти регулярно мечут громы и молнии в протекционизм и ратуют на свободу торговли. Особенно в общении с вождями Китая, для коего РФ — прежде всего, рынок сбыта и источник сырья для китайского развития. И пока в нашем правительстве не откажутся от этого

морока, не изменят своей психологии, страна так и останется извергательницей своих денег во внешний мир. За наш счёт продолжают расти и процветать иные державы, не пленённые химерой «свободы торговли» и шествующие по пути откровенной покровительственной политики.

Огромные опасения вызывает то, что деловая элита в России складывалась именно как совокупность тех, кому отечественный реальный сектор (кроме ВПК) не нужен на уровне классового интереса. Ведь истеблишмент состоит из тех, кто живёт от добычи сырья и поставки его на внешний рынок (или имеет от этого свою долю), из торговцев импортом и ростовщиков. Для них появление сильных отрядов отечественных капитанов сложной технологически промышленности (индустрии высоких переделов) и работников таковых отраслей означает необходимость больших политических перемен. Решится ли на это бомонд РФ?

Но допустим, что нужные классово-психологические перемены произошли, и возобладали воля: протекционистской индустриализации быть! Что придётся предпринимать дальше?

Очевидно, что силами одной государственной бюрократии тут не справиться. Слишком долго шёл «отбор наоборот» в прошедшее тридцатилетие. Не хватает в высших эшелонах руководства тех, кто смог реально поднять на мировой уровень своё несырьевое производство, при этом не будучи частью госкорпорации. А такие люди в стране есть, и они — золотой кадровый фонд. Тем более что многие из таких лидеров высокопередельной индустрии имеют дочерние предприятия в развитых странах, не понаслышке ведая о современной промышленной политике в США, странах Евросоюза или Канаде. Они могут сравнивать то, как действует государство здесь и там, причём очень квалифицированно.

Как можно организовать создание по сути Нового курса для Российской Федерации?

Под эгидой главы государства необходимо сформировать обще-

ственные группы по нескольким направлениям. По сути — некий «индустриальный парламент». При этом в этих группах представители экономического блока правительства должны присутствовать минимально, больше как наблюдатели и делегаты с совещательным голосом. Почему? С 1992 года экономический блок возглавляют исключительно люди с прозападно-неолиберальной ориентацией, с презрением и ненавистью относящиеся к отечественному производству. Со времён Ельцина, конечно, изменились в патриотическую и великодержавную сторону многие аспекты внутренней и внешней политики, но основы порочного курса в народном хозяйстве остались неизменными. Никакого протекционизма, вписываемся в глобальные кооперационные цепочки, инфляция у нас — только монетарная, а русские ничего хорошего произвести не могут по опре-

делению. У нас есть тридцатилетний печальный опыт хозяйничанья постсоветской «жреческо-экономической» бюрократии. Потому их лучше поддержать на привязи. Тем более что у многих чиновников ныне — весьма сомнительный послужной список. Знаете, когда преобразование в гражданском авиастроении поручают бывшему мебельному торговцу и налоговнику, а формирование инновационной системы — экс-рекламщику и бывшему околоспортивно-футбольному деятелю, сие ни в какие ворота не лезет.

Какие общественные комиссии нашего промышленного Собора-парламента нужны?

- Активной индустриальной политики, поддержки несырьевого экспорта и протекционизма
- Реформы налоговой системы
- Реформы кредитно-финансовой сферы
- Преобразования ЖКХ

- Активной агропромышленной политики
- Топливо-энергетического комплекса
- Государственных мегапроектов развития и пространственного планирования
- Создания полноценной НИС — Национальной инновационной системы.
- Социальной политики и реальных доходов населения

Кто должен входить в состав таких комиссий, между собою тесно взаимодействующих? Те самые (со всей Федерации!) успешные промышленники-практики, представители передового агропрома, лидеры научно-технического предпринимательства, флагманы IT-сектора, транспорта, строительства, связи. Необходимы и представители реальных профсоюзов. И непременно те, кто ближе к земле и народу — избранные мэры городов и губернаторы. Ведь они находятся на переднем крае и на себе чувствуют все последствия принимаемых в Москве решений. Да и имеющиеся на местах возможности для производства, агропрома и высокотехнологичного предпринимательства им ведомы куда лучше, нежели обитателям столичных кабинетов.

По сути дела речь должна идти о подготовке преобразований, сравнимых по эпохальности с Великой реформой 1861 года (отменой крепостного права). Ведь предстоит сбросить иго прозападного антипромышленного монетаризма-глобализма, сформировав курс на реальный национальный патриотизм в экономике.

Конечно, приведённый список комиссий такого «промпарламента» условен и может дополняться-видоизменяться по мере работы. Тут сама жизнь и реальное действие подскажут. Не исключаю, что к делу следует подключать и белорусских коллег (у них есть немалый и полезный опыт несырьевого развития) — ибо по сути мы представляем из себя один хозяйственный организм.

Такая работа должна сопровождаться широкой обществен-

ной дискуссией. Одновременно общественные комиссии выступают и как кадровые резервуары. Ибо в них мы увидим подлинных технократов. То есть тех, кто реально возглавляет сложные производства, идущие на острие научно-технического прогресса. А никак не «технократов» в трактовке нынешнего официоза, называющего так серых канцеляристов без идей и принципов. Российская Федерация должна покончить с засылем «эффективной менеджерщины», для чего и требуются отборные кадры умных профессионалов, делом доказавших свои управленческие и организационные способности.

Очевидно, что речь должна идти о создании передовой экономической модели с разными формами собственности. С индикативным планированием — и с частной инициативой, с широким развитием кооперативных предприятий — и адекватным госсектором. Именно так мы сможем творчески использовать тот богатый опыт многоукладных моделей, которые вывели на передовые рубежи Японию, Южную Корею и КНР. Мы сумеем добыть ценные находки из опыта и сталинской индустриализации и Нового курса Рузвельта 1930-х.

Дорогу осилит лишь идущий. Годами звучит хор отчаявшихся, говорящих о необратимой гибели многих высокотехнологичных отраслей и о том, что страна сама уже не вытянет новую индустриализацию. Но опыт тех, кто смог добиться успеха в подъёме своих заводов, агрохозяйств и научно-технических компаний, свидетельствует об обратном: ничего фантастического нет. Возможно и построение новых горизонтальных связей. О чём не устаёт повторять директор Петербургского тракторного завода (ПТЗ) Сергей Серебряков. Ведь если хорошо поискать... Впрочем, послушаем самого Сергея Александровича, когда он летом 2020-го рисовал возможную программу борьбы с белорусским кризисом. Привожу свои конспективные записи.

Белоруссия и РФ перестают бесплодно и разрушительно конкурировать.

Они объединяют усилия в создании линейки агромашин будущего, производя комбайны и тракторы под одной маркой-брендом. Допустим, «Робел» или «Белрос». Строится сеть сотрудничества. Скажем, в России ПТЗ наладил производство автоматических коробок передач для тяжёлой спецтехники и мостов, а «Ростсельмаш» хорошо мастерит ходовую часть и кабины. А в Белоруссии могут делать отменное программное обеспечение, управляющую электронику и отличную окраску. Чтобы каждому предприятию не тратить уйму денег на самостоятельное производство подобного и на импортозамещение, в рамках кооперации каждый поставляет для футуристических машин то, что он выпускает на высшем уровне. В итоге новые изделия мирового уровня заполняют рынок РФ и РБ, вышибая с него импорт, дальше начиная экспансию на внешние рынки. При этом все предприятия — участники схемы остаются самостоятельными. Никто никого не захватывает и не подчиняет, все определяют общее дело, взаимный интерес.

По такой же модели можно создавать производственную кооперацию в других отраслях. Скажем, можно прекратить войну с недопуском на рынок РФ белорусского молока высокого качества, а создать общий бренд по производству твёрдых сыров высочайшего качества. Он поглотит огромные объёмы молока, стимулируя его производство. И так же можно выпускать дорожно-строительные машины, станки и обрабатывающие центры, часы, одежду и обувь, обогащённую целебную пищу, бытовую технику. Или хотя бы те же дроны-БЛА. Можно вспомнить, какие прекрасные лазерные станки делают зеленоградская компания «Лазеры и аппаратура» или та же питерская «Промсвязьавтоматика». В правительстве иной раз и не представляют все имеющиеся возможности.

Если построить дело так, то промышленность перейдёт в стадию бурного роста. Экономический застой уйдёт в прошлое.

Реиндустриализация и суверенитет

Авторский доклад Изборскому клубу Андрея КОБЯКОВА

МИФЫ О ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Материальной основой жизни любого общества является его хозяйственная деятельность. Однако в России именно в вопросах хозяйственного устройства и экономической политики общественное сознание (включая и профессиональные круги, и политиков, и большинство простых граждан) вот уже три десятилетия находится в плену заблуждений, навязанных извне представлений и злонамеренных грубых искажений реальности. Для того чтобы выйти из экономического полубытия и перейти к уверенному развитию, стране, прежде всего, необходимо ментально преодолеть довлеющие неолиберальные догмы и отринуть распространённые мифы.

Существенная их часть связана с якобы нормативным характером глобализации и постиндустриального этапа человеческой истории.

Глобализацию и переход к постиндустриальным экономическим практикам их сторонники, а зачастую и учёные, преподносят как объективно неизбежные этапы мирового развития. В чём-то эта позиция похожа на отношение к техническому прогрессу, который якобы просто развивается сам собой, и мы не можем высказывать никаких претензий к последствиям его развития.

Глобализация — вовсе не некий естественный процесс, которым никто не управляет, а реализация вполне определённой ценностно-идеологической модели. Ключевым в ней являются два пункта: 1) в этой системе не предусматривается сохранение реального суверенитета национальных государств; 2) отказ от суверенитета осуществляется в пользу наднациональных структур, регуляторов и правил, которые преподносятся как самоочевидные и самые лучшие для развития всего мира, на самом деле являясь продуктом реализации замыслов и интересов вполне определённых транснацио-

нальных элит, руководствующихся ценностями неолиберализма.

Основная идея постиндустриализма о «второстепенной» роли промышленного производства и зависимости благосостояния государства в большей степени от непроектных секторов реализуема только в условиях глобализации, ведь сокращение производства в развитых странах отнюдь не означало сокращение потребления. Просто промышленность выводилась в другие регионы мира, что типично для глобализированной экономики. Таким образом, концепты глобализации и постиндустриализма тесно переплетены.

Постиндустриальная экономика возможна только в специфических условиях глобализации и жёсткого мирового разделения труда, предполагающего неэквивалентный обмен, а элитарный постиндустриальный мир — «золотой миллиард» — сегодня существует только за счёт того, что на другом конце земли малооплачиваемое население производит для него материальные ценности.

Фактически постиндустриализм пошёл по традиционному пути колониальных империй, оставив в прямом смысле всю «грязную» работу странам третьего мира. Но даже страны, которые успешно «деиндустриализировались» в пользу третьего сектора, в долгосрочной перспективе больше потеряют от утраты собственной промышленности. Идея, согласно которой население развитых стран будет только оказывать друг другу разнообразные услуги, создаёт общество, где лишь узкая прослойка хорошо образованных специалистов занята «производством знаний». Остальных ждёт участь быть работниками сферы услуг гораздо более низкого уровня — продавцы, курьеры, обслуживающий персонал в магазинах и ресторанах и так далее. Таким образом, общества стран, теряющих промышленное производство, маргинализируются.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ КАК ПРИОРИТЕТ

России, с учётом масштабов страны, соображений безопасности и устойчивости развития, нужна ориентированная на производство, а не спекулятивно-финансовая или преимущественно сервисная модель хозяйства.

Почему именно промышленное развитие является одной из главных задач для страны?

Сегодня страны и блоки, в которые они входят, ведут ожесточённую борьбу за то, чтобы остаться в числе благополучных и не быть вытесненными на периферию цивилизации. Далеко не все страны справятся с этой задачей. Там, где значительная часть населения окажется «ненужной», невостребованной, будут происходить конфликты, бунты, войны, маргинализация и, в конечном счёте, сокращение численности людей.

Ведь что такое благополучие в сегодняшнем мире?

Подлинное благополучие предполагает занятость и возможность для каждого своим трудом обеспечить полноценную жизнь себе и своей семье. Именно это становится в мире главным дефицитом — население Земли можно прокормить, но вывести людей на уровень выше простого физического выживания, сделать их востребованными, дать им возможность проявить свои способности и заниматься осмысленным трудом — уже намного сложнее. Скажем больше — это невозможно там, где не развивается своя промышленность. Дальнейшая ориентация на сырьевой сектор будет приводить только к большей деградации нашей экономики, к падению уровня жизни населения и депопуляции.

Цель наших конкурентов — загнать Россию в «медвежий угол», в компанию отсталых, нежизнеспособных государств. Этому сценарию можно противопоставить только собственное развитие.

Нельзя не отметить и влияние на экономику внешнеполитических факторов. Мир свободной торговли без барьеров — это иллюзия. Мы видим, что против России уже используется механизм санкций, которые будут применяться и в дальнейшем, поскольку позволяют одновременно оказывать на страну внешнеполитическое давление и при этом уничтожать её как экономического конкурента. Любому зарубежному производителю и поставщику товаров и услуг в Россию завтра могут законодательно запретить продолжать работу с нашей страной. В условиях, когда нет отечественных аналогов зарубежным продуктам и услугам, это обозначает не просто экономические убытки, а прямую угрозу безопасности страны. Именно те сферы, где мы не можем что-то производить самостоятельно, — потенциальные точки удара по стране, точки нашей уязвимости, от которых нужно избавляться.

Поэтому новая индустриализация, повышение нашей конкурентоспособности и технологическое развитие — единственная возможность выжить и обеспечить достойную жизнь всем россиянам.

КВАЗИАВТАРКИЯ ВМЕСТО ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ

Противники поддержки российского промышленного развития часто говорят, что нет смысла производить всё на своей территории — когда можно купить за рубежом аналогичные продукты, зачастую более высокого качества или же вообще не производимые сейчас в России. А значит, не нужна и сверхразвитая промышленность. Но высокий уровень развития промышленности и её диверсифицированность при ориентации на собственный рынок — естественная характеристика крупных стран, к числу

которых относится и Россия. У нас самая большая в мире территория, и мы одна из самых многочисленных по населению стран мира.

Уже несколько десятилетий стратегическое мышление в нашей стране в немалой степени сковано представлением об исключительно благотворном характере, эффективности и безальтернативности принципа свободной торговли и вытекающей из него модели открытой экономики для России. Это глубочайшее заблуждение, порочный характер которого я подробно рассматривал в двух своих давних статьях, опубликованных в журнале «Изборский клуб»¹. Здесь я не стану повторять аргументы, изложенные в этих публикациях, а коротко повторю лишь основные выводы.

Свободная торговля и справедливая торговля — далеко не тождественны. В действительности они очень часто противоположны друг другу. Промышленно развитые страны, которые все без исключения стали развитыми именно благодаря протекционизму, навязывают принцип «свободной торговли» менее развитым, используя его как отмычку или даже «фомку» для взлома их внутренних рынков. Такая «свободная торговля» приводит лишь к закреплению и усугублению неравенства стран в существующей глобальной системе разделения труда.

Что касается степени открытости экономики, то она находится в обратной зависимости от размеров территории и численности населения страны: чем страна больше, тем менее открыта её экономика. В свою очередь, реальный суверенитет — самостоятельность, безопасность и устойчивость страны — находится в обратной зависимости от степени открытости её экономики.

Модель открытой экономики, то есть экономики с незамкнутым воспроизводственным контуром,

глубоко интегрированной в мировое разделение труда и зависящей от внешней торговли, — это удел малых стран или стран с крайне низким уровнем развития. Все крупные экономики с высоким или средним уровнем развития тяготеют к квазиавтаркии, как можно более полной замкнутости внутри страны воспроизводственных цепочек, самообеспечению и самодостаточности. Что касается развитых малых стран Европы, то хотя они вынуждены практиковать узкую специализацию в силу ограниченности ресурсов, в том числе трудовых, а также недостаточной ёмкости внутреннего рынка, но при этом они работают в основном на единый европейский рынок, пользуясь его защищённостью. Сам же единый рынок Европейского союза в своей совокупности тяготеет всё к той же квазиавтаркии.

Исходя из размеров нашей страны, экспортная и импортная квоты в ВВП не должны были бы превышать 10–12% — такова оптимальная мера открытости экономики для России. В действительности нынешняя степень открытости российской экономики более чем вдвое превышает оптимальную.

Экономика России должна быть квазиавтаркична, то есть должна работать преимущественно на собственный рынок, а сам этот рынок должен в достаточной степени насыщаться товарами отечественного производства.

Стремление к самообеспеченности — не фетиш. Экономическая система, где существует излишняя специализация и нет разнообразия собственного производства, в долгосрочной перспективе уязвима. Особенно в ситуации, когда внезапно по каким-то причинам перестают работать правила свободной торговли. Теоретически можно купить всё у соседей. Но при условии, что они продадут. Например, ситуация войны

¹ Андрей Кобяков. Восполнение самодостаточности. Россия вместе с соседями должна построить мир-экономику. «Изборский клуб», 2013, № 9.

Андрей Кобяков. Вперёд и вверх. О консервативных принципах перспективной экономической модели для России. «Изборский клуб», 2014, № 3 (15).

или экономических санкций создаёт совершенно иную реальность, когда отсутствие собственных производств в критически важных отраслях может поставить под вопрос само выживание государства.

Наша страна изобилует разнообразными природными ресурсами. Количество населения влияет на возможность организовать все отрасли современной экономики — в России достаточно населения для того, чтобы укомплектовать все производства своей рабочей силой. Единственное, чего хватает не вполне, — ёмкости рынка. Ряд отраслей современной промышленности для обеспечения рентабельности требуют масштаб производства, превышающих потребности любого национального рынка. Но это верно только для некоторых отраслей — автопрома, авиастроения, некоторых видов электроники. Тогда

как для других отраслей промышленности даже российского объёма рынка в 150 миллионов человек вполне достаточно — например, для пищевой, лёгкой, деревообрабатывающей, мебельной промышленности, индустрии строительных материалов, специального машиностроения и т.д.

Мы большая страна, а значит, у нас может быть своя развитая промышленность. Нужно только менять приоритеты, стремиться к организации диверсифицированного промышленного комплекса (максимально полного воспроизводственного контура) внутри страны.

Против России уже используется механизм санкций, которые будут применяться и в дальнейшем, поскольку позволяют одновременно оказывать на страну внешнеполитическое давление и при этом уничтожать её как экономического конкурента.

Поэтому новая индустриализация, повышение нашей конкурентоспособности и технологическое развитие — единственная возможность выжить и обеспечить достойную жизнь всем россиянам.

У России есть все ресурсы для ускоренного экономического роста и реиндустриализации.

Выйти на путь опережающего развития, добиться технологического рывка — эта задача совершенно реальная (хотя и трудная, и на её решение потребуются годы упорных усилий).

У нас нет ограничений со стороны сырьевого и научно-технического потенциала, со стороны производственных фондов и трудовых ресурсов.

Естественно, что в силу определённых причин наша экономика не может быть даже в идеале абсолютно замкнутой системой — хотя бы в силу географического положения и особенностей климата, который не позволяет выращивать тропические фрукты или хлопок.

Для восполнения неизбежной неполноты воспроизводственного контура, а также для обеспечения гарантий устойчивости отечественных предприятий необходимо вместе с соседями строить свой защищённый общий рынок. В этом отношении инициатива создания

Евразийского экономического союза — безусловно целесообразная, хотя рамки этого интеграционного образования следует существенно раздвигать, не сводя его к постсоветскому пространству. Приоритетным направлением расширения такого объединения — как с точки зрения объёма потенциального общего рынка, так и с точки зрения охвата климатических зон, — представляется Южная и Юго-Западная Азия (Иран, Индия, Сирия, Турция и др.).

ЕСТЬ ФУНДАМЕНТ И НЕСУЩИЕ КОНСТРУКЦИИ

Для реиндустриализации имеет значение достигнутый до этого уровень развития страны. В России осталась производственная инфраструктура, её не надо создавать

с нуля, не всё разрушено, но она нуждается в модернизации. Образовательная инфраструктура также существует, в России сохранены свои образовательные и научные школы, в этой сфере тоже не всё утрачено, а что-то и приобретено — по ряду направлений, например, в сфере ИТ, в России есть уникальные разработки, аналогов которым нет в мире. Для современных промышленных программ необходима связь с наукой. Сложнее всего для государства создать свою фундаментальную науку, а она у нас есть. Наука — всё ещё наша сила.

Нам не нужно придумывать с нуля, как осуществлять реиндустриализацию в условиях рыночной экономики. Есть смысл воспользоваться опытом стран, которые действовали в условиях частной собственности на средства производства, но при этом совершили экономический и промышленный рывок при поддержке государства. Это Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай. Нужно воспользоваться опытом стран, которые стремятся обеспечивать свои рынки своими товарами.

В России достаточно специалистов, способных разработать эффективную программу реиндустриализации. Уже многие годы эти люди на самых разных площадках — включая Московский экономический форум, Торгово-промышленную палату РФ, институты РАН, экспертные центры и институты, отраслевые площадки — пытаются донести до руководства страны идеи альтернативной экономической политики, однако их не слышат, и от рычагов формирования экономической политики они оттеснены. Но если выбор в пользу новой экономической политики, основанной на развитии отечественного производства, будет сделан, в стране достаточно учёных, экспертов, опытных производственников, которые способны как теоретически разработать, так и на практике осуществить такую программу.

Можно сделать однозначный вывод: у России есть все ресурсы для ускоренного экономического роста и реиндустриализации. Выйти на путь опережающего развития, добиться технологического рывка — это задача совершенно реальная (хотя и трудная, и на её решение потребуются годы упорных усилий). У нас нет ограничений со стороны сырьевого и научно-технического потенциала, со стороны производственных фондов и трудовых ресурсов. В России есть всё необходимое для ежегодного роста темпами не в 1–2%, что предлагают сегодня экономические ведомства, заведомо предвидя для страны лишь упадок и стагнацию, а по 6–8% и даже выше на протяжении достаточно долгого периода.

Вопрос — в экономической политике, не меняя которую, добиться ускоренного роста невозможно. Фактически, в России отсутствуют лишь политические условия для реализации такой задачи — сегодняшними экономическими властями она просто не ставится. Налицо отказ от планирования стратегического рывка. И это главное, что необходимо изменить.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Наличие развитой промышленности — это вопрос стратегической безопасности России и социально-экономической стабильности нашей страны.

Именно поэтому индустриальное развитие не может быть отдано на откуп стихии рыночных сил, тем более что для отечественных предприятий несырьевого сектора самой экономической моделью созданы сегодня крайне неблагоприятные условия работы в России. Нужно стратегическое планирование экономического развития, где промышленное развитие будет увязано с кредитно-денежной политикой, реформами налоговой системы и т. п. Это должен быть комплекс мер, никакие отдельные точечные меры не работают. Не вводя систему

поддержки отечественных производителей и не приняв программу стратегического развития экономики, охватывающую все её компоненты, отдельными мероприятиями прорывов не добьешься.

Ряд либеральных экономистов считают, что в России надо делать акцент не на собственное производство, а на продуцирование инноваций. Но тогда российские учёные и талантливые специалисты становятся лишь обслуживающим звеном иностранных корпораций и чужих экономик. Только собственное комплексно развитое (а не сосредоточенное в ограниченном числе отраслей) производство создаёт устойчивый и масштабный спрос на науку, инновации, образование.

Мы хотим видеть Россию экономически развитой. Но какую страну следует считать «экономически развитой»? С какой структурой экономики?

Неужели это страна с развитым третичным сектором, живущая преимущественно за счет интеллектуальной ренты, но не создающая в полном объёме для собственных нужд элементарных благ — продуктов питания, одежды, бытовых товаров и т. п.? Для России больше подходит вариант создания собственной полноценной экономики, а не узкоспециализированной «одноногой» или «однорукой» модели.

За счёт высокой обеспеченности ресурсами Россия может позволить себе выбирать любой путь развития, включая создание полноценной диверсифицированной наукоёмкой экономики с собственным промышленным ядром. Для этого необходимо сконцентрироваться на внутреннем спросе, а не внешнем, уйти от чрезмерной зависимости от экспорта и импорта, хотя бы на время.

Важной целью стратегического развития России должна стать переориентация с продажи природных ресурсов за рубеж на их максимальное использование внутри страны. Мы продаём наши нефть и газ, ме-

таллы и древесину, чтобы потом покупать продукты, которые из них произведут за рубежом. При развитой обрабатывающей и перерабатывающей промышленности мы могли бы не продавать природные ресурсы за рубеж в таких масштабах, а максимально использовать их сами, экспортируя лишь излишки. Именно свои предприятия должны «переваривать» большую часть российского сырья, превращая его в продукты с высокой добавленной стоимостью.

Мы должны быть реалистами: никакой свободный рынок сам условия для экономических прорывов не создаст. Только государство способно задать такие рамочные условия и установить такие приоритеты, которые способствуют достижению стратегических целей.

В период форсированной модернизации бизнес встраивается в стратегию развития, а не наоборот. В противном случае в Южной Корее просто никогда бы так и не было автомобильной промышленности, всего огромного машиностроительного комплекса, химического, фармацевтического кластеров и т.д. Япония вряд ли бы выбилась в лидеры в электронике, автомобилестроении, химии, фармацевтике, банковском секторе. Успех китайской экономической реформы связан, прежде всего, не с раскрепощением частной предпринимательской инициативы и расцветом малых предприятий — всё это не привело бы к масштабным изменениям отраслевой структуры, форсированной комплексной модернизации производственной базы

и реализации инфраструктурных мегапроектов и пр.

Существует мнение, что государства в российской экономике сегодня «слишком много» и оно всё контролирует, тогда как для развития надо, наоборот, максимально устранить госрегулирование. Но вопрос не в том, «сколько» государства, вопрос в том, как оно распоряжается своими возможностями по регулированию экономики. Если активное участие государства направлено на развитие и стимулирование экономического роста, вряд ли найдется кто-то, кто будет выступать против.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И ПРОТЕКЦИОНИЗМ

Необходим анализ состояния каждой конкретной отрасли на текущем этапе и условий её конкуренции с зарубежными производителями (в том числе и тех условий, которые те имеют в своих странах, — например, получение ими экспортных и иных субсидий, льготное налогообложение, природно-климатические условия и т.д.). Для каждой необходимо разработать план требующейся поддержки. К сожалению, некоторых имевшихся в СССР отраслей сегодня уже не существует, или они сохранились лишь частично.

Поэтому помимо поддержки существующих отраслей реиндустриализация должна включать в себя: — восстановление производств, разрушенных в 90-е годы, — естественно, на современном технологическом уровне;

- организацию в рамках импортозамещения новых предприятий, необходимых для достройки производственных цепочек и создания замкнутых отечественных полных производственных циклов во всех ключевых отраслях;
- создание принципиально новых, пионерных отраслей и производств с целью достижения лидерских позиций по различным направлениям шестого технологического уклада

Для достижения целей реиндустриализации необходим выверенный набор регуляторных воздействий с использованием всех доступных рычагов экономической политики. Один из важнейших таких рычагов является протекционизм.

Вполне закономерно, что полная открытость и незащищённость российского рынка в ситуации, когда у зарубежных конкурентов гораздо более высокий уровень господдержки, более выгодные финансовые и инфраструктурные условия, уже привёл нас к ситуации, когда многие отечественные отрасли промышленности практически ликвидированы.

Необходимость умеренной (а в ряде отраслей и весьма интенсивной) протекционистской политики обусловлена неравными условиями, в которые поставлены многие отрасли российской промышленности в сравнении с иностранными конкурентами. В том числе неравными являются и условия нашего членства в ВТО. Так, в России полностью обнулены пошлины на ввоз кожаной обуви, в то время как, например, в Японии они составляют 25%. Условия, на которых Россия вступила в ВТО, напрямую запрещают целый ряд возможных мер поддержки отечественных производителей, и уровень этой поддержки порой в десятки, а то и сотни (!) раз меньше, чем у мировых лидеров.

Несопоставимы условия кредитования российского бизнеса с бизнесом высокоразвитых стран. Далека от оптимальной налоговая нагрузка. Следует иметь в виду прин-

ципиальную невозможность полного выравнивания издержек производства в сравнении со многими конкурентами, в частности, в России с её особенностями климата и размером территории при всех прочих условиях сохраняются высокие расходы на отопление и на транспортировку. Контрпродуктивна попытка конкурировать в уровнях оплаты труда с бедными и тем более беднейшими странами. Зарплатная «гонка на дно» ведёт к падению благосостояния общества (что уже неприемлемо с точки зрения национальных целей развития), к сокращению совокупного массового спроса и, как следствие, оказывает угнетающее воздействие на экономическую активность.

Поэтому сегодня внешнеэкономическая политика должна быть направлена на то, чтобы защитить производство несырьевого сектора и обеспечить равные условия кон-

куренции с зарубежными производителями. Именно это должно стать приоритетом.

К этому следует добавить, что политика протекционизма может и должна предусматривать механизмы возвращения обществу полученных государством дополнительных средств (таможенных пошлин и сборов) через доплаты, пособия и дотации — для увеличения покупательной способности населения и компенсации повышающихся в результате протекционистских мер цен на товары.

ЧЛЕНСТВО В ВТО ПРОТИВОРЕЧИТ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

Усилиями массивированной глобальной неолиберальной пропаганды в мире сформировано сугубо негативное отношение к протекцио-

низму — в научных кругах, в сфере образования, в высокой политике и в широком общественном мнении. Слово «протекционизм» стало своего рода запретным или даже ругательным.

Россия, следовавшая в своей экономической политике в фарватере неолиберальных идей, естественно, придерживалась той же позиции: весь период с начала экономических «реформ» идея протекционизма была табуирована в нашей стране. Сменявшие друг друга правительства неизменно проводили противоположную протекционизму стратегическую линию, апофеозом которой стало вступление во Всемирную торговую организацию.

Присоединение к ВТО принесло России несравнимо больше проблем, чем каких-либо новых возможностей, большинство из которых абсолютно иллюзорны. Решение о вступлении

не имело под собой никаких рациональных обоснований. Открыв свой рынок, наша страна не получила никаких преимуществ, одновременно лишившись возможности полноценной поддержки собственного производства.

Судя по товарным группам, выделенным по номенклатуре ВТО, среди крупных стран мира у России самая низкая доля промышленных товаров в экспорте (20%) и самая высокая доля топливно-минеральных продуктов (70%). У других указанное соотношение обратное: у Китая доля промтоваров — 94%, доля топливно-минеральных продуктов — 3%, у Японии — 88% и 4%, у Германии — 86% и 5%, у США — 74% и 10%, у Индии — 64% и 25%. Ближе

всех к нам по структуре экспорта находится Бразилия (35% и 28%), но даже у нее доля промтоваров превышает минерально-сырьевую. Зато у нашей соседки Украины структура товарного экспорта ближе к американской, чем к российской: 64% — промтовары и только 15% — топливо и минеральное сырьё².

На что было потрачено время — те почти 19 лет, которые занял переговорный процесс о присоединении к ВТО, — непонятно. Как торговали, так и торгуем сырьем, которое у нас и так с радостью купят без дискриминационных пошлин. Более того, структура нашего экспорта за годы ведения переговоров о вступлении в ВТО резко деградировала. По данным Росстата, за период

с 1995 по 2010 год доля минерального сырья в российском экспорте увеличилась с 42,5% до почти 70%, а доля машин, оборудования и транспорта — снизилась с 10,2% до 5,7%³. Очевидно, что сначала надо было добиться качественной перестройки национальной экономики и структуры внешнеторгового оборота, а потом уже стремиться в ВТО, чтобы получить доступ к зарубежным рынкам готовой продукции. Так, в частности, действовал Китай.

Среди сторонников вступления в ВТО также бытовал миф о том, что после вступления в эту организацию на Россию польется дождь из прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Но иностранный инвестор — не глупец. Он не станет рисковать

² Кобяков А., Коваль О. Целостность как основа независимости (Только в рамках интеграции с соседними странами Россия сможет создать самодостаточную экономику) // «Однако», 2013, № 169, август–сентябрь.

³ Там же.

и вкладываться без существенных гарантий возврата и окупаемости инвестиций.

Каковы главные мотивы прихода в страну ПИИ? Их существует всего три. Первый — использовать страну-реципиента капитала в качестве производственной базы для дальнейшего экспорта готовой продукции в третьи страны. Второй — перевести в страну — реципиента капитала производство отдельных деталей или узлов, или использовать её для аутсорсинга определённых операций или модулей при сохранении приемлемого уровня качества. Оба мотива бывают актуальными в том случае, когда в наличии сравнительная дешевизна и избыток определённого вида ресурсов (рабочей силы, экологического ресурса и пр.). Именно это условие было определяющим для притока ПИИ в Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии.

В случае с Россией это обязательное условие для обоих мотивов, которые могли бы возникнуть у иностранного инвестора, представлено слабо. Разрыв в оплате труда с развитыми странами не представляется существенным. Остаются лишь надежды на то, что инвестиции могут быть связаны с переносом в Россию грязных производств из-за различий в уровне строгости экологических стандартов. Однако с учётом активизации деятельности в России в последние годы различных неправительственных организаций, в том числе экологической направленности, риски, связанные с такими инвестиционными проектами, резко возрастают.

Третьим мотивом для притока иностранных инвестиций — весьма актуальным в случае с Россией — является привлекательность внутреннего рынка. Факторами импортозамещения, то есть более высокой привлекательности переноса в Россию производства товаров для их внутреннего потребления по сравнению с ввозом готовой продукции из-за рубежа, выступают экономия на транспортных издержках и иных видах логистики, а также защищён-

Истинная цель протекционизма — обретение подлинного суверенитета за счёт максимально возможного снижения зависимости от внешней конъюнктуры, от зарубежных поставщиков и иностранных технологий, создания иммунитета от враждебного геополитического давления и экономического шантажа.

ность внутреннего рынка торговыми барьерами. Экономия на логистических издержках выглядит весьма сомнительной, к тому же она может быть перекрыта дополнительными издержками, связанными с повышенными криминальными рисками, коррупцией, снижением качества и пр. На этом фоне единственным существенным фактором (мотивом) выглядела именно защищённость российского внутреннего рынка.

Поэтому вступление в ВТО, так же как и отсутствие государственного протекционизма, не привело и не могло привести к увеличению ПИИ в российскую экономику. Напротив, сразу же после присоединения нашей страны к ВТО многие потенциальные инвесторы отказались от производственных проектов в России, встревоженные последствиями этого шага. А именно снижением гарантий окупаемости вложений в российскую экономику.

Фактически ВТО работает для закрепления преимущества стран, уже занимающих ведущие позиции на мировом рынке промышленной и сельскохозяйственной продукции, и, вопреки заявленным целям развития, только усугубляет зависимость периферийных экономик от глобальных корпораций и финансовых институтов.

При этом сами развитые страны произвольно решают, выполнять ли им какие-либо указания и рекомендации наднациональных экономических структур. Так, США соблюдают любые нормы лишь тогда, когда им это выгодно. А во многих американских стратегических документах ВТО объявлена потенциально опасной для интересов США.

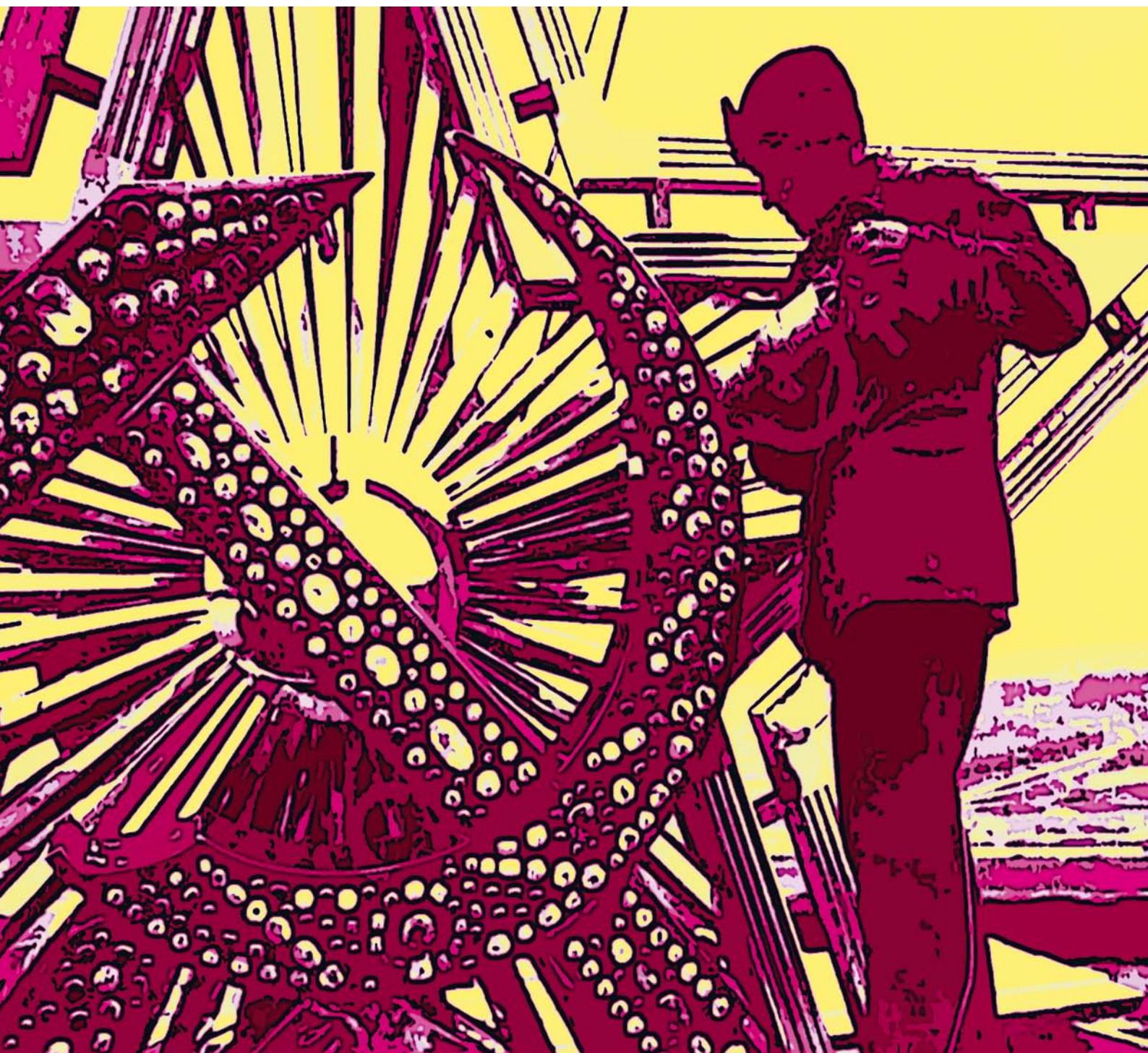
ВТО воплощает собой неолиберальное экономическое мышление. Но почему все должны следовать ему и считать его догмой?

В практическом смысле у России есть несколько вариантов минимизации своего ущерба от членства в ВТО. Можно просто выйти из организации. Альтернативные варианты — требовать вместе с другими странами реформы ВТО и выравнять условия членства в ней или просто обходить её правила по примеру многих участвующих в объединении стран. В любом случае, Российская Федерация должна активно защищаться, чтобы избежать дальнейших потерь.

Способ известен давно. Как уже было сказано, это протекционизм.

Но содержание протекционизма далеко выходит за рамки собственно торговой политики и защиты отечественных производителей. Протекционизм в широком смысле, по сути, есть политика государственного покровительства по отношению к национальной экономике.

Истинная цель протекционизма — организация в стране условий для комплексного расширенного экономического воспроизводства, включая расширенное воспроизводство капитала, рабочей силы и диверсифицированной структуры хозяйства. А в конечном итоге — обретение подлинного суверенитета за счёт максимально возможного снижения зависимости от внешней конъюнктуры, от зарубежных поставщиков и иностранных технологий, создания иммунитета от враждебного геополитического давления и экономического шантажа.

/ Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

Пора играть ПО СВОИМ ПРАВИЛАМ

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Многое происходящее на наших глазах вызывает удивление. Источник большинства наших проблем очевиден. И разочарование значительной части наших сограждан в действиях правящей элиты, и проблемы со стороны ближнего зарубежья связаны с тем, что наша страна в ходе происходящих в последние 30 с лишним лет реформ в области экономики развивается удивительно медленно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить путь, который Советский Союз прошёл за 30 лет, с 1945 по 1975 год, и новая Россия с 1991 по 2021 год. СССР восстановил хозяйство огромной страны, открыл миру путь в космос, создал атомную промышленность, вёл в будущее мировую социалистическую систему, имел образование и науку мирового уровня, активно поднимал уровень жизни граждан, стал сверхдержавой. А Россия...

И власть говорит о необходимости ускоренного развития страны. В Послании Федеральному собранию от 03.01.2018 президент заявил: «Изменения в мире носят цивилизационный характер. И масштаб этого вызова требует от нас такого же сильного ответа. Мы готовы к настоящему прорыву». В том же послании сказано: «Наш главный враг — отсталость». Очерчены четыре главных направления — сбережение народа, новая индустриализация, модернизация территории страны, обеспечение национальной безопасности.

Всё сказано. Именно то, о чём много лет писал журнал «Изборский клуб. Русские стратегии». Осталось взяться за работу. Начать и кончить.

И тут происходит нечто странное. Дела как-то после этих правильных слов не идут.

Вспомните, в 2000-х годах говорили о необходимости перейти от «экономики трубы» к инновационному пути развития страны. Помните

«четыре «И»» — инновации, инвестиции, инфраструктура, институты. Потом к ним добавили пятое «И» — интеллект. А потом про эти «И» все забыли. Или проект развития цифровой экономики в РФ. Сейчас идут национальные проекты (2019–2024). И в проекте «Культура» две главные цели: «1. Увеличение на 15% числа посещений организаций культуры. 2. Увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз». То есть надо чтобы люди почаще ходили в кино и цирк и не отрывались от своих мобильных? Но культура-то совсем другое!

Если что-то провалили, что-то не получилось, давайте разбираться, почему не получилось. И потом доводить дело до конца. Управление без контроля результатов невозможно. «Доверие доверием, а проверие проверием», — говорил академик И. В. Курчатова. И у него с коллегами всё получилось — атомную бомбу создали. Именно то оружие, которое является главным инструментом, благодаря которому Россия сохраняет свой суверенитет, а наши «партнёры» не растащили её по частям. Но у нас почему-то не получается.

Но слова словами, а дела делами. А. Ивантер и А. Виньков в статье «Рано успокоились», опубликованной в журнале «Эксперт»¹, проанализировали крупнейшие направления инвестиций, поддержанные государством за последние 20 лет. Если отбросить заведомо неудачные начинания, а также чемпионат по футболу, саммит и Олимпиаду, без которых в нашей ситуации вполне можно было обойтись, то мы видим типичные затраты страны — сырьевого донора. Но история учит, что страны-доноры не бывают богатыми, да и их исторический путь очень короток. Понимаю интересы олигархов, которые любят «распиливать» гигантские госрасходы. Но почему это именно то, что выдётся за приоритеты России? Почему дела находятся в разительном

противоречии с прекрасными словами, которые говорят с высоких трибун? Этот вопрос мы и обсудим в данных заметках.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ: БИФУРКАЦИЯ И ПЕРЕХОД В НОВУЮ ЭПОХУ

Наш мир нелинеен. Это означает, что, двигаясь по направлению к лучшему достаточно долго, мы можем не прийти в ту ситуацию, где совсем хорошо, а, наоборот, — попасть туда, откуда хотелось бы как можно скорее выбраться. Это понимали философы и в древности. Евбулид, философ мегарской школы, живший в IV веке до нашей эры, задал следующий вопрос. Одна песчинка — не куча, две песчинки — не куча, а миллион — уже куча. Где же та грань, на которой множество песчинок становится кучей? Евбулида можно назвать предтечей теории самоорганизации, синергетики (от греческого «совместное действие»). Самоорганизация означает самопроизвольное, спонтанное возникновение упорядоченности в пространстве, во времени, в образе действий в системах, состоящих из взаимодействующих элементов.

Именно самоорганизация дала нашему виду ключевое преимущество в ходе эволюции. Синергетика возникла в 1970-х годах в естественных науках. Однако сейчас её представления стали частью общественного сознания и достоянием гуманитарных наук. «Решающую роль в завоевании нами мира сыграла наша способность объединять в сообщества массы людей... Насколько известно, только Homo Sapiens способен в очень гибких формах взаимодействовать с неограниченным числом незнакомцев... Homo Sapiens руководствуется не холодной математической логикой, а скорее теплой социальной. Мы подчиняемся эмоциям», — пишет автор популярного сейчас бестсел-

¹ «Эксперт», 2018, № 3(1059), с.26–31.

Скорость и масштаб происходящих изменений позволяют говорить о происходящей в настоящее время гуманитарно-технологической революции.

В традиционном обществе акцент был сделан на объекте, на освоении мира, человек «покорял природу». В индустриальном — на средствах.

Маркс писал, что эпохи отличаются не тем, что производят, а тем, как производят. Сейчас в положении объекта, который изменяют, находится человек.

лера «Homo Deus. Краткая история будущего» Ю.Н. Харари².

Наши действия с увеличением числа участвующих в них людей могут быть всё более эффективными. Если человек встретится с тигром, то зверь его съест. Если встретятся 10 человек, то девять могут спастись. Сто человек смогут оградить свою деревню. Десять тысяч уже могут организовать охоту на тигров, миллион устроит зоопарк, а 10 миллионов будут охранять вымирающий вид в лесах своей страны.

Важной чертой нелинейных систем является бифуркация (от французского bifurcation — раздвоение, ветвление). Это изменение количества, устойчивости или типа упорядоченности при увеличении какого-либо значимого параметра. При этом возможны неожиданные и качественные перемены. «Не было ни гроша, да вдруг алтын», — гласит известная поговорка. Видимо, в ней речь идёт о бифуркации.

Разберёмся теперь с нынешней бифуркацией. Именно самоорганизация сделала нас **технологической цивилизацией**. В ходе развития мы научились передавать свои жизнеспасающие технологии (помогающие жить лучше и дольше) в пространстве (из региона в регион) и во времени (от поколения к поколению). Мы имеем в обществе людей, которые умеют придумывать такие алгоритмы жизни и в течение долгого и сложного процесса обучения передавать их молодым.

Наша эпоха войдёт в мировую историю как эпоха глобального демографического перехода. Британский социолог, демограф и священник Томас Мальтус (1766–1834) полагал, что численность любого вида, когда ресурсов хватает, растёт в геометрической прогрессии (увеличивается в одно и то же число раз за одинаковое время). И это верно для всех видов, кроме нас. Мы росли гораздо быстрее — по гиперболическому закону (до определённого момента). Если бы развитие шло в таком же темпе, то в это время нас стало бы на Земле бесконечно много.

Почему же мы более 200 тысяч лет развивались в таком стремительном режиме? Потому что мы развивали технологии, заселяли новые территории, осваивали неудобья, включая их в свою экономическую систему. И вот сейчас, на времени жизни одного поколения, скорость роста числа людей на планете стремительно уменьшается. Раньше алгоритмом были — высокая смертность и ещё более высокая рождаемость. Должен же кто-то присмотреть за родителями на старости лет! Развитие медицины и увеличение продолжительности жизни, даже в развивающихся странах, всё изменили. Алгоритм стал другим — низкая смертность и низкая рождаемость. Произошла бифуркация в глобальной демографии. Это совсем другой мир! Исполнилась мечта Фауста — людям подарили вторую

молодость. Одноклассники Пушкина к 30 годам делали всё главное в жизни, уходили на покой и считали себя стариками. Сейчас же прозаиков, которым 60 лет, относят к молодым писателям. Появился огромный ресурс времени. Вопрос лишь в том, как он будет использоваться...

Мы живём в странное время, когда вдруг теории, построенные полвека назад, начинают воплощаться в реальность. Чтобы представить процесс, построить модель сложного объекта, его проецируют на ту или иную ось, упрощают. Сложным объектом является мировая история. Если в качестве оси взять отношения собственности на средства производства, то получается исторический материализм с его делением на формации — от первобытно-общинной до коммунистической. Американский социолог Дэниел Белл предложил взять другую ось — роль науки как источника развития общества. И тогда деление будет другим — традиционная (до XX века), индустриальная (XX век) и постиндустриальная (в которую мир входит сейчас) фазы развития цивилизации. Суть своей теории, имеющей непосредственное отношение к переживаемой бифуркации, он формулирует так: «На протяжении большей части человеческой истории реальностью была природа: и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести своё “я” с окружающим миром. Затем реальностью стала техника, инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое существование вне его “я”, в овеществлённом мире. В настоящее время реальность является в первую очередь социальным миром — не природным, не вещественным, а исключительно человеческим, — воспринимаемым через отражение своего “я” в других людях... Человек может быть переделан или освобождён, его поведение — запрограммировано, а сознание изменено. Ограничители прошлого исчезли вместе с концом эры природы

² Юваль Ной Харари. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: «Лабиринт», 2019.

и вещей. Но не исчезла двойственная природа самого человека — с одной стороны, убийственная агрессивность, идущая от первобытных времён и направленная на разрушение и уничтожение буквально всего, а с другой — поиск порядка в искусстве и в жизни, понимаемого как приведение воли в состояние гармонии»³.

Суть переживаемой драмы состоит в том, что мы в России, а также во многих других странах пытаемся жить по правилам и алгоритмам индустриальной эпохи, в то время как мир стал иным. Да и самоорганизация в разные эпохи различна. В традиционном обществе она обеспечивает защиту и помогает прокормиться. В индустриальную эпоху огромную роль играет эффект масштаба — крупные предприятия позволяют делать всё больше и лучше. Социальные проблемы выходят на первый план: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Важнейшим

инструментом становятся деньги, универсальный скаляризатор. Они показывают, «сколько стоит человек», какова цена того, что он производит. Во многом именно они определяют потребность производимых товаров и сценарии самоорганизации.

В 1950-х годах создатель кибернетики Норберт Винер толковал, что автоматизация со временем приведет к тому, что людям будет нечего продать на рынке и надо будет принципиально иначе решать социальные проблемы. И это время пришло.

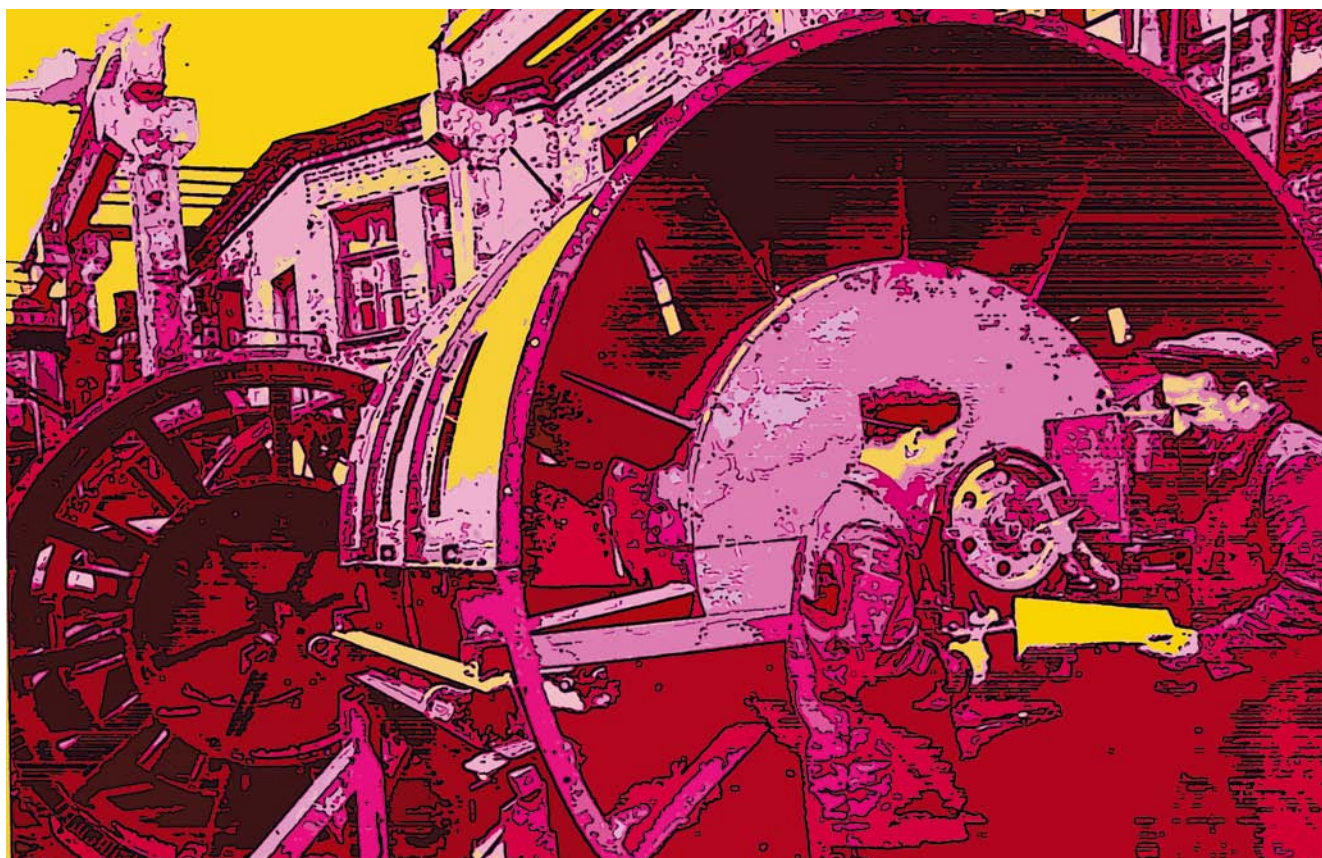
Несколько десятилетий теория постиндустриального развития Белла была одной из многих концепций. Однако катализатором перемен стало тотальное использование компьютеров в быту. Скорость и масштаб происходящих изменений позволяют говорить о происходящей в настоящее время **гуманитарно-технологической революции**. В центре этой революции человек. В традиционном

обществе акцент был сделан на объекте, на освоении мира, человек «покорял природу». В индустриальном — на средствах. Маркс писал, что эпохи отличаются не тем, что производят, а тем, как производят. Сейчас в положении объекта, который изменяют, находится сам человек.

Современному капиталу люди, по сути, не нужны. Роль большинства из них сводится к функции покупателей.

О постиндустриальной реальности позволяет судить структура занятости в ведущих странах. Из 100 человек двое работают в сельском хозяйстве, 10 в производстве, 13 в управлении. Что же должны делать остальные 75? Ответ на этот вопрос и определит, как в XXI веке будет пройдена бифуркация.

В настоящее время эти 75 человек приписаны к сфере обслуживания. Один из ведущих специалистов в области искусственного интеллекта

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с английского. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Academia, 2004. С. 664.

Кай-Фу Ли предсказывает, что через 10–15 лет, в силу широкого использования компьютеров, 40–50% людей, работающих в США сейчас, останутся без работы. Они ничего не будут делать?

Ответ «ничего» — нехорош. В позднем Риме для множества людей не было работы, и эти люди требовали хлеба, зрелищ и раздачи денег. Но это не слишком хорошая основа для самоорганизации. Когда пришли варвары, которые значительно уступали римлянам в области военных технологий, то, если верить Гибону, никто из горожан не вышел защищать город. Они либо наблюдали театральное представление, либо участвовали в нём.

Поэтому важнейшей задачей является сохранение социальной стабильности. Волнения в США и во Франции показывают, что даже для развитых стран это оказывается делом непростым.

И здесь главная надежда на компьютеры. Они не играют значимой экономической роли, но являются важнейшими механизмами социального развития. Они «сжигают» свободное время миллиардов людей, погружая их в чужой, призрачный, далёкий от них мир. С другой стороны, они сделали неравенство в современном мире очевидным. Более пяти миллиардов человек хотят иметь такой уровень жизни, как в Западной Европе или США. Но для этого на планете нет ни ресурсов, ни технологий, ни кадров, готовых воплотить это желание.

В 2018 году основатель и руководитель Давосского экономического форума («форума миллиардеров», как его часто называют) Клаус Шваб выпустил книгу «Четвёртая промышленная революция». Революция эта цифровая, практически не связанная с промышленностью и производством. В книге прогно-

зируется 21 века, которая, по прогнозам экспертов, должна быть пройдена до 2025 года. Среди этих вех: продажа вживляемых мобильных телефонов; 1 триллион датчиков, следящих за происходящим; 90% населения планеты имеют смартфоны; 10% носят одежду, подключенную к интернету, и т.д. и т.п. Если назвать вещи своими именами, то это полное лишение личного пространства и постоянное присутствие Большого брата в жизни каждого. Это **идеальная тюрьма**. Человек думает, что за ним постоянно наблюдают, и это меняет его поведение. В следующей книге, написанной К. Швабом совместно с Т. Маллеретом, всё это уточняется и вводится идея «инклюзивного капитализма». В этом дивном новом мире не будет стран, границ, религий, этносов, вещей в собственности (всё будет даваться напрокат, как в случае каршеринга), все деньги станут цифровыми. Французский социолог

Жак Аттали назвал всё это **эпохой гиперконтроля**.

Сразу вспоминается фильм братьев Вачовски «Матрица», снятый в 1999 году, в котором элита, не умея решить реальных проблем, погружает население мира в наркотический сон, в имитацию жизни. В этом варианте Нового Средневековья участь 99% населения — быть узниками электронной тюрьмы. Смартфоны или устройства следующих поколений, конечно, оставят, чтобы сидеть было не так грустно.

Но ведь есть и другой вариант! Есть огромное пространство для творчества, науки, искусства, воспитания человека — для преображения. Было бы желание всё это делать. Всё дело в людях, в их взаимодействии и самоорганизации. Нужна идеология, связывающая долгосрочный научный прогноз и образ желаемого будущего.

И мы опять возвращаемся к прогнозу, который четверть века назад давал Иммануэль Валлерстайн. Он полагал, что прохождение точки бифуркации и формирование нового мироустройства займёт 40–50 лет, и писал: «Мы сейчас вступаем в новую эпоху, эпоху, которую я описал бы как период дезинтеграции капиталистической микроэкономики. Все разговоры о создании “нового мирового порядка” — всего лишь пустые заключения, которым почти никто не верит и которые, во всяком случае, маловероятно осуществить... Вот на какой вызов мы должны ответить — создание новой левой идеологии во время распада исторической системы, в которой мы живём. Это не простая задача, и не такая, которую можно решить с сегодня на завтра»⁴.

Мы живём в сложное, интересное, переломное время. Но разве кто-то обещал России, что будет просто?

УСЛОВИЯ ЗАДАЧИ

С огромным удовольствием читаю А.А. Проханова, С.Ю. Глазьева, В.С. Овчинского, М.Г. Делягина, А.Б. Кобякова, И.Ю. Сундиева и многих других коллег, ценю их профессионализм. Они пишут, что надо делать то-то и то-то, так-то и так-то и дела в той или иной сфере пойдут на лад. Но пишем-то мы не один десяток лет, и президент говорит хорошие слова, но дела-то на лад не идут.

Видимо, Сунь Цзы прав, считая, что тактика без стратегии — суета перед поражением, а стратегия без тактики — самый медленный путь к победе. Видимо, дело в стратегии.

Не хочу быть предвзятым, поэтому для характеристики экономических результатов 30-летних реформ России естественно исходить из оценки одного из идеологов произведённых преобразований — академика А.Г. Аганбегяна: «В 1975 году ВВП России почти вдвое превышал ВВП Германии и даже был выше ВВП Японии. А Китая и Индии, которые по ВВП поднялись сейчас на 2-е и 3-е места после США, и вблизи не было видно... По размеру ВВП в середине 70-х годов прошлого века Россия достигала максимума по отношению к другим странам, уступая только США. В мировой экономике доля России составляла тогда 8%, в то время как сегодня снизилась до 3%. Причина — начавшееся отставание темпов роста России и СССР в целом в период брежневского застоя и последние три года перестройки, а главное — отсутствие экономического роста России и СССР в целом в первые 30 лет существования новой России. В 2019 году ВВП России был всего на 10% выше его размера в 1990 году... А экономика ЕС во главе с Германией увеличилась за эти 30 лет в два раза. США —

в 2,5 раза, а у развивающихся стран во главе с Китаем и Индией — более чем в 3,5 раза. Поэтому мы сильно отстали, и об «историческом взлёте» говорить просто неприлично»⁵. Конечно, ВВП отражает далеко не всё, есть и другие параметры, связанные с экономикой, например, продолжительность жизни. «Мы здесь заняли 103-е место из 183 стран, в том числе по мужчинам — 125-е место. В рейтинге качества жизни, составленном из 80 стран по большому числу показателей, первое место заняла Швейцария с индексом 8,2, а Россия только 72-е место в числе отсталых стран с индексом 5,3»⁶.

С 1988 года, со времени XIX партконференции, начали активно ломаться системообразующие основы советского строя. Со времен горбачевщины и ельцинщины Россию заставили играть по чужим правилам.

Затем сменился социальный строй. Была сделана попытка перейти от социализма к капитализму, сменить тип самоорганизации: от ориентации на кооперацию и сотрудничество — к конкуренции, рынку, борьбе производителей, децентрализации. Последний вариант очень не подходит для России с её огромными расстояниями, холодным климатом, резко повышающим себестоимость продукции и, как правило, делающим её неконкурентоспособной на мировых рынках, с малой величиной прибавочного продукта. Более того, недавно построенные математические модели показывают, что принятые в десятке с лишним стран постсоветского пространства сценарии шоковой терапии немедленно должны были привести к олигархическому капитализму. Они и привели к этому — с обогащением олигархата и его обслуги и ограблением остальных. Цветная революция 1991 года в СССР привела Россию

⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого — СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. С. 228–229.

⁵ Абел Аганбегян. Где место экономики России в мировых рейтингах? «Аргументы и факты», 15.10.2020. https://aif.ru/money/opinion/gde_mesto_ekonomiki_rossii_v_mirovyh_reytingah

⁶ Там же.

и другие постсоветские страны к геополитической, геоэкономической и геокультурной катастрофе.

Отличительной чертой российской элиты является её очень большая зависимость от Запада. Вначале велено было учиться у голландцев, потом у немцев, затем у французов, после этого у американцев, а сейчас всё чаще говорят, что хорошо бы у китайцев ума набраться. Обратной стороной этого является неверие в свои возможности, в свою страну, в свой народ. Причины этого подробно разбирает выдающийся русский историк В. О. Ключевский и другие мыслители. Государям нравится сложный эффективный механизм западного общества. Они хотят перенять хорошее, посылают туда народ учиться, затевают реформы. Учиться — дело долгое и трудное, замена одних частей машины на части из другой редко приводит к хорошим результатам. Недоученная молодёжь не справляется со своими обязанностями. Реформа проваливается. Начинается контрреформа.

Мы сейчас живём в период тридцатилетней разрушительной реформы. С другой стороны, мы живём в режиме «непредсказуемого будущего» — руководители не очерчивают рубежи, на которых они хотят видеть страну через 20–30 лет. Заметим, что сверхдержава превращена в сырьевой придаток более развитых или быстрее развивающихся стран. Но, как заметил президент, каменный век

кончился не потому, что не стало камня. Время жизни сырьевых приделков, как показывает история, невелико.

У нас нет значительной доли элементной компонентной базы, собственных персональных компьютеров, мобильных телефонов, суперкомпьютеров, операционной системы, цифровой платформы, заслуживающих внимания фильмов, конкретных, содержательных новостей на федеральных каналах. Как говорил Воланд, чего не хватишь — ничего нет. Остаётся изумляться настойчивости и бюрократической ловкости чиновников, которые в течение 30 лет блокировали развитие отечественной электроники, лишали нас того, что есть в США, Китае, Южной Корее, Тайване, Японии, Германии, Великобритании, а также во многих других странах. Помнится, в 2002 году заместитель министра объяснял, что создать электронику ничего не стоит, а инновации в стране находятся «в точке росы», вот-вот и они хлынут полноводным потоком. Однако ни электроники не появилось, ни инновации не хлынули. Поразительный цинизм, на уровне того, который описывал Салтыков-Щедрин.

Многие отрасли промышленности в нашей стране были сознательно уничтожены ещё в правление Ельцина — Гайдара. «Всё, что надо будет, — купим», — толковали тогда реформаторы. За уничтожение микробиологической промышленности мы сейчас платим жизнями людей.

Создание первой вакцины против COVID-19 — «Спутник V» — огромное достижение того, что осталось от советской науки. Недавний номер журнала «Эксперт» вышел с красноречивой обложкой, на которой написано: «Наука справилась, производство — нет». И комментарий: «“Спутник V” мог бы в этом окружении побороться не только за здоровье россиян, но и за мировые рынки: он эффективнее AstroZeneca и лучше проверен, чем Pfizer и Moderna, к тому же проблемы есть у всех, а вакцины в мире не хватает. Но у разработчиков российских вакцин пока не нашлось производственного партнёра, который мог бы замахнуть на миллиард, а не на сотни миллионов доз, да и щедрых инвестиций, видимо, тоже»⁷.

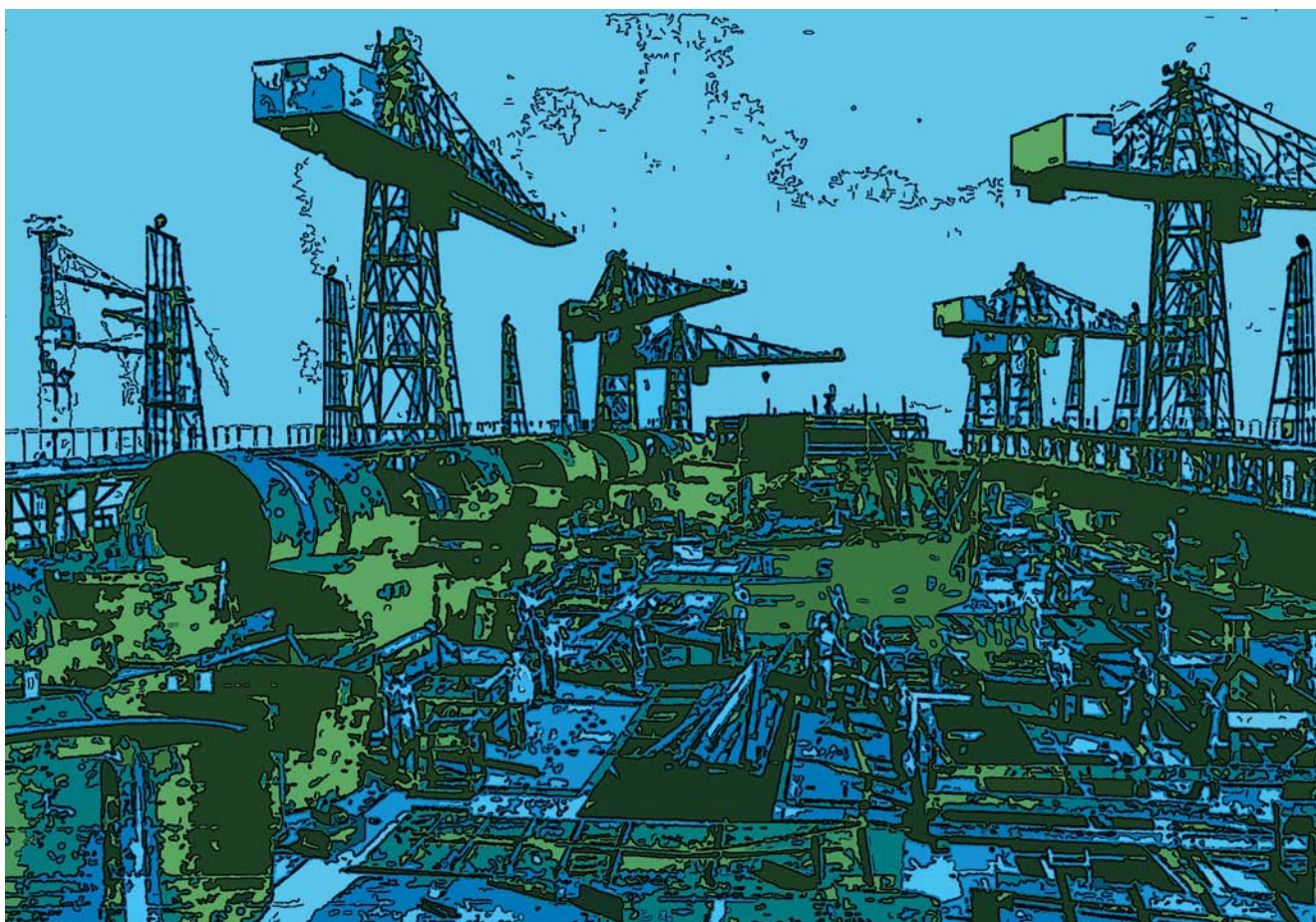
Ну а теперь цифры — число призывов на 04.04.2021. Тройка лидеров: США (105,1 млн), Китай (140 млн), Индия (79,1 млн). Россия на 10-м месте — 12,1 млн. По доле привитых наша страна находится на 42-м месте (3,14%).

Цифры достаточно красноречивы, и они показывают ещё одну проблему. Это огромная пропасть между субъектом и объектом управления, между элитой и народом. Этот разрыв виден прямо из СМИ. Например, в 2019 году на прямую линию с Путиным поступило 2,6 млн сообщений самого разного свойства, вплоть до помощи в ремонте водопроводной трубы. Это показывает кризис системы государственного управления, которая не справляется со своими прямыми обязанностями. К сожалению, реализация схемы «хороший царь — плохие бояре» в российской истории приводила не к лучшим последствиям.

У нас в отечестве меньше сотни губернаторов, очевидно проходящих при назначении, утверждении и т. д. множество разнообразных проверок. Остаётся удивляться, почему среди них оказывается так много воров, мошенников и взяточников. Види-

Мы живём в режиме «непредсказуемого будущего» — руководители не очерчивают рубежи, на которых они хотят видеть страну через 20–30 лет. Сверхдержава превращена в сырьевой придаток более развитых или быстрее развивающихся стран. Но, как заметил президент, каменный век кончился не потому, что не стало камня. Время жизни сырьевых приделков, как показывает история, невелико.

⁷ «Эксперт», 2021, № 13.

мо, что-то и с кадровой политикой у нас не так.

Сытый голодного не понимает, но верно и обратное: голодный сытого — тоже. И за это недоверие к государству и официозу мы опять платим жизнями. По разным опросам, принять инъекцию от COVID-19, несмотря на почти 100 тысяч умерших от этой болезни на 04.04.2021, на рассказы о нелегком лечении и тяжелых последствиях этого недуга, готовы лишь 20–40% граждан России. И это гораздо меньше 60–70%, необходимых для выработки коллективного иммунитета. И это согласуется с данными коллег из Института психологии, изучавших уровень доверия граждан к правительствам своих стран. В Китае этот уровень составляет 77%, в Италии — 48%, в США — 45%, в России — 27%. Проведённый в сентябре 2019 года опрос показал, что лишь 26%

граждан России полагают, что в случае массового бедствия региональные и федеральные власти помогут всем нуждающимся. Проблема недоверия, выросшего за годы реформирования, «кризис самоорганизации» — возможно, одна из самых серьёзных проблем нынешней реальности.

КОНТУРЫ ПРОРЫВА

Когда у нас нет хорошей модели или теории, учёные стараются осмыслить реальность, вводя представления о различных циклах. Экономические, исторические, солнечные и множество других циклов. Выдающийся французский историк Фернан Бродель, представитель школы «Анналов», полагал, что исторические события надо рассматривать, имея в виду три временных горизонта: короткое время смены событий, на которых

разворачиваются политические события; среднее или циклическое время, описывающие циклы, спады и подъёмы социальных и культурных процессов — экономических, миграционных, демографических; и долгое время, характеризующее крупные структуры совместного существования людей, например, характеризующее динамику цивилизаций. В замечательной работе «Конец истории, или Новое Средневековье» американские социологи Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотов объясняют драматизм и нынешнюю точку бифуркации положением трёх циклов — столетнего, тысячелетнего и стотысячелетнего⁸. И в этом есть своя логика.

В самом деле, на политическом небосклоне кончается «американский мир». Становится понятно, что эта страна не может быть «шерифом всей планеты» и в ближайшие десятилетия

⁸ «Однако», 2014, № 176, с. 36-57.

ей придётся всерьёз заниматься решением своих внутренних проблем.

Гуманитарно-технологическая революция и переход к постиндустриальному миру делают главным объектом преобразований человека. И тут круг возможностей очень широк. Пожалуй, стоит обратить внимание только на один вариант — Homo Deus — человека-бога, который подробно обсуждает Ю.Н. Харари: «Главным продуктом экономики XXI века будут не вооружения, автомобиль или одежда — а тела, мозги и интеллект.

Подобно тому как результатом промышленной революции стало возникновение рабочего класса, следующая масштабная революция создаст класс неработающий, бесполезный.

Обращение человека с животными даёт достаточное представление о том, как в будущем усовершенствованные люди будут поступать со всеми остальными.

Демократия и свободный рынок рухнут, когда Google и Facebook будут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами; власть, полномочия и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам.

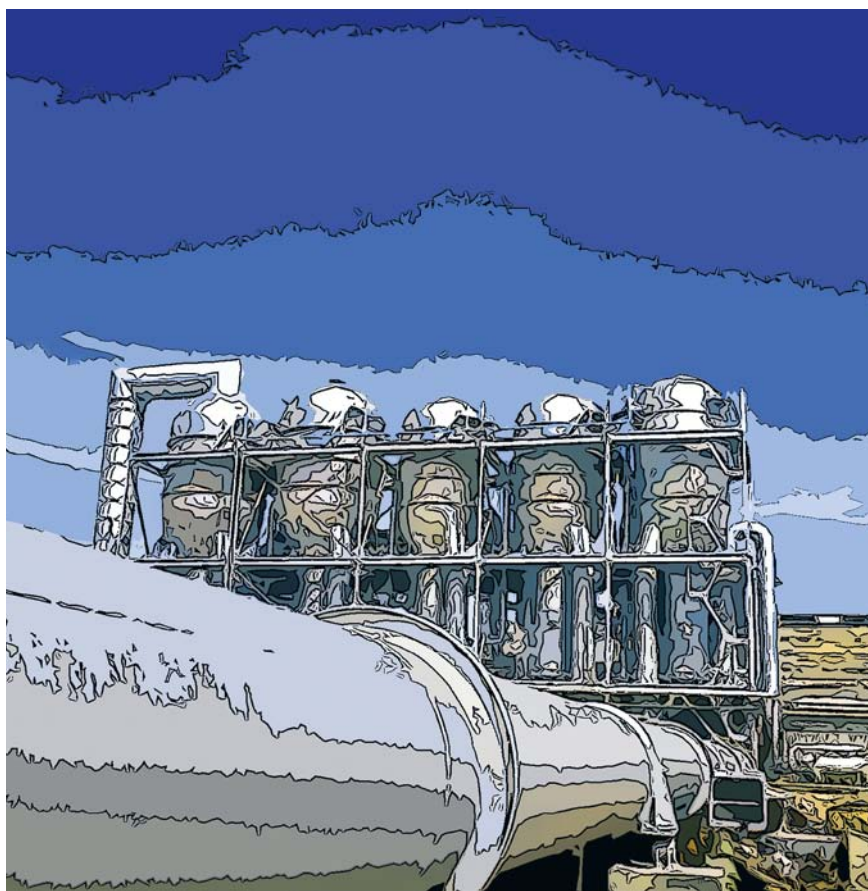
Люди не будут противостоять машинам, они сольются в единое целое».

Итак, опять сверхчеловек, но на этот раз человек-машина, да к тому же и бездельник.

Очень важные вещи происходят в долгом времени. Здесь и глобальный демографический переход, о котором шла речь. И глобальные климатические изменения, которые отражаются во многом и, в частности, в парадоксальной погоде последних лет. При этом уровень самоорганизации человечества не позволяет предпринять какие-либо конструктивные действия в планетарном масштабе.

Иными словами, наша цивилизация — мир России, — как богатырь на распутье из известной былины, стоит перед камнем с невесёлыми письменами. Длина путей различна, но все они нехороши...

По счастью, независимо от будущих угроз нашему богатырю пред-

стоит делать одно и то же, как Ивану-дураку из известной сказки. Семь бед — один ответ.

Нужны три революции — *промышленная, научно-образовательная и культурная*. Впрочем, сам термин «революция» здесь не очень подходит. Скорее речь идёт не о разрушении старого, а о быстрых эволюционных изменениях, о создании нового. Социально-экономическая цена революций очень велика, а эффект обычно оказывается гораздо меньше ожидаемого.

Начнём с **промышленной революции**: почему она императивна?

Хотя Клаус Шваб и другие лидеры Давосского экономического форума бредят глобальным управлением, шансы на формирование «мирового правительства» очень невелики. Мир слишком сложен и многообразен, чтобы кроить разные цивилизации по одному лекалу. Претензии либеральной или коммунистической идеологии на то, чтобы стать единым, универсальным рецептом для всех,

не оправдались. Во-первых, потому что надежды на то, что они способны разбудить в людях спящие силы, повысить производительность труда и сделать их счастливыми, не оправдались. Во-вторых, потому что этическое измерение цивилизаций, о котором писал Л.Н. Гумилёв, оказалось очень существенным. Возраст разных этносов и цивилизаций и их исторические судьбы различны. Рецепты, которые хороши для старика, не очень подходят младенцу.

Скорее всего, в XXI веке нас ждёт Новое Средневековье с множеством центров силы, с непростым взаимодействием цивилизаций, с самоорганизацией в геополитическом и геокультурном пространстве, с поиском путей в Будущее.

И на этом историческом перекрёстке очень важно себя защитить. Ради объективности процитирую авторов упомянутой выше статьи Л.Г. Бадалян и В.Ф. Криворотова: «Сегодня Россия выделяется как одна из наиболее перспективных зон ново-

го освоения. Её территория экстремального климата полна природными богатствами, прежде всего энергией, ключевым элементом в освоении Севера. Российская земля была не по зубам технологиям прошлого века. Но теперь наконец-то открывается для полноценного освоения. В случае если по каким-то причинам русские не смогут, ею овладеют другие — свято место пусто не бывает...

Будущему лидеру везёт. Разворачиваются эпохальные события, хотя и выглядят они достаточно трагично. В процессе загнивания и развала старой системы мировой коллективной безопасности в России прорезываются ростки системы новой...

Сегодня Россия зажата в клещах импортозависимости, низведена до статуса ресурсного придатка. Санкции — шанс на внутренний спрос, на потребность в значительном трудовом и творческом потенциале российского общества. Это ключ к внутреннему саморазвитию и освоению одной из самых привлекательных территорий планеты — с чистой землёй и водой, разнообразными природными богатствами⁹.

Более полувека стратегическая стабильность держится на возможности гарантированного взаимного уничтожения. Кажется, ещё американский министр обороны Роберт Макнамара в давние времена говорил, что Америка может уничтожить Советы семь раз, а Советы Америке — четыре, и, наверное, не стоит увеличивать эти цифры. Новые виды вооружений, включая гиперзвук, подводные торпеды с водородными бомбами, не изменят эту ситуацию, хотя оборонно-промышленные комплексы многих стран готовы доказать обратное. Символом творящегося в этой сфере абсурда является программа производства и создания малозаметных многофункциональных истребителей-бомбардировщиков F-35. Эта программа стоила более 1,5 триллиона (!) долларов. Тем не ме-

нее, по докладу Пентагона в 2018 году, в этой машине было обнаружено более 1000 недостатков, включая сотни очень серьёзных.

Люди очень изобретательны в производстве того, что убивает. И если упустить время, то ситуация может оказаться для нашего отечества очень сложной. Можно вспомнить одну из заповедей спецназа: «Пот сохраняет кровь».

Приведём несколько примеров революции в военной сфере.

— Технологические возможности позволяют сейчас ликвидировать техническими средствами ведущих политических, научных и военных руководителей. По приказу Д. Трампа 03.01.2020 был убит один из ведущих военных руководителей Ирана генерал Касем Сулеймани, позже, 27.11.2020, был убит «отец иранской атомной бомбы» Мохсен Фахризаде. Техника позволила вернуться к средневековым методам борьбы. Хасан ас-Саббах (1050–1123) — предводитель государства ассасинов, действовал так же — объявлял не устраивавшим его владыкам о предстоящей смерти и посылал к ним убийц, которые выполняли его приказы. Технические достижения могут двигать социальные системы как вперед, так и назад.

— Принципиальную роль начали играть беспилотники. Армяно-азербайджанский конфликт 2020 года показал, что турецкий беспилотник «Байрактар» кардинально меняет картину боевых действий. Как в индийских мифах, неизбежная смерть приходит с неба.

— Запуск тысяч спутников на низких орбитах (200–300 км) снижает время выполнения их команд до 10 миллисекунд. Это позволяет управлять военной техникой из космоса и обходиться во многих случаях без солдат на поле боя.

Военная, научная, инженерная мысль, оборонная промышленность и войска должны быть готовы к уже происходящим переменам.

К сожалению, здесь есть грустная традиция. В 1832 году в России была создана Академия генерального штаба. Вопросы военной подготовки были постоянно в поле зрения руководителей страны. Однако Крымская война (1853–1856), которую Россия вела с коалицией Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинии за господство в бассейне Черного моря на Кавказе и на Балканах, показала, что руководство неверно понимало и ситуацию в мире, и технологический уровень, на котором будут вестись боевые действия. Оружие, логистика и подготовка командиров значительно отставали от необходимого уровня. Черноморский флот пришлось затопить, а прославленные русские флотоводцы были убиты во время сухопутных сражений. И подобная ситуация повторялась. Огромное влияние на отечественную историю оказало поражение русского флота в Цусиме в 1905 году. Та же ситуация сложилась с Первой мировой войной. Многотомный труд И. С. Блиоха «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях», написанный в конце XIX века, в котором удивительно точно был раскрыт характер следующей войны, также был проигнорирован.

Международная обстановка, в которой находится современная Россия, очень напоминает ту, в которой наша страна была перед Крымской войной. И от состояния оборонной промышленности сейчас очень многое зависит.

Мы начали с этого примера не случайно. Ситуацию в отечественной промышленности в целом и в ОПК в частности прекрасно описывает фраза: «Бухгалтеры победили инженеров». Форма и гигантская ответственность во многом заменили содержание и решение вопросов по существу. Мне довелось разбираться с новой схемой финансирования производства оборонной продукции — она разрушительна. Как действовать в этой

⁹ «Однако», 2014, № 176, с. 36–57.

Рецепт прост. И если мы хотим выбраться из нынешнего кризиса, то он в виде плаката должен быть представлен в кабинете каждого российского чиновника — «Протекционизм. Планирование. Системная достаточность». Протекционизм нужен, чтобы сохранить и развить отечественную промышленность — основу государственного суверенитета. Планирование необходимо, чтобы избавиться от положения сырьевого донора и чтобы рынок не привёл Россию к катастрофе. Системная достаточность говорит о том, что ничего важного не было упущено.

сфере, достаточно понятно — соответствующие предложения многократно подавались, но вновь и вновь игнорировались или отклонялись нашими бюрократами. О нетерпимости нынешней ситуации уже открыто говорит вице-премьер Ю.И. Борисов, но воз и ныне там.

На первый взгляд, есть волшебная палочка, позволяющая решить все проблемы и называемая «ручное управление». Но это иллюзия — даже выдающийся руководитель не может «переиграть систему». У опытных бюрократов в ходу поговорка: «Система бьёт класс», — как бы ни была высока квалификация и энергия сотрудника или руководителя, кардинально изменить традиционные или узаконенные в организации алгоритмы работы он не может.

Вторая проблема серьёзнее. Начну с примера. В 1968 году с большим успехом прошёл испытания советский беспилотник. Российскими инженерами для борьбы в море была предложена конструкция, называемая «барражирующим снарядом» (способным «подождать», пока вероятность поражения цели не станет достаточно большой). Казалось бы, мы должны быть мировыми лидерами в производстве и того и другого. Тем более что учёные и инженеры настойчиво объясняли большое будущее этого вида оружия и предлагали создать целую линейку подобных аппара-

тов. Но в 2008 году Россия начала закупать беспилотники... у Израиля. Да и барражирующие снаряды начали первыми производить совсем не мы.

В чём же дело? В их дешевизне. Представим себе, что вы приходите и предлагаете конструкцию, решающую те же военные задачи, что и старая, но в 10 или 100 раз дешевле. Заинтересует ли она производителей, командование, военных? Мои коллеги, имевшие дело с отечественным ОПК, прекрасно знают ответ — конечно, нет. Вот если что-то гораздо дороже существующего, то шанс есть. Личные интересы побеждают корпоративные, корпоративные — государственные, общественные. Это путь к распаду. К тому, что деньги затрачены, а значимого для общества результат нет. При этом все бумаги могут быть оформлены идеально. В Первую мировую войну похожие вещи в Российской империи были, в результате такой деятельности развалить удалось многое. Выход из этой ситуации один — надо наводить порядок исходя из интересов общества, нашей цивилизации, а не отдельных корпораций, олигархов или хороших знакомых.

И прекрасный советский опыт здесь есть — от спецкомитетов, решавших сложнейшие научные проблемы, до Минсредмаша, координирующего атомную отрасль, до Минобщемаша, открывшего нашей

стране дорогу в космос и обеспечивавшего армию баллистическими ракетами.

Известный российский историк А.И. Фурсов пишет, что в своё время советской элитой был произведён негласный обмен «нефть в обмен на развитие». В частности, был заблокирован проект общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС), обеспечивавшей планирование, управление и контроль на гораздо более высоком уровне, чем было. Были положены под сукно разработки коллектива конструктора ракетно-космической техники академика В.Н. Челомея, которые могли бы вывести оборону страны на новый, гораздо более высокий уровень. И этот список «замороженных возможностей» можно продолжить.

Элите западные «советники» пообещали, что ей будет хорошо, если она будет жить по «западным правилам» и получать свою долю от нефтяной торговли и обслуживания западного мира. Но сейчас ситуация изменилась. Начинается игра без правил. У отечественных торговцев нефтью и газом нет шансов, даже если они будут громко возмущаться, что товар берут не у них.

Будущее России связано с высокими технологиями мирового уровня, с созданием того, что не умеют другие. С ОПК начать проще, потому что, во-первых, в эпоху перемен игроки, опираясь на военную силу и свои технологии, определяют сферы влияния, во-вторых, здесь очень многое под контролем, и поэтому порядок наводить легче, в-третьих, как в сложных программных системах, если новый элемент играет по новым правилам и добивается тем самым больших успехов, то он меняет всю систему. В своё время в контрэлите были популярны разговоры о «новой причине» — фрагменте системы, живущей по новым правилам. Но могут быть и другие варианты.

Остаётся удивляться, с каким упорством реформаторы пытались воплотить западные рецепты, игнорируя российские реалии.

Дело в том, что у нас на огромной части территории страны холодная зима. Это приводит к большим, чем в остальных странах мира, затратам на капитальное строительство, обогрев жилых и производственных помещений, высокой стоимости рабочей силы. Расположение многих ресурсов в труднодоступных местах и связанные с этим проблемы их добычи и доставки существенно увеличивают стоимость российской продукции по сравнению с мировой.

Это следует из основ физической географии России и было предельно ясно описано в замечательной книге А. П. Паршева «Почему Россия не Америка», вышедшей в 2000 году. Подтверждением данной работы стало отсутствие значимых иностранных инвестиций в экономику России за всё время проводившихся реформ, что и объяснялось в книге. Хотя это, конечно, не мешает регулярно проводить инвестиционные и экономические форумы, а официальным экономистам периодически объяснять, что «дно уже достигнуто» (наверное, поэтому коллеги часто на-

зывают их «водолазами»). Заметим, что взгляды, алгоритмы и люди мало изменились. В этой части элиты — птенцы гнезда Гайдарова. И эксперты те же самые — из Высшей школы экономики (ВШЭ) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). Как говорил кто-то из классиков, — если теория расходится с экспериментом, то тем хуже для эксперимента.

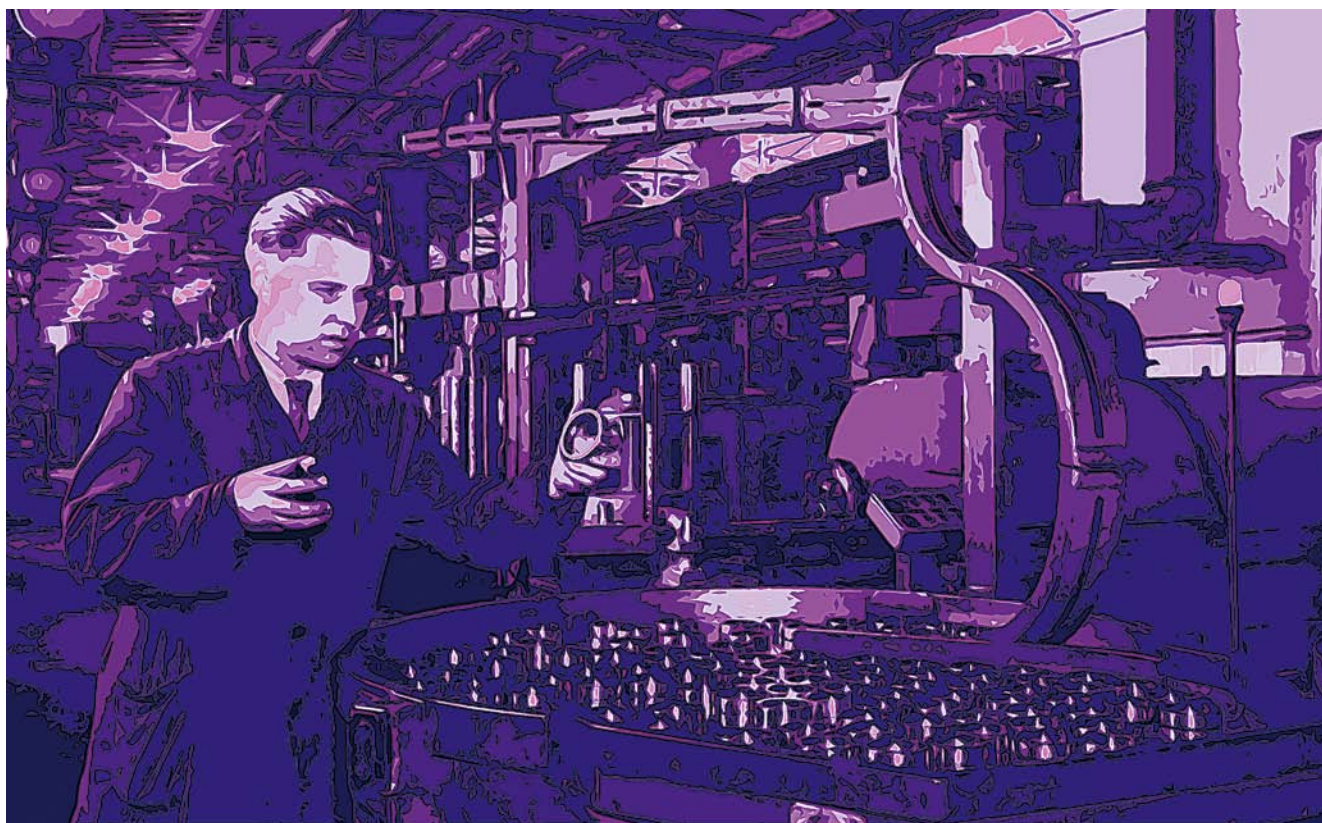
Приведу цитату из книги Паршева: «В конкурентной борьбе за инвестиции, если игра ведётся по правилам свободного рынка, почти любое российское предприятие обречено на проигрыш... под свободным рынком понимаем ситуацию, когда товары и капиталы могут свободно конвертироваться, пошлины на границе невелики или вообще ни пошлин, ни границ нет, и предприятия, независимо от форм собственности, торгуют самостоятельно».

Остаётся удивляться, как же в этом случае СССР стал сверхдержавой. Рецепт прост. И если мы хотим выбраться из нынешнего кризиса, то он в виде плаката должен быть пред-

ставлен в кабинете каждого российского чиновника — «Протекционизм. Планирование. Системная достаточность». Протекционизм нужен, чтобы сохранить и развить отечественную промышленность — основу государственного суверенитета. Планирование необходимо, чтобы избавиться от положения сырьевого донора и чтобы рынок не привёл Россию к катастрофе.

Есть вещи, которые необходимы, и если их нет, то ни о какой независимости говорить не приходится. Для производства многих из них рыночная система неэффективна. Это сейчас понятно и в России, и в мире. Юбилейный доклад Римского клуба *Сome on!* это явно формулирует. Системная достаточность говорит о том, что ничего важного не было упущено. Понятно, что всё это требует серьёзного научного и инженерного сопровождения.

Сейчас начали довольно часто говорить о деятельности прозападной части российской элиты. Мне как-то довелось побеседовать с одним из руководителей отечественной раз-

ведки, и я поинтересовался, чем держит нас Запад — людьми, деньгами, технологиями? Последовал немедленный ответ: «Всемир!»

Отсюда и следует программа возрождения и развития мира России. Нам следует опираться на свои возможности, сократить вывоз финансов и строить свою систему. В разных источниках приводятся разные цифры «откачки» российских капиталов в интервале от одного до семи триллионов долларов. Думаю, что ни одна страна не выдержала бы таких «репараций». В области технологий России тоже есть что предъявить, а будет ещё больше, если общество осознает, что оно нужно. И люди, которые мыслят Россию как удивительный волшебный мир, у которого большое будущее, а не как придаток Запада, «страну для потребления», тоже найдутся.

Эти проблемы мне в своё время довелось не раз обсуждать с выдающимся экономистом, академиком

Дмитрием Семёновичем Львовым. Он полагал, что в историю войдёт его фраза: «Ресурсная рента принадлежит народу», — и придерживался сходных взглядов на промышленную революцию с тем, что было написано выше. Эти же мысли он высказывал руководителям России: «Вы предлагаете социальную революцию?» — был их типичный вопрос.

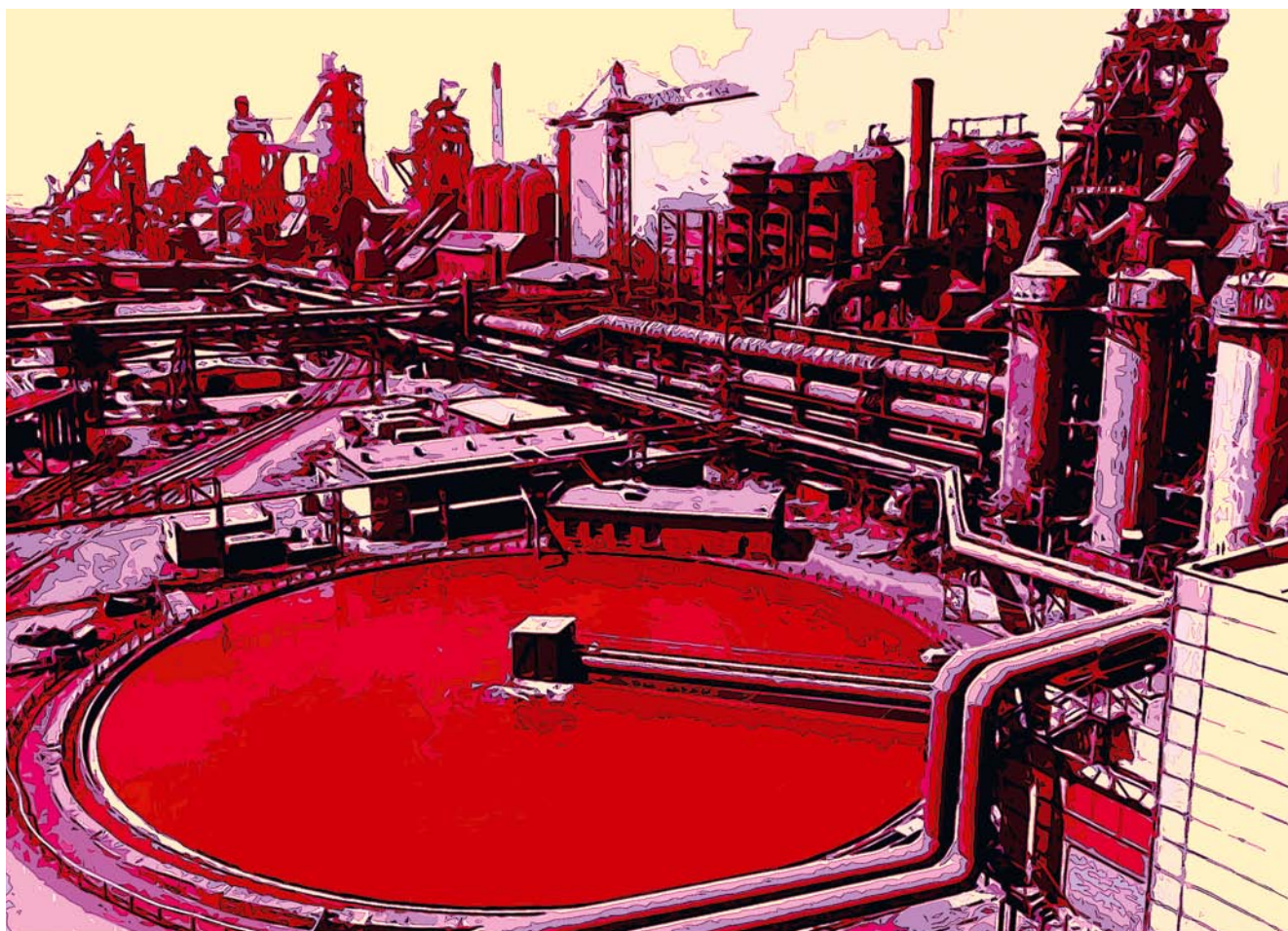
Сейчас я думаю, что без этого удастся обойтись. Опыт постсоветских республик показал, что Запад готов развалить всё, что «Рим предателям не платит», что капиталы находятся под постоянным контролем и отнято может быть всё. Единственной защитой вывезенных капиталов может быть сильное государство за спиной. Без него и говорить не о чем. Збигнев Бжезинский толковал, деньги российской элиты находятся в западных банках, и нам надо ещё разобраться, наша это элита или не наша. Запад помог, спасибо ему, и сейчас есть

полная ясность — «мальчишей-плохишей» из России в западную элиту не возьмут, да и денег там своих хватает — обойдутся без кубышек отечественных олигархов.

На мой взгляд, очень отрезвляюще должен действовать на нынешние российские элиты опыт Великой Октябрьской революции. Буржуазные элиты, желавшие сместить царя, потеряли всё. Все фигуры, на которые они рассчитывали, оказались сметены с шахматной доски...

Заметим, что мы сейчас не говорим об отдалённом будущем. Речь идёт о том, что необходимо, чтобы Россия осталась как субъект, а не как объект в истории XXI века, и о том, что делать здесь и сейчас, а не в перспективе.

Наверное, тут стоит напомнить слова Сталина: «Есть логика намерений и логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений». Историческое время

уходит, и за решение ключевых проблем надо браться немедленно, пока не стало поздно.

Концепцию **научно-образовательной революции** прекрасно изложил Андерсен в сказке «Новое платье короля». После того как малыш закричал, что король-то голый, монарху естественно взяться за ум и одеться. Интересно, что он сделает с мошенниками, которые поставили его в такое незавидное положение? В сказках с ними поступали довольно жёстко. Но тут всё зависит от короля.

Время экспериментов в образовании кончилось. Приплыли. В своё время министр В.М. Филиппов толковал про «эксперименты» с единым государственным экзаменом (ЕГЭ), развалившим высшую и среднюю школу. Его интервью шли под бодрой подписью «К ответу готов». Вот и пришла пора реформаторов от образования ответить за то, что же они сотворили.

Россия участвует в международной программе по оценке образовательных достижений PISA (Programme for International Student's Assessment). В этой программе участвуют сейчас около 80 стран. Её цель — выявить уровень среднего школьника разных государств по математике, физике и естественным наукам, а также по чтению на родном языке. Советские средняя и высшая школа были одними из лучших в мире. Сейчас всё иначе.

Тест PISA ориентирован на выяснение того, как школьники умеют применять полученные знания. Задачи очень похожи на те, что были в «Занимательной физике», «Занимательной геометрии» и прочих книгах такого рода, которые писал выдающийся советский популяризатор науки Л.И. Перельман. Реформы образования идут сплошным потоком: гуманизация, егэзация, болонизация, информатизация, гуманитаризация, интернетизация и прочая, прочая, прочая. И результаты этих инноваций налицо. В 2000 году наши ребята были в начале третьего десятка, а сейчас уже в начале четвертого...

Впереди же обычно дети из тех стран, где на деле, а не на словах про-

Научно-образовательная революция очень важна. Если у нас будет всё, но не окажется знающих и понимающих людей, то надежды нет. Как быть? Очень просто. Мне довелось познакомиться с рядом лучших образовательных систем. В основе большинства из них одно — советская система, адаптированная к местной специфике. Давайте попробуем поучиться у себя.

исходит технологический прорыв — из Китая, Тайваня, Южной Кореи, Финляндии, Японии.

Я преподаю в нескольких ведущих вузах и ситуацию могу описать очень кратко. Мы пытаемся дать высшее образование тем, кто не имеет среднего. Бюрократы победили с разгромным счётом учителей, преподавателей, профессоров. Сейчас надежда только на мам, которые хотят, чтобы у детей было какое-то образование.

Есть здесь «рука Запада»? Конечно. В 1990-м, когда наши западные «благотетели» взялись помогать российскому образованию, я с коллегами убеждал вице-президента Всемирного банка поддержать отечественную физику и математику в вузах. И он объяснил, что когда в стране много людей, хорошо знающих физику и математику, то у такой страны появляются ядерные и космические амбиции, и это в их планы совсем не входит. Крыть нечем. Всё сказано.

Научно-образовательная революция очень важна. Если у нас будет всё, но не окажется знающих и понимающих людей, то надежды нет. Как быть? Очень просто. Мне довелось познакомиться с рядом лучших образовательных систем. В основе большинства из них одно — советская система, адаптированная к местной специфике. Давайте попробуем поучиться у себя. Тем более что программы, учебники, методики, учителя, представляющие как следует учить, а не имитировать преподавание, пока есть.

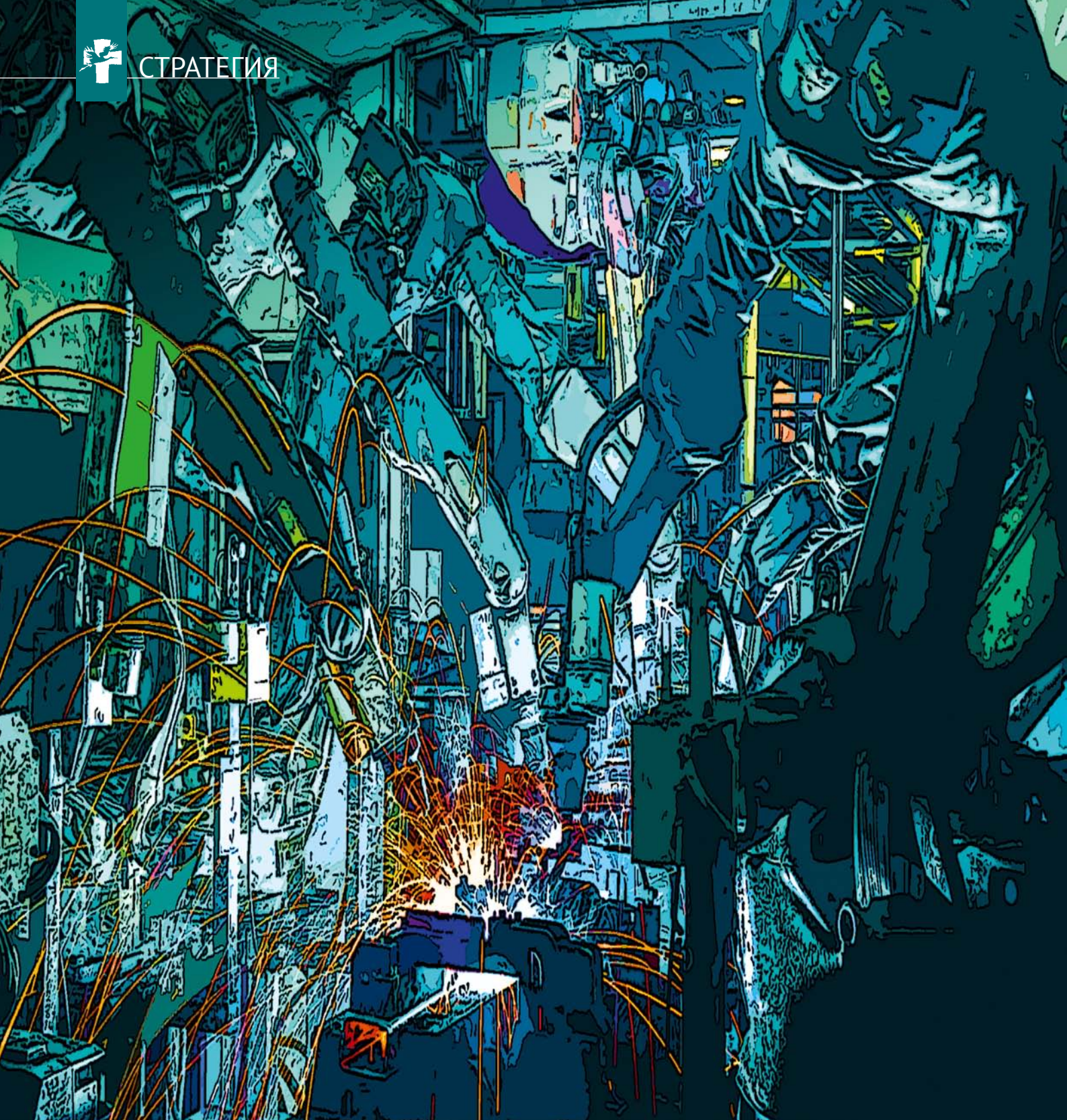
С наукой ещё проще. Тут сейчас и смех и грех. Вместо решения существенных для государства задач

большинство учёных России сейчас сориентировано на создание «информационного шума» — публикации статей в заданном наборе журналов. Наука и технологии являются важнейшей сферой соперничества цивилизаций. И, естественно, учёных можно сориентировать на решение именно этих задач, а не на имитацию бурной деятельности. Здесь можно вспомнить, что СССР был научной сверхдержавой, осуществившей Атомный и Космический проекты. И здесь всё в наших руках.

Культурная революция нужна. Цивилизации нужен дух и идеология. С кем же «мастера культуры»? Думаю, что это понятно: повторение западных «задов», антироссийский мазохизм надоели большинству хуже горькой редьки. Да и с фильмами беда, с советскими не сравнить. «Свобода настала», а смотреть-то нечего. Может быть, поверить Никите Михалкову: «Я человек верующий, православный, всякая власть от Бога, я должен быть с властью!» Хорошо сказал про власть — жёстко и принципиально. Но почти вся культура действительно «при власти». Послушав многих советских лауреатов, народных и заслуженных орденосцев, как их мордовали при советской власти, в этом ещё и ещё раз убеждаешься. Впрочем, в ленинской статье «Партийная организация и партийная литература» про это уже написано.

Былины отражают важные сущности в нашей реальности. Тридцать лет сиднем сидел Илья Муромец. Потом пришли калики перехожие, и встал богатырь.

Время приходит. Пора вставать.

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ /

Реиндустриализация как завершённая постиндустриализация

Вопрос индустриализации сегодня — это не вопрос возвращения к индустрии 1930–1950 гг. Тем более — не вопрос возвращения индустрии XVIII века. Это вопрос реиндустриализации, то есть восстановления индустриально-созидательного потенциала страны, обеспечивающего её само-достаточное возрастающее развитие.

Классическая индустриальная цивилизация предполагала, что основная часть рабочей силы страны сосредотачивается в индустрии, меньшая — в сельхозпроизводстве. И остаточная — в сфере производства знания.

Приходящая ей на смену постиндустриальная цивилизация предполагает, что в индустрии остаётся порядка 10% работающих, в сельском хозяйстве — 1–2% работающих, а остальные — в «сферах постиндустриального производства».

И здесь возникают как минимум две проблемы. Одна — проблема существования островов постиндустриальной цивилизации в среде отстающих от них стран. Вторая — проблема собственно внутреннего развития постиндустриального социума.

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

В первом случае суть, говоря кратко, в том, что полная постиндустриализация предполагает «выведение человека из непосредственного процесса производства и поставку над ним в качестве организатора и контролёра», то есть такое положение вещей, когда, с одной стороны, каждому человеку будет предоставлен сложный труд, требующий самостоятельного принятия решений, а с другой — весь примитивный, инструктивный труд, этого не требующий, будет передан технике и электронике. Частичная постиндустриализация, осуществлённая сегодня в ряде экономически ведущих стран, подошла к порогу такой возможности, но через него

ещё не переступила. Реально, в силу определённых причин, современное мировое производство построено так, что для граждан западных стран уже находится место в сфере сложных видов деятельности, но простые, неквалифицированные виды труда передаются как технике, так и жителям стран третьего мира, а также — выходцам из него, приезжающим в развитые страны. Смысл этого разделения в том, что виды труда, оправдывающие высокую оплату, предоставляются своим, не оправдывающие — «чужим».

Это так называемая модель «новой зависимости», деление мира на «страны-фабрики» и «страны-лаборатории», обеспечивающее подпитку ведущих стран оправданно дешёвой рабочей силой периферии.

Во многом за счёт этого США развивались в последнюю треть XX века, но уже во второй половине 1980-х оказались на грани кризиса. При Клинтоне, после стремительного поглощения ресурсов и экономики стран Восточного блока, США расцвели, но уже в 2000-е годы стало ясно, что модель себя исчерпывает — нужны новые регионы. Теоретически их было два: исламский мир и Китай. Но попытка взять под контроль первый обернулась хаосом и серией войн, а второй к этому времени именно на внешних капиталовложениях так развился, что стал опережать в производстве саму метрополию. То есть повторилось всё то же самое, что когда-то произошло в отношениях со своими рабочими: объект эксплуатации в процессе эксплуатации стал сопоставим по силе со своим эксплуататором.

Американские вложения капиталов и технологий в другие страны стали основой кризиса так до конца не сформировавшейся однополюсной модели. Потому что именно эти капиталовложения создали новые центры силы, претендующие на раздел мира, власти и влияния с метрополией.

Оформился вопрос, на который Трамп, с непосредственностью бизнесмена, пытался дать ответ: почему

американские деньги должны работать на усиление конкурентов США, и почему при этом должно развиваться производство в странах-конкурентах, но деградировать в США?

Он и дал ответ — деньги США не должны работать на конкурентов.

Одна из основ его электората — рабочий класс Америки. И он хотел дать им работу и былое рабоче-аристократическое существование.

Отсюда, как естественно-мыслящий капиталист, он приходил к выводу:

- американские деньги должны развивать американское производство, то есть капиталы нужно вернуть в Америку;
- Америка должна возродить свою промышленную мощь;
- не Америка должна покупать продукты промышленного производства других стран, а другие страны должны по возможности покупать продукцию американского производства;
- если сразу этого сделать нельзя, то за право получать прибыль от продажи своих товаров в Америку другие страны должны платить. Платить за своё право получать прибыль от торговли в Америке своей лояльностью. И что можно — покупать не у других стран, а у Америки.

У Америки есть капиталы, есть основа для промышленного доминирования; есть армия, чтобы принуждать особо нелояльных (а если военного потенциала недостаточно, то его обновление и пополнение — это тоже потенциал промышленного развития), и есть возможность перестроить отношения в мире по тому критерию, по которому всё и делится: по силе и по капиталу.

ОКТАБРЬСКИЙ ПРОЕКТ: ПЕРВАЯ ПРЕТЕНЗИЯ НА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ

Суть второй проблемы и возникающего выбора в том, что именно рассматривается как «постинду-

Октябрь 1917-го — это рубеж форсированного перехода к индустриальному развитию, и что ещё более важно и что проявилось в проекте электрификации, — это была претензия на постиндустриальный прорыв, каковым в известной степени является переход от «века пара» к «веку электричества». Собственно, в научно-техническом плане это была попытка создания в России производства, в котором «наука превращалась в непосредственную производительную силу».

стриальная сфера», то есть сфера, находящаяся за пределами аграрной и индустриальной: сфера «производства услуг» или сфера «производства знания», понимая под последним и производство знания как такового, и производство технологий, и любой производственной информации в целом, включая знания по производству человеческой личности и воспроизводству человеческого здоровья.

Октябрьская революция, в производственно-цивилизационном плане, — это революция производственной модернизации. К 1917 году Россия застряла на этапе перехода из аграрной фазы в фазу индустриальную. К 1913 году промышленный потенциал России составлял примерно 10% от потенциала США, в промышленности было занято менее 10% трудоспособного населения.

Именно поэтому одно из первых стратегических начинаний большевиков — чисто технократическое решение: хрестоматийный План ГОЭЛРО. По сути, в каком-то смысле партия большевиков оказалась единственной в России партией промышленной модернизации, самой технократической партией России. Практически все остальные партии выступали либо за сохранение статус-кво, либо за те или иные вполне умеренные перераспределительные проекты — проекты перераспределения власти, перераспределения ресурсов, перераспределения полно-

мочий. Кроме большевиков никто ничего собственно созидательного вообще не предложил (за исключением известного проекта Главного артиллерийского управления с его планом индустриализации, который ни царское, ни Временное правительство не заинтересовал).

В этом отношении октябрь 1917-го — это рубеж форсированного перехода к индустриальному развитию, и, что ещё более важно и что проявилось в проекте электрификации, — это была претензия на постиндустриальный прорыв, каковым в известной степени является переход от «века пара» к «веку электричества». Собственно, в научно-техническом плане это была попытка создания в России производства, в котором «наука превращалась в непосредственную производительную силу». Что из этого удалось сделать на практике (а удалось многое), а что не удалось — отдельный вопрос. Важно то, что была сделана попытка глобального технического прорыва — и практически первая в истории. Кстати, если в 1913 году объём промышленного производства России составлял 10% от промпроизводства США, в 1960 году в СССР он уже составлял 55%, а в 1985 году превысил 80% промышленного производства США.

Отставание не было ликвидировано полностью, но это означало, что, несмотря на все издержки, в среднем за годы Октябрьского проекта ин-

дустриальное развитие СССР шло в восемь раз быстрее, чем в Соединённых Штатах.

Проблема завершения перехода к индустриальному обществу к 1917 году стояла в России. Однако, с одной стороны, она в самой России уже в значительной степени находилась в процессе решения, а с другой — в ведущих странах уже была решена. Наряду с вопросом завершения этого перехода эпоха содержала новую цивилизационную проблему последующего прорыва к «постиндустриальному обществу», в политической форме ставшую борьбой за социальную демократию, социальное государство и политическую организацию постиндустриального информационного общества.

Сталин достраивает индустриальное общество в социалистическом варианте и создаёт плацдармы постиндустриального в виде высокотехнологичных, наукоёмких производств и технократической организации управления.

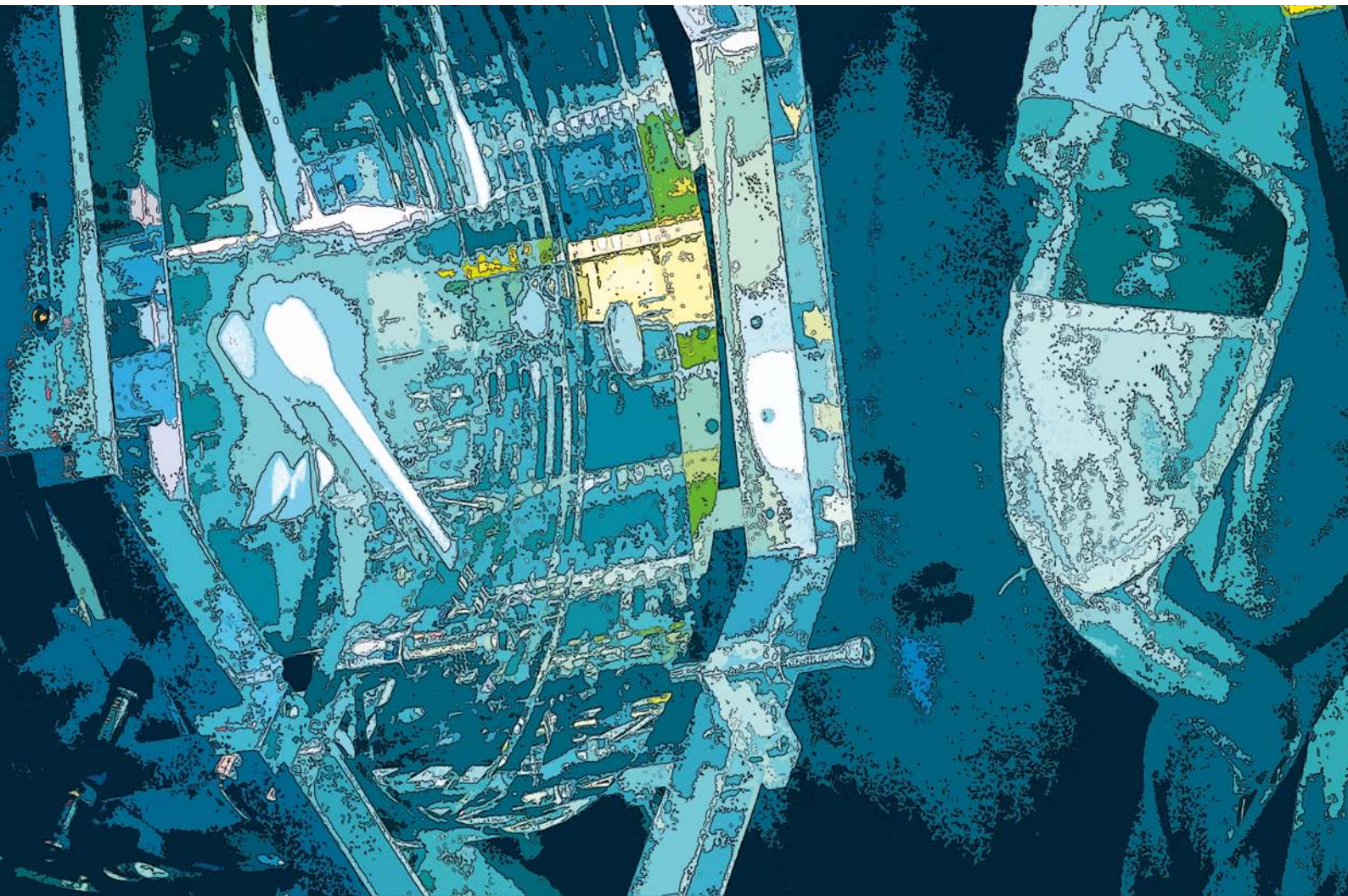
Победа 1945 года становится победой порядка, основанного в 1917 году. Откатная фаза теперь может осуществляться только в его рамках. Хрущёвский период становится отказом не от него, а от некоторых позиций второй наступательной волны.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕГРЕСС

В 60-е годы в СССР класс работающих по найму, взявший в свои руки собственность и власть после 1917-го, начинает делиться на распоряжающихся ими и на абстрактно обладающих.

К концу 18-летнего правления Брежнева общество устаёт от господства высшей оргократии. Оргократия хочет целиком получить доступ к власти, а интеллигенция готовится к конкуренции с ней.

Это борьба между новыми составляющими старого социального субъекта — пролетариата, победи-

теля первого этапа революционной эпохи. Завоевав господство, он начал разделяться на производные — интелториат и оргократию. Борьба шла за тот же предмет — кто станет историческим преемником прежней победы. Борьба шла под старыми знамёнами прежней революции и вокруг смутных ощущений новых интересов.

Интелториат, в первую очередь интеллигенция и квалифицированные рабочие, лишь смутно ощущая свои нарождающиеся интересы ведущего класса постиндустриального общества, ещё не могут их сформулировать и ведут борьбу, первоначально апеллируя к логике и идеалам революции 1917 года, первой наступательной фазы.

В 1990-е годы конвертация бюрократией власти в собственность

не решала проблем производства. С одной стороны, этот слой не был заинтересован в переходе в постиндустриальную эпоху, поскольку сам является функцией управления индустриальным производством. Переход к информационному производству шаг за шагом упраздняет эту функцию, реализуя её другими цивилизационными способами.

Поэтому, во-первых, само производство консервировалось в индустриальной фазе; во-вторых, развитие получали, прежде всего, добывающие отрасли, центром производства вновь стал ТЭК; в-третьих, экономика оказалась построенной на проедании и перераспределении советского наследия.

Нарождавшиеся постиндустриальные сферы оказались на вторых и третьих ролях и попали под удар

экономических реформ. Интелториат, связанный с этим производством, оказался деклассирован, либо вынужден заниматься менее квалифицированными видами производственной деятельности, либо выброшен из производственной сферы.

Экономика страны оказалась в цивилизационном плане отброшена в прошлое, был запущен механизм деиндустриализации, социального, экономического и исторического регресса. В первую очередь пострадали именно сферы производства, которые на предыдущем этапе обеспечивали лидерство в мировом производстве.

Истинным вопросом борьбы в нашей стране был вопрос о переходе к постиндустриальному обществу. Для интелториата это общество —

единственный вариант его полноценного существования. Для оргократии это общество означало хотя и приемлемый, но не приоритетный вариант. Поскольку его устраивал и старый вариант индустриально-социализма, где он оказывался реально господствующим субъектом, и вариант конвертации своей реальной власти в собственность.

Поскольку этот вопрос так и не был осознан, борьба развернулась вокруг вопросов прошлого: капитализм — социализм, частная собственность — общественная собственность, рынок — план. Политически она была направлена против господства высшей оргократии, реально правившей в условиях предыдущей фазы. Поскольку этот

слой отождествлялся со старым, индустриальным социализмом, борьба против него стала в значительной степени борьбой не против устаревшей индустриальной составляющей социализма, а против социализма как такового.

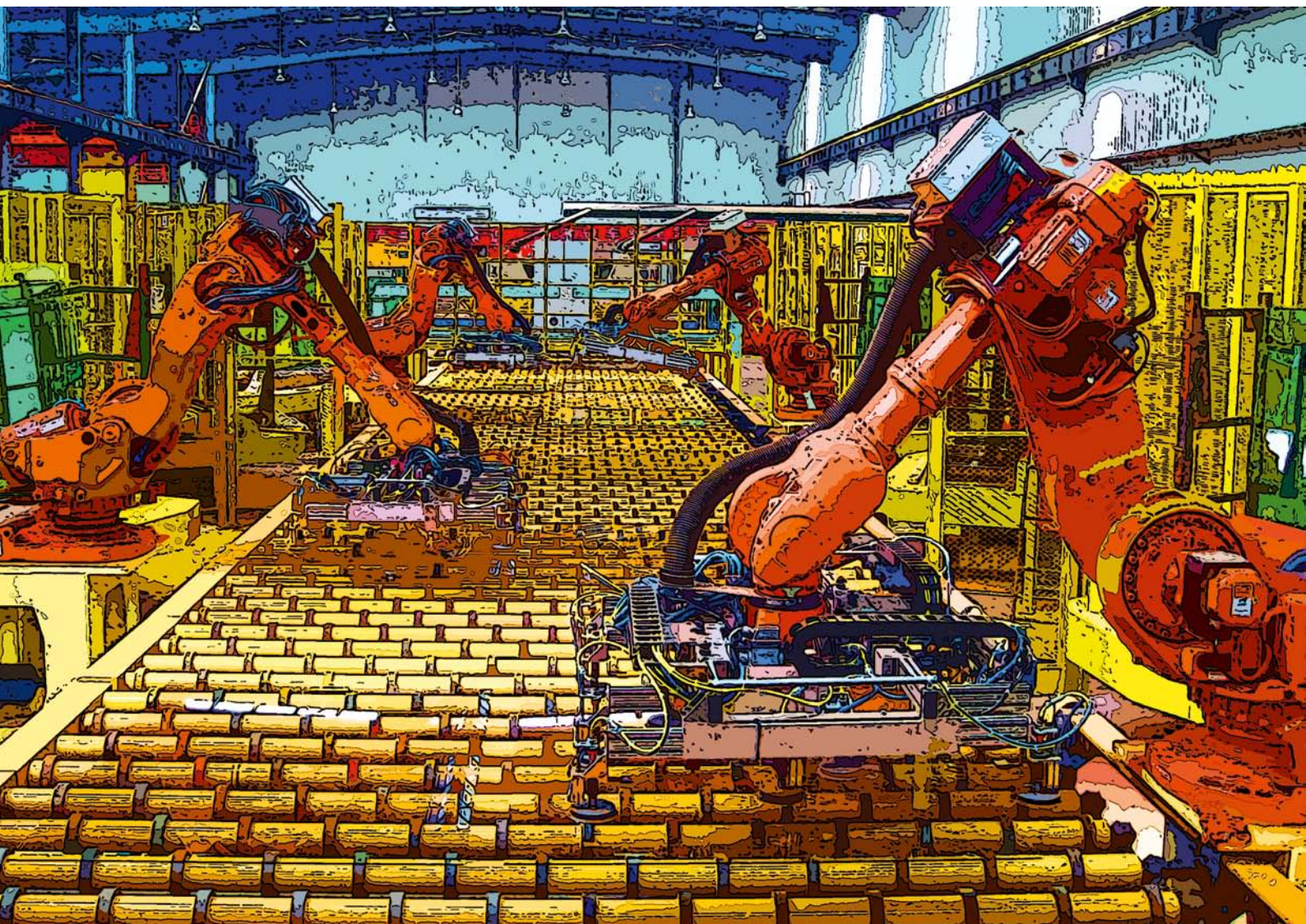
Слом старой системы был обеспечен силой и энергией интеллигента, не осознававшего своих истинных интересов. Но победа досталась конвертировавшей власть в собственность оргократии и активно содействовавшим ей криминально-буржуазным группам. Интеллигенту же досталась вся тяжесть издержек перехода, утрата социального статуса и роль неопролетариата в необуржуазно-криминальном обществе.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАВИСАНИЕ И ТРЕБОВАНИЕ ВОСХОЖДЕНИЯ

Путин электорально опирается на вызревшее требование восхождения. Он носитель ожиданий функции завершения эпохи. То есть ожиданий собственного отрицания.

Это восхождение невозможно без выполнения запроса на реализацию в рациональной форме базовой идеи, лежащей в основе базовой революции. В нашем случае — идеи социальной демократии и политического устройства постиндустриального общества, то есть в первую очередь — реиндустриализации на новой технологической базе.

Старый путь развития в зависимости от того или иного сырьевого

экспорта исчерпан. И это очевидно. Отсюда — выход на простой, казалось бы, но странно затерянный в последние 30 лет вывод: чтобы успешно развиваться, страна должна развивать своё производство.

Миллионы людей заняты на производствах, построенных на архаичных, отсталых технологиях. Отсюда выстраивается задача — создать экономику, которая обеспечит более высокие доходы, удовлетворённость от творческой работы, возможности для профессионального и карьерного роста.

Необходимо сделать так, чтобы большинство общества составляли образованные, высокопрофессиональные и одновременно материально благополучные люди. Это действительно значимая задача, требующая колоссального труда и колоссального переворота в производительных силах.

Много можно спорить о том, нужны ли исторические рывки и нужна ли политическая революция. Но задача, которая давно должна быть поставлена в повестку дня, — это в любом случае технологическая и промышленная революция. И тут есть два уровня, по которым возможна дискуссия.

Первый — принимаются ли эти установки как стратегические? Потому что в современной России большая часть политически активных групп вообще на уровне стратегических целей не мыслит. Политические группы и партии России сегодня ведут разговор не о стратегии развития, а о распределении власти. Хотя и получить её хотят для перераспределения собственности — и большей частью не в интересах народа.

Второй уровень обсуждения — это те пути и инструменты, с помощью которых можно решать данные задачи.

Но для того, чтобы о них говорить, нужно всё же определиться — признаются ли эти цели и задачи как главные.

России, конечно, нужна революция. России конечно нужны

перемены. У России сегодня слабая индустрия. У России сегодня слабая в сравнении с необходимым уровнем армия. В России сегодня так и не восстановлено даже до уровня РСФСР 1990 года производство. Деградирует сфера образования и науки. У власти находится во многом дефектная элита, не способная определять долгосрочные цели развития. В России малоэффективная система государственного управления. В России дефектная политическая система. В России разрушена одна и не создана другая мотивационная система.

Всё это в общем-то очевидно. Как очевидно и то, что двадцать лет назад положение было ещё хуже. И пороки системы были созданы не в 2000-е годы — а раньше.

Всё это, конечно, нужно менять. Причём ситуация такова, что, с одной стороны, в общем-то все понимают, что изменения нужны. В том числе и высшая власть. С другой — те, кто обладает объективной возможностью существующее положение изменить, по совокупности причин либо на это не решаются, либо не знают, как это сделать. С третьей, представления о том, изменения какой направленности нужны, — противоположны.

Нынешнее состояние — состояние зависания. Процесс распада был приостановлен в начале 2000-х — в значительной степени благодаря Путину и путинистам разных фракций. Вопрос в том, чтобы не только не падать вниз и не только постепенно карабкаться вверх — но осуществить прорыв. Технологический, производственный, социальный, ментальный.

Не имея современных технологий и современного производства, можно сколько угодно рассуждать и о правах человека, и о величии — всё это будет либо коллаборационистским оправданием прислуживания внешним центрам влияния, либо мечтаниями в послеобеденный час.

«Духовность» — это замечательно. Но всякая духовность только тогда чего-либо стоит, когда на её страже

стоит современная армия. Стратегический бомбардировщик не удастся сбить троестрельным крестом, ракетный удар не остановит взметнувшийся ему навстречу портрет Сталина.

Но для производственно-технологического прорыва нужна другая организация экономики. Ориентированная не на быструю и наибольшую окупаемость — а на программы развития, создание наукоёмкой продукции. То есть не на производство того, что можно быстро и выгодно продать, а того, что обеспечит создание нового производства.

Ясно также, что и техническая, и технологическая реконструкция — это и вопрос повышения производительности труда. Что Россия по ней сегодня отстаёт от тех же США — общее место. Но то, что государство не занимается развитием и реконструкцией производства и созданием высокотехнологических производств, — тоже общее место.

И понятно, что если стоит цель создания нового производства, для него нужна не двухуровневая система образования, производящая магистров — для научных исследований, и бакалавров — для выполнения инструктивных задач, а производящая инженеров-специалистов, способных создавать новое производство и инициативно решать встающие в ходе его создания задачи. Бакалавры если и нужны, то именно для рабочих специальностей, то есть для подготовки и оформления статуса высококвалифицированных рабочих — людей, занятых физическим трудом с преобладанием интеллектуальных функций, требующих самостоятельного принятия решений.

Понятны все проблемы, которые страна имеет с сельским хозяйством. И понятно его отставание в советский период. Только все предпочитают забывать, что, отставая по уровню технической вооружённости от США примерно в 16 раз, советское сельское хозяй-

ство отставало от американского же примерно в 4–6 раз — то есть уровень эффективности использования имевшегося оборудования и техники в СССР был в несколько раз больше, чем у ведущего конкурента.

Экономическое устройство современной России для обеспечения её восстановления и развития требует умения и возможности ставить долговременные цели, осуществлять стратегическое планирование, реализации технологического прорыва и технологической реконструкции производства. То есть оно требует перехода от краткосрочной мотивации и краткосрочных стимулов, какими являются рыночные стимулы и мотивы, — к средне- и долгосрочным стимулам и мотивации. Это означает, что Россия экономически не может развиваться, не отказавшись от рыночной организации и не создав систему проектной экономики и стратегического планирования.

Также понятно, что нормализация деятельности производства и самого его создания и развития требует иной транспортной системы, чем та, которая есть сегодня в России. И дело не только в низком качестве шоссейных дорог. Задача полного освоения водных путей ставилась ещё тогда, в 1961 году, — но сегодня символом речного пароходства стал теплоход «Булгария». Из одного региона в другой самолёты летают подчас только через Москву, европейская часть страны связана с Дальним Востоком одной нитью железной дороги. Почти не используется Северный морской путь, хотя транспортировка

из Тихоокеанского региона в Европу через него — в несколько раз выгоднее транспортировки через Суэц и только сама по себе могла принести огромные суммы в бюджет страны. Не разработана и почти полностью забыта идея создания Среднесибирского железнодорожного пути по линии Свердловск—Тюмень—Якутск с дальнейшим раздвоением — на Чукотку и на Владивосток, хотя это означало бы и освоение сегодня полуобжитых регионов, и заселение их, и создание приемлемой для комфортной жизни среды в новой зоне страны. Хотя, опять-таки, задача освоения и заселения западно-сибирских областей была поставлена ещё в рамках Программы строительства коммунизма.

То ли мы определяем, что всё это делать вообще не нужно — и программа была плоха тем, что эти задачи ставила. И тогда нужно поставить другие. То ли мы признаём, что они были правильны — но программа неверно определила пути их достижения. Но в последнем случае отказ от неё выглядел бы обоснованным, если бы страна получила предложения о других путях и за последние четверть века ощутимо продвинулась к данным целям другими способами. Но именно последнего — нет.

ПРОИЗВОДСТВО УСЛУГ ИЛИ ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ?

И здесь мы имеем ещё одну развилку, о которой шла речь выше, развилку в понимании и реализации общества полной постиндустриализации.

Первое предполагает вариант «общества услуг», второе — «общества познания и созидания».

О чём идёт речь. В первом случае действительно порядка 10% рабочих рук сосредотачиваются в сфере производства, в индустрии, 1–2% — в сельском хозяйстве, орудия труда для которого создаёт эта индустрия, а остальные — в сфере обслуживания: дизайнеры, брокеры, официанты, курьеры, менеджеры, адвокаты, шоумены, журналисты, персонажи «индустрии развлечений» (не имея в виду под последней искусство) и прочее — то есть все те, кто в той или иной форме обслуживает производителей.

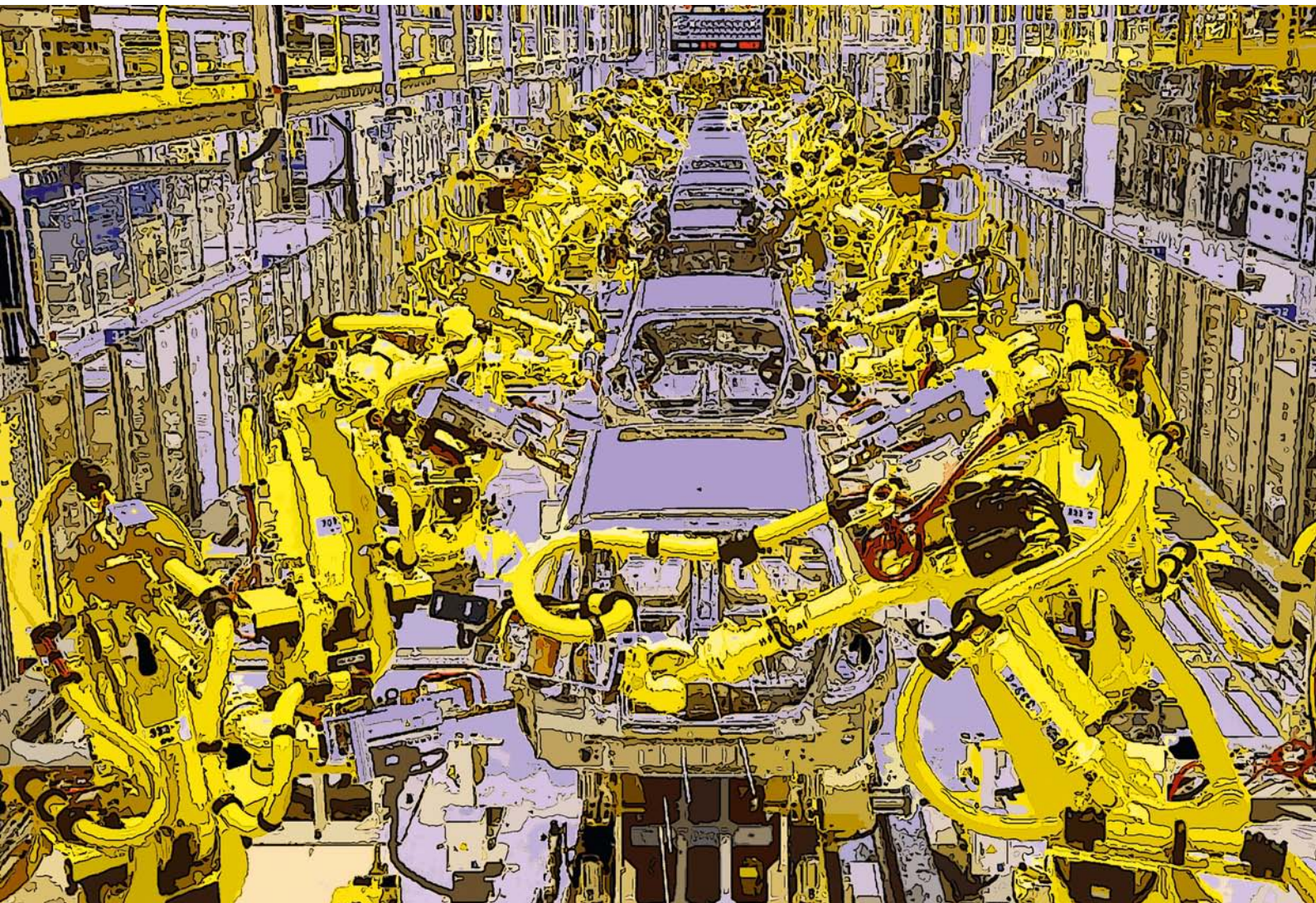
Во втором случае также десятая часть работает в промышленности, ещё меньшая — в сельском хозяйстве, но добрые 85–90% создают для двух первых отраслей технологии, осуществляют научный и художественный поиск, создают новое знание и мотивирующие духовные и эстетические образцы, работающие на развитие человеческого стремления к возвышению.

Первый вариант социума в чём-то более прост и комфортен. Но одна из его главных особенностей в том, что производство технологий и знания вынесены за его пределы. Страна, осуществляющая подобный проект, их не производит, а получает извне.

То есть, с одной стороны, она обречена быть несuverенной — поскольку в технологиях зависит от других стран, а следовательно, зависима от них в их требованиях к её политике. С другой стороны — она должна за эти технологии платить, то есть расходовать для их приобретения некий экономический ресурс, в результате снижая уровень жизни своего населения, поскольку вместо того, чтобы платить своим учёным и педагогам, она должна платить и чужим, а кроме того — и своим же перечисленным постиндустриальным паразитариям и торговцам.

Когда-то Анри де Сен-Симон делил общество на «работников»

Экономическое устройство современной России для обеспечения её восстановления и развития требует перехода от краткосрочной мотивации и краткосрочных стимулов, какими являются рыночные стимулы и мотивы, — к средне- и долгосрочным стимулам и мотивации. Это означает, что Россия экономически не может развиваться, не создав систему проектной экономики и стратегического планирования.

и «паразитов», относя к первым как рабочих, так и промышленных капиталистов («людей индустрии»), а ко вторым — банкиров, адвокатов и журналистов («людей пергамента»).

В чём-то, как минимум на метафорическом уровне, подобное разделение сегодня актуализируется.

В подобном варианте страна, избравшая этот путь, отказывается как от независимости, так и от развития, замещая развитие знания и производства развитием комфорта, причём уровень жизни паразитариев заведомо оказывается выше уровня жизни учёных, инженеров, врачей и педагогов, да и всех занятых в производстве. Хлеб в значительной степени заменяется на зрелища, которые тот же производитель оплачивает из своей заведомо сокращённой

зарплаты, а труд даже клерка в банке или торговой фирме становится престижнее труда в науке и медицине.

Сегодня Россия не достигла и такого уровня, поскольку она подобные свои расходы минимум на треть покрывает даже не продуктами своего производства, а продажей своих ресурсов, направляя их не на полноценное развитие науки, образования, медицины и культуры, а на оплату своих паразитариев.

ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО КАРДИНАЛЬНО ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПОДХОД К СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Технологическое лидерство требует опережающего развития образования. Нельзя завтра стать лиде-

ром в новом производстве и науке, не воспроизводя пиетет к знанию и образованию.

Ускорение технологического развития страны требует производства соответствующей рабочей силы. То есть требует образования, нацеленного на обеспечение прорыва в производстве.

Следовательно, это образование не может быть таким, каким оно является в странах, не нацеленных на технологический рывок.

Отсюда первое, что должна сделать Россия для обеспечения подобного развития, — это покончить с Болонским процессом. Если не останавливаться на всех многочисленных аргументах, уже представленных специалистами, показывавшими предельную спорность

и невыгодность для России участия в этом процессе, если даже не принимать во внимание, что он вызывает крайне негативную оценку в странах самой Европы, если даже не принимать во внимание то, что первый противник этого процесса — сам Болонский университет, следует иметь в виду следующее.

Весь замысел Болонского процесса заключается в унификации образования и обеспечении подготовки специалистов для нужд стран Западной Европы, с их типом и уровнем технологического развития, на сегодня не ставящего задачи технологического прорыва.

А задача России — готовить специалистов для своего производства, **требующего обеспечения технологического прорыва.**

Последнее требует специалистов, обладающих нестандартным,

креативным мышлением, ориентированных не на воспроизведение имеющихся подходов и решений — а на производство новых. А это значит, что второе, что необходимо сделать для обеспечения образования такого типа, — это быстро и решительно разорвать с затеей ЕГЭ.

Опять же, если не останавливаться на всей палитре доводов в пользу отказа от ЕГЭ, это нужно сделать по двум основным причинам.

Первая: сам ЕГЭ — как раз элемент системы унификации. Будучи построен на примитивно-тестовой проверке натасканности на заданные ответы, он, в принципе, не рассчитан на выявление наиболее подготовленных и способных.

Вторая причина: система приема на основании ЕГЭ практически исключает отбор вузами тех, кто наиболее подходит и подготовлен именно

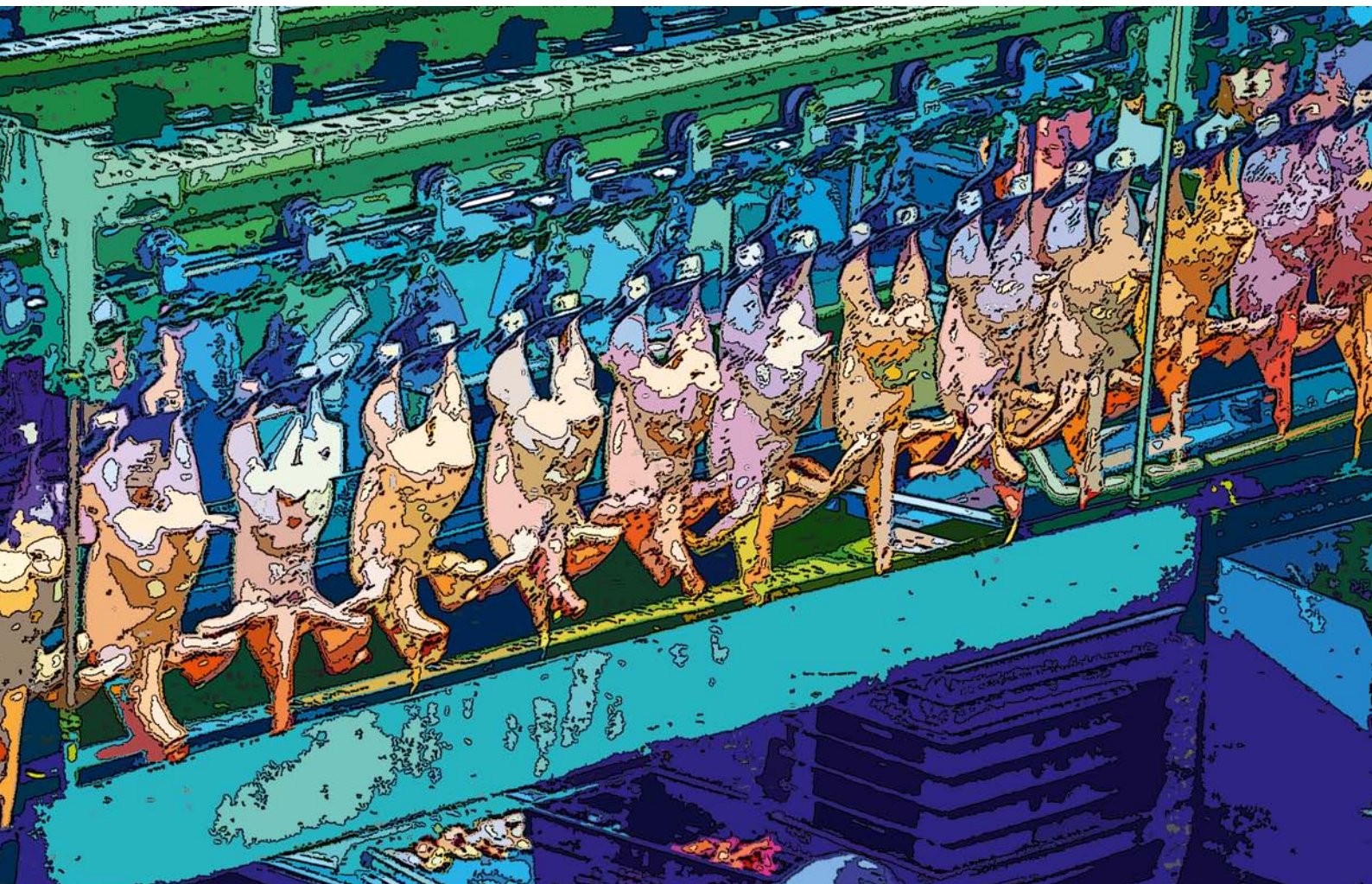
под требования данного университета, существующие в нём научные школы.

И самое существенное и главное — то, что постоянно игнорируется носителями власти при любом разговоре об образовании: деньги. В царской России бюджеты земств предполагали выделение не менее 20% на нужды образования. Хотя задачи тогда перед ним стояли менее масштабные и амбициозные.

Готова власть сегодня 20% бюджета выделять на образование? Если не готова — она должна забыть про все свои претензии на технологическое лидерство.

Студент будет качественно учиться тогда, когда будет видеть перед глазами образцы успеха, обеспечиваемого знаниям и учёбой.

Первое, что он должен видеть, — это успешность своего преподавате-

ля. И в СССР, и в западных странах получение права после окончания вуза остаться в нём преподавателем было одной из наиболее желаемых вещей.

Студент не будет уважать преподавателя, если не будет видеть в нём представителя успеха. Есть вузы, в которых преподаватели получают совсем мало. Есть те, где они получают чуть больше. Но, во-первых, практически нигде преподаватель не получает в пересчёте столько, сколько получал в советское время. Во-вторых, даже там, где он получает несколько больше, — он получает это «больше» не от государства, а за счёт коммерческой деятельности вуза. Хороша для вуза коммерческая деятельность или нет — отдельный вопрос. Важно, какова государственная оплата и оценка преподавательской деятельности. И если она находится на нищенском уровне — с какой стати преподаватель должен уважать данное конкретное государство и оказывать ему содействие в решении его приоритетных задач? А главное — уровнем своей материальной обеспеченности он, в таком случае, будет демонстрировать студенту: не нужно учиться. Потому что те, кто учит вас, — не способны сами обеспечить себя.

С другой стороны, государство ставит студента с самого начала учёбы перед выбором: либо знания, либо деньги. На советскую стипендию 30–45 рублей можно было прожить. На сегодняшнюю стипендию в 1100 рублей прожить невозможно.

Советский студент вынужден был подрабатывать, чтобы обеспечить что-то большее, чем пропитание. Современный российский студент вынужден работать во всех случаях, если только он не получает серьёзной финансовой подпитки от достаточно обеспеченных родителей.

Если сегодняшняя российская власть всерьёз хочет технологического лидерства страны и развития образования, она должна создать для профессоров, преподавателей и сотрудников вузов и самих сту-

Если российская власть всерьёз хочет технологического лидерства страны и развития образования, она должна создать для профессоров, преподавателей и сотрудников вузов и самих студентов уровень материального обеспечения как минимум на уровне советского. То есть примерно в пять раз выше нынешнего. Россия никогда не восстановит для себя достойного места в мире, если не создаст для своих ученых и инженеров того положения, которое сделает их производителем энергии движения вперед.

дентов уровень материального обеспечения как минимум на уровне советского.

То есть примерно в пять раз выше нынешнего.

Когда-то, как раз после принятия Хрущёвым третьей программы КПСС, президент Кеннеди сказал, что Америка никогда не догонит СССР, «если не создаст своим интеллектуалам таких же привилегированных условий, какие Советы создали своим». Штаты такие условия создали — Россия уничтожила.

Россия никогда не восстановит для себя достойного места в мире, если не создаст для своих учёных и инженеров того положения, которое сделает их производителем энергии движения вперёд.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ КУРС

России нужно новое производство. Новые технологии. Новые материалы. Новая медицина. Развитие атомных отраслей. Освоение космоса. Биотехнологии. Новая транспортная система. Новое продовольственное производство. Информационные технологии и робототехника. Общественная самоорганизация граждан и специалистов. Новый тип стимулов к труду и новый характер труда. Восстановление культуры. Люди, умеющие читать книги, а не только записи в блогах сумасшедших.

Просто в конце концов нужна осмысленность существования.

России сегодня нужна структура экономики, при которой 1–2% трудоспособного населения будут заняты в производстве аграрной продукции, достаточной, чтобы прокормить всю страну. 10% будут заняты в традиционном промышленном производстве, работающем с производительностью, которая обеспечит материальные потребности общества. Но только если при этом 90% населения заняты в производстве новых знаний и новых технологий — позволяющих первым двум группам обеспечить материальные потребности общества.

Войти в мировое разделение труда на равноправных началах она может, только перейдя к участию в нём в постиндустриальной сфере, там, где у неё остаются некоторые технологические заделы и где она обладает ресурсами, с которыми могут быть сопоставимы лишь США.

То есть перед нами выбор: либо быть источником сырья и рабочей силы, либо совершить прорыв в новую технологическую эпоху.

Единственным способом осуществления такого прорыва является мобилизационный курс, подчиняющий все внутренние ресурсы этой задаче.

Технологические основы производства в современном мире терпели революционные изменения. Наука всё более стала превращаться в непосредственную производительную силу. Основным участником

производительного процесса всё более становится не фермер и индустриальный рабочий, а производители информации — учёные, программисты, технологи.

Именно такой переход должна осуществить Россия. А для этого нужен, прежде всего, технологический прорыв и создание новых современных производств. Современное производство — это то, какого требует уже и сегодняшнее, и наступающее время, производство, которого ещё ни у кого нет.

И, соответственно, волевая аккумуляция и концентрация средств и ресурсов на ключевых направлениях развития, на прорывных участках. То есть в первую очередь — отказ от рыночной мифологии и создание пострыночной экономики.

ПУТЬ К УСТОЙЧИВОСТИ — УХОД ОТ ЭКСПОРТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Большей частью все состоявшиеся или намечающиеся кризисы приходят не из России, а извне — где-то кто-то ведёт свою экономическую игру, а страдает Россия. Если ваши дома регулярно заливают во время наводнения — в какой-то момент нужно, наверное, понять, что пора строить дамбу, которая защитит вас от этой слепой стихии.

Дело даже не в нефтегазовой зависимости как таковой. Допустим, Россия массово поставляла бы на экспорт лучшие в мире автомобили, компьютеры и, скажем, нанотехно-

логии. И мировая экономика тоже начала обваливаться. Выросла бы в мире закупка автомобилей, компьютеров и нанотехнологий? Нет, она бы всё равно упала. И в России тоже был бы кризис. При отсутствии любой нефтегазовой зависимости.

Значит, риск не в том, что Россия сегодня зависит от экспорта нефти и газа, а в том, что она зависит от экспорта вообще. От экспорта получает большую часть доходов. Причём такую, что при их сокращении не просто теряет дополнительные доходы, а лишается жизненно необходимых средств.

То есть дело не только в том, чтобы вместо продажи нефти за рубеж продавать туда продукты высоких технологий, а в том, чтобы самим производить для себя столько, чтобы экспортную выручку иметь лишь как приработок, работу по совместительству, а не источник основных доходов.

Нельзя делать экспорт основным источником дохода. Если мировая экономика подвержена приступам безумия — нужно ограничивать свою интеграцию в это безумие.

Нужно строить экономику так, чтобы даже при потере экспортных доходов уровень жизни своей страны сокращался лишь незначительно, а основные продукты, потребляемые гражданами, производились самой страной.

Все, кто имел длительные реальные контакты с Западом в период предыдущего глобального кризиса, в один голос утверждают,

что там страны с экспортной специализацией пострадали от него намного больше, чем Россия, и удар по потребителю был там куда болезненнее, чем у нас. При всей нашей нефтезависимости.

Да, конечно, нефтегазовую ориентированность России нужно менять. Но опираясь на то, что есть.

Мы имеем избыток топлива. Мы имеем избыток сырья. Мы имеем определённый избыток полуфабрикатов — например, стального проката. Мы имеем не используемые заделы ещё советских и частью нынешних российских научно-технических разработок. Мы имеем свободную рабочую силу. И мы имеем огромные финансовые золотовалютные резервы.

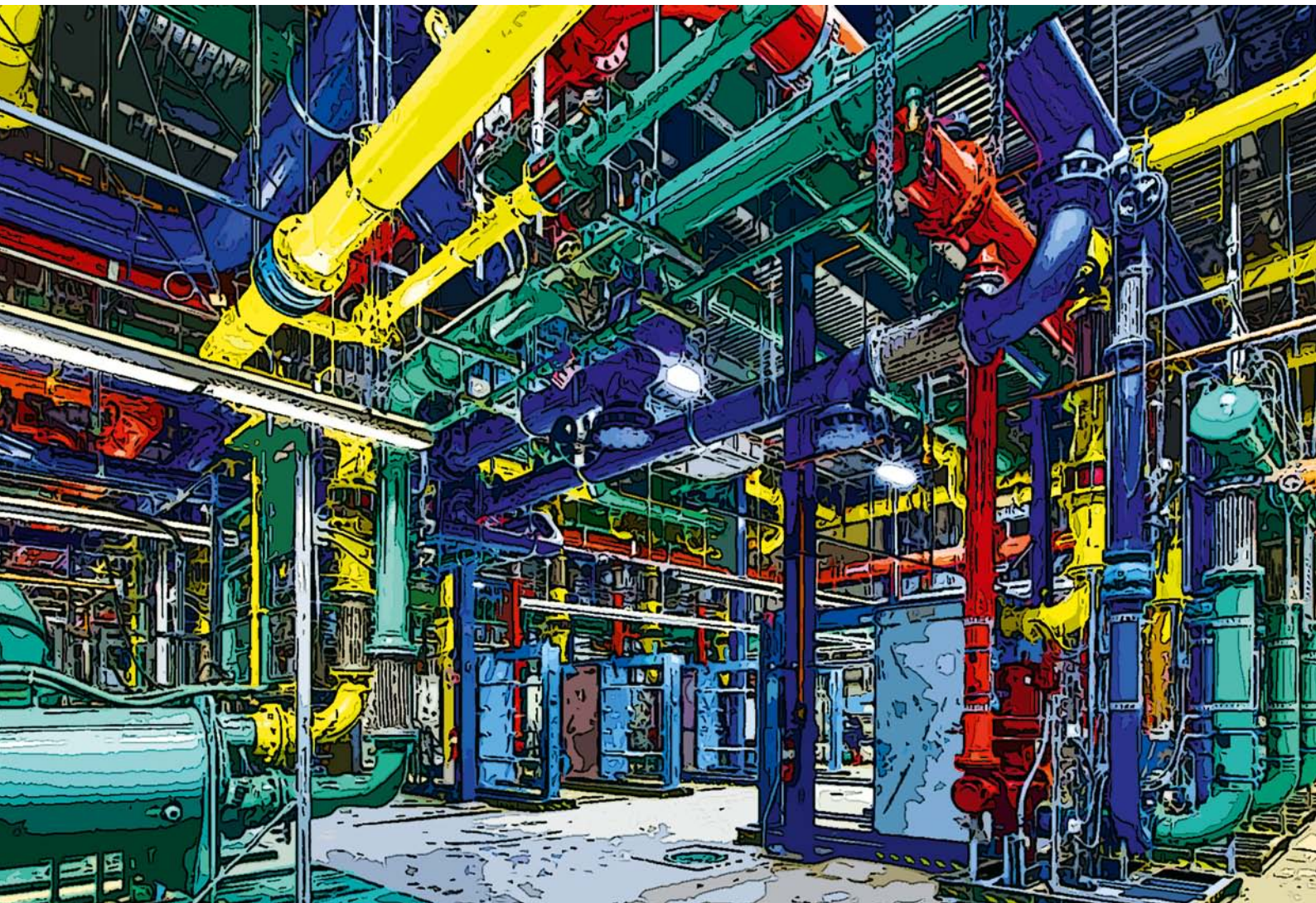
Но экономика РФ ориентирована на внешний рынок: носители и сырьё — туда, деньги и товары — оттуда. Собственные разработки вообще лежат полузабытые.

Систему нужно упростить и при этом усовершенствовать: в своей стране соединять энергию, сырьё, технологии, рабочую силу и деньги. Спад внешнего спроса уравновешивать не спадом внутреннего производства, а его наращиванием. Не нужно снижать производство стали при спаде спроса на неё в мире. Нужно её использовать для наращивания строительства своих заводов, выпуска своих станков и машин.

ЧЕЛОВЕК ИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА И НОВЫЙ ТИП ПРОГРЕССА

Говоря о задачах реиндустриализации России, следует обозначить пласт ещё более важных обстоятельств. Индустриализация как таковая, как цивилизационное явление, означает развитие особого типа сознания, мироощущения. Человек индустриального мира видит окружающее как познаваемое, с одной стороны, и доступное преобразованию — с другой.

То есть его отношение лишено подчинения трансцендентной де-

терминированности, и он ощущает свою возможность окружающий его мир изменить, и в то же время он лишён готовности этот мир изничтожить в рамках создания своей альтернативы существующему. Он твёрдо ощущает в своём отношении к миру как подвластность этого мира созидательной деятельности человека, так и «неслучайность», обоснованность имеющегося состояния мира, для своего преобразования требующего расширения познания.

Мир индустрии возникает благодаря Миру науки — развитию познания, но он в своём развитии требует и производит новое познание по знакомой в основе формуле:

Мир науки → Мир индустрии → Мир науки* = феномен Индустриа-

лизации, за которым следует Мир науки* → Мир индустрии* → Мир науки** = феномен Индустриализации* или Реиндустриализации.

Носитель этого типа сознания — человек индустриального мира — создаёт тем самым основу нового типа Прогресса — Вертикального Прогресса, когда движущей силой его становится не стремление к Насыщению, Развлечению и Комфورتу (НРК-Прогресс, или традиционный Прогресс), а стремление к Познанию, Созиданию и Преобразованию (ПСП-Прогресс, или Прогресс Возвышения).

Таким образом, меняется и роль человека в социуме: от роли обречённого на подчинение придатка производства — до роли демиурга, субъекта «ре-Творения» мира, а сам человек,

существующий в своей диполности физиологического и романтического, сохраняя биологическое начало, преодолевает рубеж ограничения физиологическим, достигая, метафорически говоря, состояния гегелевского единства «в-себе-и-для-себя» абсолютного духа.

В этом отношении Индустриализация* как Реиндустриализация, то есть процесс расширенного производства и воспроизводства знания о мире и человеческой возможности развивать мир, становится тем звеном в отношениях человека и культуры как «второй природы», благодаря которому мир сам становится элементом человека, но не как довлеющий над ним, а как ему подчинённый и его продолжающий и усиливающий.

/ Аркадий САМОХВАЛОВ¹ /

От стагнации – к росту

*Какая социально-экономическая политика
способна обеспечить развитие*

¹ Действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса, первый заместитель министра экономики в правительстве Е.М. Примакова.

ЦЕЛЬ – ОБУСТРОЙСТВО СТРАНЫ И СБЕРЕЖЕНИЕ НАРОДА

Начнём с бесспорного утверждения, что в развитых странах экономика и социальная сфера продолжают существовать даже в таких условиях, когда государство перестаёт определять цели их развития и обеспечивать достижение этих целей. В любом случае разносторонние усилия множества субъектов деятельности, как в экономике, так и в социальной сфере, складываются воедино, а их суммарные результаты «оцифровываются» действующими системами учёта и статистики.

Активная позиция современного государства в отношении хода социально-экономических процессов предусматривает такие, например, инструменты регулирования, как:

— налоговое обременение юридических и физических лиц с последующим распределением собранных в стране налогов и иных денежных поступлений между бюджетами всех уровней власти. Это позволяет регулировать привлекательность для инвесторов тех или иных сфер предпринимательской деятельности, предопределять уровень децентрализации в управлении процессами развития экономики и социальной сферы в стране в целом, в отдельных регионах и муниципальных образованиях и др.;

— антимонопольное регулирование, позволяющее препятствовать различным злоупотреблениям частных и государственных компаний, доминирующих на конкретных рынках, в первую очередь — злоупотреблениям в цено- и тарифообразовании;

— регулирование внешнеэкономической деятельности, в том числе с целью создания стимулов для производства продукции высоких переделов внутри страны, оптимизации объёмов вывоза (ввоза) тех или иных видов сырья и продукции в интересах развития отечественного производства;

— кредитно-денежная политика, призванная обеспечивать доступность заёмных средств для всех субъектов

социально-экономической деятельности, определять правила работы кредитных институтов, создавать стимулы для их активного участия в развитии национальной экономики;

— управление стандартами в области экологии и производства, побуждающее субъекты социально-экономической деятельности к эффективному использованию научно-технических достижений (например, снижающих удельный расход ресурсов, в том числе энергетических).

В большинстве профессиональных публикаций рассматривается, как правило, один из инструментов регулирования условий хозяйствования (или их ограниченная совокупность), сдерживающий развитие экономики; соответственно, только его касаются и предложения по изменению. При таком подходе фактически не принимается во внимание, что каждый из инструментов регулирования хозяйственной жизни оказывает разное воздействие на различные стороны этой жизни, и только конкретная их совокупность (в соответствующей «дозировке») способна, переопределив содержание социально-экономической политики, действительно изменить к лучшему условия для множества субъектов хозяйственной деятельности.

На протяжении последних десятилетий перечисленные выше инструменты воздействия государства на экономику и финансы в нашей стране применялись, главным образом, в отношении конкретных субъектов хозяйственной деятельности («точечное» регулирование). Как показал опыт, это позволяло

добиться определённых результатов в каждом конкретном случае, но не обеспечивало системного улучшения дел в экономике и социальной сфере страны в целом. При этом функции, выполнение которых возложено на органы исполнительной власти разных уровней, практически не пересматривались, как не пересматривались и механизмы взаимодействия между ними.

Возможность добиться надлежащих результатов откроется только при **системном** использовании всех инструментов государственного регулирования. В этом случае меры, предпринимаемые государством в центре и «на местах», будут скоординированы; они коснутся всех предприятий и организаций (или значимой их группы) — вне зависимости от формы собственности и географического расположения. Только такой подход позволит на деле сформировать здоровую конкурентную среду, в которой успех предпринимательской инициативы и, в частности, её доходность, будет соответствовать профессиональному уровню руководителей и коллективов, а не «умению жить» в согласии с властью, нередко предусматривающем коррупционную составляющую. И именно такой подход должен стать доминирующим при определении мер, способных обеспечить динамичное и устойчивое развитие экономики.

Современная социально-экономическая политика в России не обеспечивает роста экономики, соответствующего как внутренним (неуклонному повышению уровня и улучшению качества жизни населения), так и внешним вызовам, в том числе

Современная социально-экономическая политика в России не обеспечивает роста экономики, соответствующего как внутренним (неуклонному повышению уровня и улучшению качества жизни населения), так и внешним вызовам, в том числе связанным с безопасностью страны и исторически сложившимися ожиданиями от участия России в формировании международной повестки дня.

	Темп прироста к предыдущему году		Среднегодовые темпы прироста			Темп прироста к предыдущему году				Среднегодовой темп прироста
	1999	2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016	2017	2018	2019	2016–2019
Объём ВВП	6,4%	10,0%	6,1%	3,5%	1,5%	0,2%	1,6%	2,3%	1,3%	1,3%
Инвестиции в основной капитал	5,3%	17,4%	10,8%	8,0%	1,1%	-0,2%	4,8%	4,3%	1,7%	2,7%
Объём промышленного производства	8,9%	8,7%	5,6%	1,8%	1,4%	2,2%	2,1%	2,9%	2,4%	2,4%
Оборот розничной торговли	-5,8%	9,0%	11,0%	8,8%	1,8%	-4,6%	1,3%	2,8%	1,9%	0,3%
Реальные располагаемые доходы населения	-12,3%	12,0%	11,5%	7,4%	1,0%	-4,5%	-0,5%	0,1%	1,0%	-1,0%
Средняя цена нефти (Brent), долл. за баррель (справочно)	18,1	28,2	33,9	74,6	92	42,8	52,8	71,1	63,7	57,6

Таблица 1.
Темпы роста важнейших экономических показателей в РФ в 1999–2019 гг.

селения), так и внешним вызовам, в том числе связанным с безопасностью страны и исторически сложившимися ожиданиями от участия России в формировании международной повестки дня. Но анализ показывает, что задача достижения высоких темпов экономического роста и, соответственно, роста ресурсов бюджетной системы, во всяком случае, достаточного для активного «обустройства страны и сбережения её населения», может быть решена. Заметим, что решение задачи «обустройства России» возможно при условии обязательного и деятельного участия всех слоёв населения страны, всех ветвей государственной власти и всех уровней власти исполнительной. В то же время «сбережение народа» — это, главным образом, дело государственной власти. Она аккумулирует в бюджетной системе необходимые финансовые ресурсы и организует целенаправленную работу всех уровней исполнительной власти в сфере здравоохранения, образования, науки и культуры, обеспечивает безопасность страны, предотвращение любых внешних угроз.

Именно эти две генеральные задачи определяют требования к системному изменению социально-экономической политики.

ПРЕОДОЛЕТЬ ЗАСТОЙ

В таблице 1 содержатся основные данные о развитии народного хозяйства России за последние 20 лет, а именно за период 1999–2019 гг. Как известно, в экономике России в 1992–1997 гг. произошёл беспрецедентный спад. Показатель ВВП снизился фактически вдвое. Этот период в экономике России не представлен в таблице, поскольку реформы тех лет не рассматриваются в настоящей статье. Экономические показатели 2020 года на момент написания статьи ещё не были опубликованы. Очевидно, однако, что даже только в силу разразившейся пандемии COVID-19 они окажутся отрицательными, хотя и без этого они мало отличались бы от показателей 2019 года.

Все данные в таблице взяты из официальных статистических сборников Росстата и показывают, что темпы прироста, например ВВП, в 1999 и 2000 году (к предыдущему году) были весьма высокими (см. верхнюю строчку таблицы). Но, что особенно важно, эти темпы роста были, во-первых, достигнуты впервые с начала 90-х годов. Во-вторых, они были достигнуты в ходе преодоления самого глубокого кризиса в российской экономике — кризиса 1998 года. В-третьих, что убедительно

демонстрируется данными таблицы, превысить эти темпы роста российской экономики не удалось до сих пор. Начиная с 2001 года темпы роста ВВП неуклонно снижались, приблизившись в 2016 году к нулевому значению. Затем этот показатель «стабилизировался» в районе одного процента (или немногим более, по сути — в пределах погрешности счёта), что означает вхождение экономики в стагнацию. Неудивительно, что столь неудовлетворительной динамике ВВП соответствует динамика остальных показателей таблицы, характеризующих положение дел с капиталовложениями и уровнем жизни населения.

Важен и тот факт, что снижение темпов развития экономики в 2001–2019 гг. происходило при небывало высоком уровне мировых цен на нефть (см. последнюю строчку в таблице 1). Если бы не огромные доходы растущего экспорта дорогой нефти, динамика представленных в таблице показателей социально-экономического развития страны в 2001–2019 гг. была бы гораздо более удручающей.

По нашему мнению, улучшение динамики развития экономики в 1999–2000 гг. не случайно, как не случайны (закономерны) и неуклонно снижающиеся темпы её роста

в 2001–2019 гг. Эта закономерность обусловлена различиями в реализуемой правительством социально-экономической политике. В 1999–2000 гг. она была предложена правительством Е.М. Примакова и в корне отличалась от содержания реформ, проводимых с 1992-го до второй половины 1998 года. Реализация этой политики обеспечила не только преодоление кризиса 1998 года, но и вывод российской экономики на высокие темпы роста. Однако новым руководством, пришедшим в конце 2000 года на смену правительству Е.М. Примакова, эта политика была признана неким «вывихом», нарушившим «единственно возможный» вариант проведения экономических «реформ», стартовавших осенью 1991 года. Быстро был осуществлён возврат к «заветам» правительства «реформаторов» начала 90-х.

Результаты не заставили долго себя ждать. По мере закрепления «новых» ориентиров в социально-экономической политике началось постепенное, но неуклонное снижение темпов роста российской экономики. В ней стали возникать и усиливаться системные «перекося»². Отдельные успехи и достижения в народном хозяйстве, имевшие место в 2001–2019 гг., как показывают данные таблицы, не остановили (и не могли остановить) негативных последствий, потенциал которых не исчерпан по сей день.

В настоящее время стоит задача не только преодолеть сложившиеся за десятилетия пагубные тенденции в российской экономике, но и в кратчайшие сроки решить проблемы, вызванные пандемией. Для этого требуется в корне изменить (выстроить заново) социально-экономическую политику государства. Необходимо тщательно проанализировать всё то, что случилось в экономике за последние практически три десятилетия, сделать строгие выводы

относительно того, насколько цели и задачи использования в социально-экономическом строительстве трудового и творческого потенциала населения совпадают с тем, что получилось в результате.

В частности, необходим «сквозной» анализ сложившейся системы управления экономикой и социальной сферой — с уточнением полномочий и ответственности всех уровней исполнительной власти, с разработкой мер по устранению пересекаемости и дублирования их функций, в том числе в соответствующих центрах принятия решений. Необходимо также пересмотреть сложившуюся систему стимулов и механизмов настройки работы субъектов социально-экономической деятельности (их собственников — частных и государства), обеспечить в результате непрерывное повышение эффективности их работы и качества производимых услуг и продукции. Важно оздоровить конкуренцию в банковском секторе, повысить роль государственных и коммерческих банков в развитии реального сектора экономики. Одной из актуальнейших задач остаётся отказ от преимущественно «точечной» поддержки развития частных и государственных компаний, практикуемой в последние два десятилетия, в пользу системных решений, распространяющихся на все предприятия и организации (независимо от местонахождения и формы собственности), создание здоровой конкурентной среды, в которой успех предпринимательской инициативы и, в частности, её доходность, будет определяться уровнем профессионализма руководителей и коллективов, а не умением жить в согласии с властью, нередко предусматривающем коррупционную составляющую. Нуждается в повышении эффективности и вся система финансирования экономики и социальной сферы за счёт бюджетов всех

уровней (федерального, субъектов Федерации и муниципального).

Названные проблемы имеют системный характер, их невозможно решить «в один присест». Они должны последовательно разрешаться на протяжении какого-то времени, необходимого для корректировки (уточнения) предпринимаемых мер сообразно получаемым результатам. При таком подходе важен выбор стартового спектра направлений, по которым должны быть развёрнуты работы по реализации первоначальных мер. Причём задача каждого из этих направлений заключается в том, чтобы придать социально-экономической политике акценты, отсутствовавшие в ней прежде. Интегральным результатом работы по всем этим направлениям должен стать выход экономики из стагнации, усугублённой пандемией, и существенный рост общественного производства.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Ниже представлены основные, по мнению автора, направления работы стратегического и тактического (неотложного, срочного) характера.

Изменения стратегического характера в социально-экономической политике потребуют для их реализации значительного времени. По каждому из направлений предстоящей работы необходимо определить совокупность инструментов регулирования (в том числе из названных выше), способных обеспечить достижение желаемых результатов, верифицируемых контрольными показателями. Это позволит не только иметь объективную информацию о темпах и качестве социально-экономического развития, но также судить о профессионализме (управленческих качествах) госслужащих всех уровней, отвечающих за выбор инструментов регулирования и эффективность их применения.

² Подробнее см. *Самохвалов А.Ф.* Экономические провалы российского «либерализма» (Не получилось — уходи!). LAP Lambert Academic Publishing, Deutschland. 2015; *Самохвалов А.Ф.* Уроки Примакова — премьер-министра. М., Литрес-Самиздат, 2019.

Реализация изменений тактического характера также будет осуществляться с помощью названных выше инструментов регулирования и системы контроля за ходом работы, но в этом случае запланированные результаты должны быть получены в сжатые сроки. При этом, с одной стороны, они положат начало оздоровлению экономических отношений и повышению предпринимательской активности, что позволит вывести народное хозяйство из стагнации. С другой — эти изменения станут основой для внесения в политику корректив стратегического характера.

Важно при этом отметить, что разработка и реализация мер, обеспечивающих достижение изменений стратегического характера, не должны откладываться до завершения реализации тактических мер. Необходимо так организовать работу, чтобы и те и другие меры были совмещены, а ожидаемые эффекты от них дополняли и усиливали друг друга.

Основные направления работы стратегического характера по изменению социально-экономической политики государства:

1. Снижение чрезмерной зависимости российской экономики от экспорта и импорта (обеспечение должной экономической безопасности) на основе последовательного увеличения глубины переработки природных ресурсов по всем цепочкам добавленной стоимости; максимально широкое использование в решении этой задачи средств производства, выпускаемых на территории страны.

В настоящее время ежегодный объём импорта в Россию составляет более 240 млрд долларов. Этот объём сопоставим с полугодовым объёмом всего промышленного производства в стране (и добывающего, и перерабатывающих его секторов). Планомерное снижение объёма импорта хотя бы наполовину позволит обеспечить значимый прирост промышленности.

В настоящее время ежегодный объём импорта в Россию составляет более 240 млрд долларов. Этот объём сопоставим с полугодовым объёмом всего промышленного производства в стране (и добывающего, и перерабатывающих его секторов). Планомерное снижение объёма импорта хотя бы наполовину позволит обеспечить значимый прирост промышленности. Следует также подчеркнуть, что сопутствующие импорту налоговые поступления в бюджетную систему исчерпываются пошлинами и НДС. В случае же производства аналогичного объёма продукции внутри страны величина сопутствующих налоговых поступлений увеличивается в 4–5 раз (подходного налога, социальных платежей, НДС, налога на прибыль и др.). Но особенно актуальна проблема импорта в отношении таких критических видов продукции, как семенные материалы, перерабатывающие станки, оборудование, электроника и др. Усилия правительства по планомерному снижению объёма импорта явно недостаточны. Им не хватает планомерности и системности, нацеленности на конкретные результаты.

Что касается экспорта, то в настоящее время в России функционирует группа успешных компаний, ориентированных, главным образом, на поставки сырья и продуктов его первичной переработки за рубеж. На первый взгляд, увеличение объёмов экспорта является для страны однозначно выгодным. Однако имеются нюансы, во многом нивелирующие эту выгоду. Во-первых, результаты деятельности таких ком-

паний определяются конъюнктурой на мировых рынках, которая весьма неустойчива. Более того, даже в случае высоких мировых цен вклад этих предприятий в ВВП страны весьма невелик в силу низкой добавленной стоимости производимой ими продукции (например, по сравнению с продукцией машиностроения). Во-вторых, экспортная деятельность таких компаний (зачастую не подпадающих под российскую юрисдикцию) стимулируется за счёт бюджетной системы путём возмещения входного НДС. К тому же этим компаниям разрешено оставлять на своих счетах основную часть валютной выручки, тем самым предоставляя им возможность получения дополнительных доходов от операций с валютой, наносящих ущерб устойчивости российского финансового рынка. В-третьих, десятилетиями цена сырья и продуктов его первичной переработки внутри страны является в лучшем случае сопоставимой с мировыми ценами. В то же время налоговая нагрузка на продукцию соответствующих предприятий (например, металлургических, в расчёте на рубль) в несколько раз ниже, чем, скажем, на продукцию машиностроительных предприятий. Ещё более разительно сравнение налоговой нагрузки металлургов по сравнению с нефтяниками — она на порядок ниже.

2. Неуклонное повышение роли внутренних источников финансирования экономического развития России и её социальной сферы посредством целенаправленных и скоординированных действий правительства и ЦБ России. В частности, Банку России должна быть вменена ответственность за обеспечение роста национальной экономики и эффективное решение её проблем (хотя бы на уровне, закреплённом американским законодательством за ФРС США).

3. Подъём экономики во всех регионах страны (повсеместный рост деловой активности). С этой целью представляется необходи-

мым скорректировать первичное распределение основных налогов между федеральным и региональными уровнями бюджетной системы (далее — «Ф» и «Р»):

- налог на прибыль — с соотношения 10 (Ф): 90 (Р) на 40 (Ф): 60 (Р);
- НДФЛ — с соотношения 0 (Ф): 100 (Р) на 20 (Ф): 80 (Р);
- НДС — с соотношения 100 (Ф): 0 (Р) на 75 (Ф): 25 (Р).

Такой «налоговый манёвр», не уменьшив объёма доходов федерального бюджета, позволит:

- значительно увеличить число субъектов Федерации с удовлетворительной бюджетной обеспеченностью за счёт собственных источников дохода; снизить концентрацию налоговых поступлений в федеральном бюджете для их неформализованного перераспределения между реги-

онами, а также уровень сопряжённой с таким перераспределением коррупции;

- создать основу для стимулирования руководителей субъектов Федерации к развитию экономики (одно дело, когда в бюджете региона доля собственных налогов составляет 20%, а другое — когда 80–90%);
- уменьшить разнообразие видов финансовой поддержки, упорядочив и формализовав её оказание.

Повсеместное повышение уровня бюджетной обеспеченности позволит уточнить полномочия и ответственность органов федеральной и региональной власти за развитие промышленности и других видов хозяйственной деятельности, добиться оптимального сочетания финансовых возможностей и инициативы на местах.

4. Кардинальное (структурное) изменение всей действующей системы бюджетного финансирования социальной сферы в части:

- повышения уровня и улучшения качества жизни населения, независимо от места (но с учётом условий) проживания;
- пенсионного (социального) обеспечения;
- финансирования объектов капитального строительства.

Основные изменения тактического характера в социально-экономической политике (необходимые для безотлагательного преодоления сложившихся ограничений экономического роста и последствий пандемии):

1. Временное замораживание цен и тарифов на продукцию и услуги «естественных» монополий (государственных и частных).

2. Существенное расширение доступности заёмных средств для всех предприятий и организаций за счёт изменения системы оценки дееспособности заёмщиков и возвратности кредитов, а также их обеспечения, нормативов резервирования, более адекватного определения уровня ключевой ставки и побуждения коммерческих банков к работе с экономически обоснованными уровнями стоимости кредитов. Как результат — увеличение объёмов кредитования (долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного).

3. Повышение уровня обеспеченности предприятий и организаций собственными средствами для восстановления (где это нужно и возможно) производства, модер-

низации и достижения должной эффективности:

— стимулирование предприятий и организаций к инвестированию (накоплению);

— снижение налоговой нагрузки на предприятия и организации;

— реструктуризация просроченной задолженности предприятий и организаций бюджетной системе и социальным фондам.

4. Отказ от возмещения НДС при экспорте сырья и продуктов его первичной переработки, а также от использования всех льгот по НДС; единовременное и повсеместное снижение ставки НДС до 10 процентов.

5. Повышение эффективности ассигнований на всех уровнях бюджетной системы за счёт внедрения

системы бюджетирования по целям и контрольным показателям, начатого в 2004 году. (Спустя год это полезное начинание было, к сожалению, отвергнуто правительством, причём ни общество, ни специалисты не получили никаких объяснений, чем обусловлен был этот отказ.)

Отдельно отметим, что предлагаемое в статье реформирование налогов (в том числе НДС) и межбюджетных отношений предусматривает не только сохранение уровня доходов бюджетной системы, но и повышение этого уровня. Например, за счёт иного первичного распределения (расщепления) между всеми уровнями бюджетной — федеральным, региональным и муниципальным — системы основ-

ных налогов, собираемых в стране: на прибыль, НДС и НДС; за счёт снижения потребности в объёмах финансовой поддержки регионов из средств федерального бюджета; за счёт повышения эффективности расходования средств бюджетов всех уровней; за счёт роста экономики, снижения её криминогенности и т. д.

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ

Ещё раз подчеркнём, что изменения стратегического и тактического характера потребуют существенной смены акцентов в регулировании социально-экономических процессов, использования всех мер и мероприятий, которые приводили к успеху ранее.

Так, для **снижения чрезмерной зависимости российской экономики от экспорта и импорта** необходимо будет разработать и реализовать меры по увеличению глубины переработки добываемого в стране сырья, что, в свою очередь, потребует пересмотра сложившейся практики налогообложения и его администрирования, а также гораздо более эффективного регулирования вывоза и ввоза сырья и готовой продукции в интересах наращивания отечественного производства. Понадобится увеличить объёмы кредитования соответствующих предприятий и организаций, создать действенные стимулы для развития производств, ориентированных на глубокую переработку сырья, для вовлечения в этот процесс наиболее успешных производителей сырья и первичных продуктов его переработки.

Переход к **преимущественному использованию внутренних источников финансирования экономического развития** потребует изменить денежную политику и валютное регулирование, в том числе правила возврата валютной выручки экспортёрам, организовать работу банков и других финансовых ин-

Для снижения чрезмерной зависимости российской экономики от экспорта и импорта необходимо будет разработать и реализовать меры по увеличению глубины переработки добываемого в стране сырья, что, в свою очередь, потребует пересмотра сложившейся практики налогообложения.

ститутам таким образом, чтобы они обеспечивали развитие народного хозяйства (а не исключительно собственное обогащение). Все эти изменения вряд ли окажутся осуществимы, если не будут в значительной мере трансформированы функции ЦБ России и по-новому поставлены задачи, стоящие перед ним.

Для того чтобы обеспечить **повсеместное развитие экономики** (то есть в каждом без исключения регионе страны), требуется уточнить полномочия и ответственность органов федеральной и региональной власти (например, в части подъёма промышленной деятельности). Для этого придётся, во-первых, увеличить финансовый потенциал региональной и муниципальной власти, изменив порядок межбюджетных отношений и создав систему стимулов для укрепления и расширения налогооблагаемой базы за счёт выдвигания и самостоятельной реализации собственных инициатив. Во-вторых, уточнить разграничение полномочий и ответственности федеральных и региональных органов исполнительной власти по предметам совместного ведения, обозначенных в Конституции (например, за разведку и добычу углеводородного сырья на малых и средних месторождениях). В-третьих, в каждом регионе страны поднять на более высокий уровень кредитный потенциал как филиалов крупных банков, так и средних региональных банков, ориентированных на кредитование реального сектора экономики. Этого можно добиться, в частности,

и за счёт увеличения их количества. Наконец, необходимо перестроить работу антимонопольной службы, опираясь на современные возможности формализованного, «цифрового» упреждения всевозможных проявлений монополизма со стороны частных, муниципальных и государственных компаний, в том числе относящихся к так называемым «естественным» монополиям.

Коренное изменение системы текущего и капитального финансирования социальной сферы с опорой на действительные, а не мнимые, результаты роста экономики и производительности общественного труда также потребует трансформации межбюджетных отношений. Нуждается во взвешенной оценке и советский опыт централизованной организации и ответственности соответствующих органов власти (с их бюджетами) за повышение уровня и улучшение качества жизни населения, независимо от места (но с учётом условий) проживания на основе единой системы социальных стандартов. Несомненные достижения этого опыта следует вернуть в нынешнюю повседневность, дополнив его возможностями, которые предоставляют цифровые технологии.

Огромное значение имел бы и возврат в практику управления государственными финансами «бюджета развития», основы которого были заложены ещё в середине XIX века в ходе реализации за счёт казны («денежных способов, отдельно от обыкновенных государственных доходов»³) сначала программ

³ С. Ю. Вумме. Российское экономическое чудо. М. ЭКСМО. 2012. С. 583.

строительства железных дорог, затем создания производств, повышающих обороноспособность страны, а также других проектов, способствовавших росту российской экономики⁴.

Напомним в связи с этим, что «бюджет развития» на 2001 год был сформирован финансово-экономическим блоком правительства Е. М. Примакова в самые сжатые сроки. Однако новыми его руководителями он был моментально израсходован на нужды исключительно операционного характера. Впрочем, судьба созданного тогда же государственного Банка развития ожидала ещё более печальная участь. Управление им взял на себя лично М. М. Касьянов. При этом ни одного рубля из его ресурсов так и не было израсходовано на государственные проекты капитального характера⁵.

Преимущественно системный характер должны носить и названные выше **меры безотлагательного характера**. Например, соответствующим образом изменив практику расчёта и администрирования НДС, можно в значительной мере погасить интерес хозяйствующих субъектов к экспорту сырья и продуктов его первичной переработки и в то же время сделать гораздо более выгодной для них глубокую переработку добываемых в стране ресурсов. Кроме того, эта мера позволит многократно уменьшить численность бухгалтерских работни-

ков, оздоровить отношения между налогоплательщиками и налоговой службой. Резко пойдёт на спад череда всевозможных злоупотреблений при начислении НДС, его уплате, возмещении при экспорте и т.д. Ещё раз подчеркнём, что, предлагая изменить в стране практику работы с НДС и другими налогами, а также практику межбюджетных отношений, мы исходим из реальной возможности сохранить объём доходов бюджетной системы в целом, в том числе федерального бюджета.

Указом президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» прописан состав этих целей:

- а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- б) возможности для самореализации и развития талантов;
- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- д) цифровая трансформация.

Причём трудно не согласиться с актуальностью и обоснованностью ни одной из них. Однако они сформулированы в предположении, что экономика обязательно пойдёт в рост, а бюджетная система будет готова финансировать достижение продекларированных целей. Но как народное хозяйство может пойти в рост,

если не будет внесено никаких изменений в условия работы его хозяйствующих субъектов? Или, другими словами, если не будет изменена социально-экономическая политика государства, экономический рост не состоится. Не будет надлежащего роста экономики — значит, не будет и необходимых бюджетных доходов — средств для достижения названных в Указе национальных целей.

Накопленный автором опыт разработки прогнозов развития экономики страны, а также стратегий и программ развития регионов даёт надёжные основания утверждать, что вся работа по наполнению социально-экономической политики новым содержанием и её опречиванию конечными результатами легко может быть структурирована, а её составляющие — чётко эшелонированы, увязаны между собой в рамках специальной комплексной Программы мер по «обустройству России и сбережению её населения». Уже на старте реализации такой программы система разносторонних воздействий на экономику и финансы даст ощутимые результаты; субъекты социально-экономической деятельности и регионы получат действенные стимулы к развитию, станут реальной опорой страны на траектории её движения к социальному благополучию и прогрессу.

Кроме того, на основе такой Программы появится, наконец, система мониторинга за ходом и результатами изменений, сбора и оперативной обработки информации для обоснованной коррекции предпринимаемых мер в случае необходимости. В конечном счёте, разработка и запуск такой Программы как раз и способны послужить повышению роли и ответственности современного государства за результаты социально-экономического развития страны. Это отвечает ожиданиям общества.

Вся работа по наполнению социально-экономической политики новым содержанием и её опречиванию конечными результатами легко может быть структурирована, а её составляющие — чётко эшелонированы, увязаны между собой в рамках специальной комплексной Программы мер по «обустройству России и сбережению её населения».

⁴ История России, XX век: 1894–1939. М. Астрель-АСТ, 2011. С. 77–80, 234.

⁵ Подробнее см.: Самохвалов А.Ф. Уроки Примакова — премьер-министра. М., Литрес-Самиздат, 2019; Аркадий Самохвалов. О заблуждениях, которые обходятся всё дороже. Свободная мысль, 2020, № 4. С. 15–34.

ЦЕННЫЙ ОПЫТ

При подготовке предложений по коренному изменению социально-экономической политики и конкретному её наполнению соответствующими мерами необходимо тщательно учитывать как успешный опыт подъёма экономики, накопленный российским государством и в последние десятилетия, и в недавнем социалистическом прошлом, и в XIX столетии, когда в стране формировалась система хозяйствования с опорой на предпринимательскую инициативу, так и опыт допущенных в каждом из этих периодов ошибок и экономических провалов. Только на этой исторической основе удастся действительно приблизиться к решению задачи об-

устройства нашей огромной страны и сбережения её населения.

Сначала об опыте развития страны за последние 30 лет. Напомним, что коренное изменение социально-экономической политики в 1999–2000 гг. дало результаты, которые позволили народному хозяйству в самый короткий срок не только преодолеть кризис 1998 года, но и организовать его подъём. Так, среднегодовой темп прироста ВВП 1991–2000 гг. составил в сопоставимых ценах более 8%. В фактических же ценах он увеличился в 2,8 раза. При этом объёмы кредитования реального сектора экономики выросли в 2,4 раза, а налоговые поступления в бюджетную систему страны — в 2,9 раза, что даже превысило названный выше рост

ВВП⁶ и создало необходимые предпосылки для качественного улучшения управления бюджетными ресурсами. О необходимости опережающего роста доходов бюджета писал ещё Л. Эрхард, считавший, что без этого невозможно наладить оптимальное распределение «бюджетного пирога».

Иные — плачевные — результаты страна получила в ходе реализации «Стратегии 2020». Эта программа была разработана в конце нулевых, причём применительно к экономике, находившейся в более благоприятных условиях, чем в конце 90-х. Однако «Стратегия 2020» предусматривала незыблемость курса «реформ», принятого ещё в начале 90-х. В причинах кризиса 2008 года, да и в результатах мер по его преодолению

⁶ Аркадий Самохвалов. О заблуждениях, которые обходятся всё дороже. Свободная мысль, 2020, № 4. С.15–34.

никто не разбирался. Меры по преодолению кризиса 2008 года свелись, главным образом, к финансовой поддержке банковской системы, которая так и не повернулась лицом к проблемам развития реального сектора экономики. В то же время никакой корректировки социально-экономической политики, с которой страна погрузилась в кризис, не последовало. В результате падение российской экономики оказалось более крутым

по сравнению со всеми развитыми странами, а сроки его преодоления — более длительными. Соответственно, в конечном счёте «остались на бумаге» заявленные в «Стратегии 2020» темпы среднегодового прироста ВВП на уровне 6%⁷. События, последовавшие после 2014 года (обострение отношений со странами Запада, введение санкций и т. п.), не сильно сказались на тенденции к снижению темпов роста экономики

России, наметившейся с 2001 года (см. таблицу 1).

Сколь полезным может быть использование отечественного опыта развития экономики в гораздо более далёком прошлом, показывает знакомство с предпринятым С.Ю. Витте обобщением деятельности череды правительств Российской империи (в первую очередь Минфина) на протяжении практически 100 лет начиная с 20-х годов XIX в. Резуль-

⁷ Подробнее см. Анна Гальчева Концепция развития России до 2020 года оказалась невыполнимой (Почему разошлись траектории национальных целей 2008 года и фактического развития страны). <https://www.rbc.ru/economics/02/11/2019/5db946fb9a794742bc0d5b68>; Сергей Тепляков «Стратегия 2020»: неутешительные итоги главной концепции развития страны. <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/strategiya-2020-neuteshitelnye-itogi/>

татом этой деятельности явилось «**российское экономическое чудо**», прерванное вступлением России в Первую мировую войну⁸. Читатели, ознакомившиеся с лекциями Витте, легко могут обнаружить удивительные параллели между усилиями финансово-экономического блока российского правительства того времени и предложенными в этой статье направлениями изменений стратегического характера в социально-экономической политике государства. Среди них, например, регулирование вывоза сырья и ввоза машин и оборудования в интересах организации производства средств производства на всей территории России, создание независимой финансовой системы, обеспечивающей высокие и устойчивые темпы роста народного хозяйства, и др.

Интересен опыт того же времени по организации работы органов власти, направленной на претворение в жизнь одобренной государством политики. Так, Е. Ф. Канкрин (руководитель Минфина) весьма настойчиво советует (в 1826 году!) «не делать коренных перемен без очевидной необходимости, ибо формы управления сами по себе мертвы, а **успехи главнейше зависят от лиц и направлений**; притом каждая важная перемена влечёт за собой неудобства и недостатки непредвидимые, а на первый раз умножают трение машины» (*машины управления*. — А. С.). Необходимо также, писал он далее, стараться «направлять умы работников более к сущности дел, которая теряется нередко в формах, переписках и обрядах, от страсти к излишним справкам и особенно от умножения инстанций и совещаний, всякую ответственность уничтожающих»⁹.

Как радикально ни изменились бы обстоятельства жизни за последние 200 лет (в том числе

и в работе Минфина), приведённые рекомендации далёких предшественников нынешних «капитанов российской экономики» весьма актуальны. Оценка повседневной деятельности специалистов (**лиц**) в современной системе управления экономикой и финансами, к сожалению, не определяется инициативным достижением реальных успехов в рамках заданных **направлений** работы и полномочий. Сущностное рассмотрение возникающих проблем и ответственность за их решение подменены, как правило, бесконечными совещаниями. Их участники (представители «заинтересованных» министерств и ведомств), обычно не имеющие полномочий принимать решения, озабочены только одним — исключить сущностный анализ подлежащих обсуждению проблем (вызванных жизнью или поставленных руководителями страны), поскольку это требует проявления ответственной инициативы и профессионализма.

После такого «согласования» итоговые документы не содержат и намёка на реальные меры по решению назревших вопросов. Подписывающие их начальствующие лица зачастую даже не вникают в содержание представляемых на утверждение документов, поскольку оценка их деятельности не определяется последствиями принятых ими решений. Она зависит, главным образом, от своевременности рапортов о ходе выполнения поручений. В целом сложившаяся к настоящему времени система управления экономикой и финансами напоминает худшие проявления командного стиля управления времён «застоя» (вторая половина 70-х — начало 80-х годов XX столетия). К сожалению, стиль этот не только воскрес, но и набирает силу. Системного противодействия нарастающему непрофессионализму

и снижению во властных структурах ответственности за действительные перемены к лучшему со стороны руководства страны не наблюдается. А жаль, если судить по результатам социально-экономического развития страны в 2001–2019 гг.

И последнее. Безусловно, определение контуров социально-экономической политики, её целей и задач, механизмов реализации должно предусматривать всесторонний учёт положения дел в мировой экономике, строгую оценку роли и места в ней национальной экономики, в том числе реальных возможностей использования своих конкурентных преимуществ. Очевидно и то, что реализация той или иной социально-экономической политики даст действительно впечатляющие результаты при условии наличия в обществе общепризнанной цели (идеи, образа будущего страны).

Но при любом стечении обстоятельств в мировой экономике и даже в условиях отсутствия в настоящий момент внятной цели (идеи, образа страны) возможно и необходимо ставить вопрос о повышении темпов роста российской экономики. Поэтому, вне зависимости от того, появится или не появится в ближайшее время адекватная общенациональная идея, представляется целесообразным, по нашему мнению, рассматривать достижение надлежащих темпов развития отечественной экономики в качестве необходимого условия существования страны в современном мире. Именно выполнение этого условия как раз и способно создать и усилить предпосылки для достижения в обществе консенсуса в отношении желательных перспектив развития страны, обеспечить благополучное положение России в мире, сделать её привлекательной для работы, для личного развития и проживания.

⁸ С.Ю. Витте Российское экономическое чудо. (Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу.) М. ЭКСМО. 2012.

⁹ Там же. С. 404–405.

Реальная экономика – фундамент развития

Заместитель главного редактора журнала «Изборский клуб» Андрей КОБЯКОВ беседует с президентом ООО «Новое Содружество» и ассоциации «Росспецмаш», председателем Федерального совета ВПП «Партия Дела», инициатором создания Московского экономического форума Константином БАБКИНЫМ.

«ПО ЗАВОДУ ПРОСТО СТРАШНО БЫЛО ХОДИТЬ»

— На момент распада Советского Союза наша страна была второй крупнейшей промышленной державой в мире. Причём уровень промышленного развития характеризовался не только самым объёмом производимой продукции, но и очень высокой степенью диверсификации, поскольку основная ставка в СССР делалась на собственные силы. По сути, мы почти всё производили сами, всем себя обеспечивали — и продуктами конечного спроса и продукцией производственного назначения.

Затем случилась трагедия — распад Советского Союза. Итогом реформ 90-х годов стали как глубокое падение уровня экономического развития страны, так и структурная деградация. Одно из следствий — деиндустриализация. Существовала точка зрения, что это было неизбежно, потому что у нас была неконкурентоспособная экономика. Так как мы перевели её с помощью радикальных экономических реформ сразу на рыночные рельсы, то всё обрушилось само. Другая точка зрения заключается в том, что во многом это есть не результат какого-то хаотического действия рыночных сил или дезорганизации управления, а деиндустриализация была установкой, как ни странно, самих реформаторов.

Так, в середине 90-х годов я читал своими глазами статью в одной из центральных газет — огромную, на целый разворот — о том, что России необходимо вычеркнуть из своей промышленной структуры целый ряд крупных макроотраслей, среди которых было гражданское авиастроение, автомобилестроение и многое другое. Дескать, они абсолютно нежизнеспособны, все попытки их реанимировать заведомо обречены на провал. Сельскохозяйственное машиностроение тоже фигурировало в этом списке. Авторами были какие-то научные сотрудники одного из московских академических институтов. Когда я эту статью прочитал, подумал: «Гнать надо из науки таких необразованных научных сотрудников, которые пишут скандально безответственные и откровенно вредительские тексты». Но случилось по-другому: буквально через пару лет один из них был назначен главой Банка России, а другой — его заместителем. Фамилии этих двух авторов были — Сергей Дубинин и Сергей Алексашенко.

Отсюда можно сделать вывод, что подобная статья имела программный характер. Эти два молодых на тот момент человека были замечены, и их не выгнали из науки, а возвысили и, по сути дела, дали им в руки важнейшие рычаги управления экономическими реформами. То есть деиндустриализация России — это во многом рукотворная ситуация.

Вы, когда пришли на «Ростсельмаш», я думаю, застали определенный итог этого этапа деятельности первых команд реформаторов. В каком состоянии было тогда предприятие?

— Это был 1999 год. Предприятие находилось в состоянии полной деградации. Многомиллиардные долги перед бюджетом и поставщиками, многомесячные долги по зарплате, отсутствие оборотных средств. За 1998 год завод произвёл всего 850 комбайнов.

— Для сравнения — сколько он производил на момент распада СССР?

— 42 тысячи машин в год в 1990 году, а в 1998-м — всего 850. Завод уже практически ничего не производил. Прогнозы были, что нужно останавливаться. В Думе мне говорили, что «Ростсельмаш» — это ужасный монстр советской эпохи, его надо сдать в металлолом. Что у нас ничего не получится. По самому заводу просто страшно было ходить. Небезопасно. Мрачные лица, люди много месяцев не получали зарплату. По заводу бегали дикие собаки. Выглядело как постапокалипсис, и прогнозы были только на ухудшение. Помню растяжки поперёк главных улиц — «Покупаем волосы», «Эмиграция в Канаду». Народ разбежался. «Здесь больше делать нечего» — такая атмосфера там была.

Мы подумали, что в истории России много было ям — и Гражданская война, и Смутное время. Сейчас очередная яма, но попробуем что-то сделать. Попробовали, и со временем что-то начало получаться. Конечно, хлебнули последствия экономической политики гайдоровцев. Не скажу, что только Авен, Гайдар, Алексашенко, Дубинин виноваты. Многие люди считали, что советские товары отстали, что наше производство неэффективно. Ведь закрытие предприятий шло без особого сопротивления со стороны народа. У нашего общества был ментальный кризис, который перешёл уже во все остальные: экономический, политический, демографический.

Во многом это был результат определённой пропаганды. В перестроечные годы шла чер-

Я 20 лет руковожу «Ростсельмашем» — крупнейшим в России предприятием в сфере сельхозмашиностроения. Ни разу меня министр экономики не спросил: «Что надо? Какие проблемы? Как вам помочь?» Это традиция, заложенная ещё в 90-е, что есть промышленность, а есть экономика. И это два мира, которые будто бы вообще не пересекаются.

нуха в прессе, в 90-е внушалась мысль о том, что советское наследие ничего не стоит, что это ни на что не годная груда железа. Я считаю, что это был вполне сознательный ход со стороны каких-то манипуляторов. Возможно, они исполнили заказ из-за рубежа. Возможно, это было заблуждение наших «образованцев». Что-то шло от мазохистской жилки, которая в русском народе иногда тоже присутствует — мы любим себя во всём винить.

В 1985 году в журнале «Новый мир» вышла статья «Комбайн косит и молотит» автора Черниченко — тогда это был популярный известный публицист. Он с пафосом утверждал, что столько сельхозтехники в России не нужно, она ужасная и надо раз в 50 сократить ее количество. Может быть, уже даже пора западную сельхозтехнику покупать. И этот пример показывает, что атака на нашу промышленность готовилась уже за несколько лет до распада Союза.

— А сейчас на какой уровень производства вы вышли?

— В этом году планируем выпускать тысячу штук в месяц. За год — порядка десяти тысяч комбайнов и тракторов. По сравнению с тем, с чего мы начинали, — это рост более чем в десять раз. К тому же та техника и современная техника — совсем разные вещи. Тогда завод выпускал три модели комбайна без всяких модификаций. Сейчас в нашей линейке 150 наименований. И это машины совсем другого уровня.

— Если сравнивать вашу технику с аналогами ведущих производителей, таких, например, как John Deere, то, насколько можно судить, она мало в чём уступает, а в чём-то даже превосходит зарубежные аналоги.

— Да, это конкурентоспособные машины, мы продаем их в 40 стран мира. При том что мы не можем отдать нашу технику в кредит под низкие проценты, как наши западные коллеги.

У экспорта нашей техники очень слабая политическая поддержка — несмотря на то, что это инвестиционный, долгоиграющий, политически значимый товар. При том что у наших зарубежных коллег-производителей сельхозтехники есть гораздо большая государственная поддержка, тем не менее на основных рынках мы присутствуем. В последние годы даже в Германию по 15 машин в год продаём стабильно.

— В России вы создали эффективную сеть, связанную с обслуживанием техники, с её ремонтом. Возможно, это одно из конкурентных преимуществ. Когда вы продаёте в зарубежные страны, вы осуществляете там постпродажное обслуживание?

— Это обязательное условие. Да, можно продать один комбайн, не организовав склад запчастей, не обучив специалистов сервиса, не проведя демонстрационные показы, но этот комбайн через год потребует обслуживания, замены деталей. Он встанет, если нет системы обеспечения, превратится в груду металла. Репутация компании будет испорчена на много лет вперёд на этом рынке, поэтому мы так не делаем. Продаётся не только машина. Произвести конкурентоспособную машину — это полдела. Вторая половина дела — построить всю систему продвижения и обслуживания системы продаж. Во всех этих 40 странах у нас есть обеспечение запчастями, есть обученные сотрудники, дилерские центры.

«ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА» — БОЛЬШЕ НЕ ЗАПРЕТНЫЕ СЛОВА

— Когда вы пришли на предприятие, находившееся в этом катастрофическом положении, местная власть или центральное правительство начали вам помогать? Или сказали: «Ребята, вы взяли, а теперь с этим разбирайтесь сами»?

— Областная власть помогала в меру сил. Губернатор Владимир Фёдорович Чуб нас, 28-летних, пустил на такое предприятие, хотя для него это был репутационный риск, что молодые ребята с какого-то небольшого завода вдруг переходят на этот гигант. Он делал всё для того, чтобы помочь. Другое дело, что у него были не все рычаги для этого. Наше федеральное правительство, когда министрами экономики в нём были такие люди, как Греф, Набиуллина, я воспринимал как оппонентов, врагов. Как людей, находящихся по ту сторону баррикад. Они ни разу не посетили «Ростсельмаш». До сих пор ни один наш экономический министр не провёл

ни одного совещания по развитию сельхозмашиностроения.

— **До сих пор?**

— До сих пор. Я 20 лет руковожу «Ростсельмашем» — крупнейшим в России предприятием в сфере сельхозмашиностроения. Ни разу меня министр экономики не спросил: «Что надо? Какие проблемы? Как вам помочь?» Это традиция, заложенная ещё в 90-е, что есть промышленность, а есть экономика. И это два мира, которые будто бы вообще не пересекаются. Такой подход до сих пор работает. Есть Центробанк, который занимается макроэкономикой, и есть реальный сектор, который Центробанку вообще не интересен, этот реальный сектор ему мешает заниматься важными вещами. Я не претендую даже, чтобы Набиуллина поинтересовалась сельхозмашиностроением. Но она отрицает, что показатели реальной экономики — это показатель успеха или неуспеха работы Центробанка.

Сейчас, на мой взгляд, у нас половина правительства — вот такие «гайдаровцы». Они контролируют Минфин, Центробанк, Минэкономразвития, сильно влияют на Минобрнауки, на Минкульт, на то, что нам транслирует телевидение.

Но многое мы всё-таки отвоевали: появились слова «промышленная политика», какие-то меры поддержки начали появляться. Если рассматривать правительство в целом, то оно нам уже не враг. Но в нём две башни,

и башня «гайдаровцев» очень сильна, она сильнее, чем башня патриотов.

— **Вы говорите, что такие ведомства, как Минэкономразвития, до сих пор вами вообще не интересуются. Изменилось ли что-то, когда к вам на предприятие стали приезжать лидеры государства, глава правительства? «Ростсельмаш» ведь посещали и Путин, и Медведев.**

— А что визиты? У нас и Касьянов был в 2003 году на «Ростсельмаше». Приехал, поулыбался. Ничего после этого он не сделал.

Что касается визитов президента Путина, то последний раз он приезжал к нам два года назад, я сказал ему тогда: «Спасибо, что есть меры поддержки. Мы, опираясь на них, развиваемся. Могло бы быть ещё лучше. У нас есть предложения по этому поводу». Но радикального поворота в экономической политике мы пока не видим. Я уверен, президент хочет развития отечественной промышленности, но одновременно он слушает экономистов-гайдаровцев, и возникает раздвоенность, мешающая выработать политику правительства, направленную на нормальное развитие.

— **Вы сказали, что появилась вторая башня в правительстве. Вы имеете в виду Минпромторг?**

— В первую очередь, да.

— В этом министерстве ведь тоже менялись министры. Изменения идеологии министерства во многом, насколько мы понимаем, связаны с Мантуровым?

— Да. При Христенко не было такой идеологии, у него не было однозначной нацеленности на поддержку реального сектора. Мантуров — очень сильный министр. Мы его всячески поддерживаем, благодарны ему за работу. Разумные люди есть и в других министерствах. Немного в Минфине, немного в Минсельхозе. Это тоже нестабильно. Тем не менее появляется поддержка. В том числе и со стороны администрации президента.

— Можно выразить надежду, что это уже не случайное появление одной личности, что это может перерасти в изменения самого стратегического подхода к промышленному развитию?

— Да, такая надежда есть. Это всё-таки не одна личность, пусть и занимающая важный пост. За этим есть определённое идейное течение экономической мысли. Пока ещё оно не доминирует, находится под давлением со стороны оппонентов, но тем не менее ситуация значительно улучшилась по сравнению с тем, что было лет семь назад.

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ — ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

— Константин Анатольевич, как вы можете охарактеризовать в целом проблему реиндустриализации России?

— С моей точки зрения — это проблема номер один. Мы до сих пор не нашли магистральный путь экономического, индустриального созидательного развития. Без этого не будет ни доходов, ни политического влияния, ни позитивной демографии. Мы будем постоянно хромать, находиться в кризисе. Надо заниматься индустриализацией.

— Получается, несмотря на то, что мы констатируем позитивные изменения в промышленной политике, это всё ещё не стратегия, нацеленная на прорывные решения в области реиндустриализации?

— В целом у правительства нет такой стратегии, нет внятной экономической политики, нет промышленной политики. Есть некоторые силы в правительстве, которые что-то хотят, но, если посмотреть в целом, — правительство не собирается снижать налоги, оно планирует повышать ключевую ставку Центробанка

и делать кредиты более дорогими. Оно ничего не делает для того, чтобы сырьё в России дешево, по-прежнему выводит деньги из страны и не собирается их возвращать.

— **Очень ослабла, хотя она и раньше не была сверхэффективной, антимонопольная деятельность.**

— Да, ничего в этом плане не делается. Цены на электричество, на транспорт растут, опережая все мыслимые параметры. Внятной политики не видно — на один правильный шаг делается два неправильных.

— **Кажется удивительным, что за столько лет с момента начала этих «реформ» мы никак не можем прийти к осознанию того, что страна в результате просто может оказаться нежизнеспособной. Ведь в современном мире, как в известной метафоре из «Алисы в стране чудес», даже для того, чтобы остаться на месте, надо бежать вперёд. У России не может быть будущего, если не будет принята какая-то комплексная, полноценная, рассчитанная на годы вперёд программа новой индустриализации с ясными целевыми ориентирами. Сегодня у нас есть критическая зависимость по многим продуктам.**

— Да, по электронике, по двигателям, по подшипникам, по гидравлике.

— Подшипники — это такая простая вещь. Почему произошло колоссальное падение их производства с советских времён? Понятно, что трудно начинать абсолютно новое производство, но подшипники-то были! Это же восстановимо. Или это не считается приоритетом?

— Изготовление подшипников завязано на металлургию, на большие инвестиции, на массовое достаточно высокоточное производство. А Россия сегодня даже гвозди ввозит из-за границы, а подшипники всё-таки сложнее, чем гвозди.

— **Но ведь это непосредственно связано с проблемой безопасности государства.**

— У правительства другие задачи. Ему гвозди и подшипники неинтересны. Я уверен, что никто с производителем подшипников ни разу не встречался и не интересовался, что там происходит. Глава Минфина, который устанавливает налоги, — ему тоже неинтересно. Посмотрите на наших олигархов металлургических. Кто у нас самые богатые люди России? Мордашов, Лисин, Потанин — металлурги. Металлурги, которые

Реиндустриализация России — это проблема номер один. Мы до сих пор не нашли магистральный путь экономического, индустриального созидательного развития. Без этого не будет ни доходов, ни политического влияния, ни позитивной демографии. Мы будем постоянно хромать, находиться в кризисе.

много зарабатывают, определяют политику правительства через РСПП, через свои связи. И в итоге эти богатейшие, привилегированные люди создали ситуацию, когда Россия импортирует гвозди. Эти ребята из 90-х, они получили государственные активы в период даровой раздачи госсобственности в тот период. Им ничего не надо. У Мордашова крупнейшая яхта в мире. У Потанина в Норильске катастрофа за катастрофой. Город мрачный и убитый, недоинвестированный. Зато яхты у олигархов, а гвозди импортируем.

— В 90-е годы было такое общее убеждение — сами не умеем, пускай придут иностранные собственники и начнут развивать предприятия, принесут технологии. При этом мы продавали активы в тысячу раз дешевле их реальной стоимости, а то и больше! Но выяснилась совершенно другая картина. Иностранные собственники приходят не хотят, а в ряде случаев покупали сознательно предприятия, которые могли быть их потенциальными конкурентами, и, по сути дела, просто уничтожали их.

В конце 2000-х ещё не до конца развеялись иллюзии, что можно организовать долгосрочное сотрудничество, — было известное предложение Западу от Путина, что мы готовы на крупные обмены активами с тем, чтобы пригласить сюда бизнес на условиях каких-то политических гарантий. Но после событий 2014 года стало ясно, что никакой надежды на возобновление политических отношений с Западом не может быть. Сейчас мы видим, как нарастают санкции против России. Нам ведь могут в любой момент перекрыть любые товарные потоки. Мы просто перестанем получать комплектующие, химические компоненты, реагенты и так далее. У нас встанут даже все ещё уцелевшие отрасли промышленности. В этой ситуации должно, по крайней мере, возникнуть

Мишустин был на «Ростсельмаше». С удовольствием посмотрел на завод, задавал какие-то конкретные вопросы. Уезжая, сказал: «Ребята, вы молодцы. Локализация — наше всё. Мы понимаем, что это не так просто. Будем поддерживать». С тех пор прошло полгода. Но налоги пока не снизились, цены на металл поднялись, электричество подорожало, новых мер поддержки не появилось. Мы благодарны, что старые меры сохраняются. Однако каких-то новых шагов нет.

ощущение опасности, понимание, что надо максимально полно замкнуть воспроизводственный контур. Почему настолько ясная идея, по вашему мнению, не приходит в голову нашему правительству?

— Это мы с вами хотим независимой, сильной страны. Если посмотреть на Набиуллину, Грефа, Чубайса и других им подобных, которые возле правительства до сих пор находятся, то этим людям не нужна независимая Россия. Они её видят как придаток Запада и глобальных корпораций. Слова Кудрина: «Мы должны встраиваться в мировые производственные цепочки, хотя бы на вторых ролях, а можно на третьих, на пятых».

Подшипники не делаем? Не надо делать подшипники. Недавно в Ростов приехала дама из Высшей школы экономики, специалист по урбанистике, и сказала: «Почему у вас «Ростсельмаш» в городе находится? Зачем вам эти машиностроительные заводы? Давайте их выгонять куда-нибудь подальше, а здесь построим хорошую городскую среду, троллейбусы пустим. Пусть люди мячики гоняют». Производство комбайнов при этом страдает. Ну и что? Есть же мировые производители. Они лучше делают. Такая у этих людей логика.

— **В России не так давно сменилось правительство. И у меня нет оснований предполагать, что новый премьер не хотел бы независимой и сильной России. Но кажется, что он не про это думает, что весь кабинет сейчас работает в логике технического правительства. Его главная задача — это бюджетное наполнение, сбор налогов. Это, конечно, важная государственная задача, но в том положении, в котором мы находимся, она явно не относится к самым приоритетным.**

Должна же где-то появиться политическая воля, которая поставит эти приоритеты и включит в них реиндустриализацию?

— Мишустин был на «Ростсельмаше». С удовольствием посмотрел на завод, сам упомянул, что окончил Станкин, он специалист по обработке металлов. Задавал какие-то конкретные вопросы. Уезжая, сказал: «Ребята, вы молодцы. Локализация — наше всё. Мы понимаем, что это не так просто. Будем поддерживать». С тех пор прошло полгода. Но налоги пока не снизились, цены на металл поднялись, электричество подорожало, новых мер поддержки не появилось. Мы благодарны, что старые меры сохраняются. Однако каких-то новых шагов нет. Правительство занято наполнением бюджета.

Сейчас у них новый фетиш — чтобы не росли цены. Рост цен — это плохо. Но они как с ростом цен борются? Ограничивают экспорт, допустим, пшеницы, масла, подавляя развитие сельского хозяйства. Ограничивают повышение цен на сельхозтехнику, например, но при этом не ограничивают рост цен на металл. С этим вообще ничего не делают. Металл подорожал на 90% — это нормально. А сельхозтехнике нельзя дорожать.

— **Разве логика не должна быть обратной? Правительство должно было бы следить, чтобы базовые издержки в экономике не росли, а металлы и энергия — это как раз базовые издержки. Они отражаются потом на работе любого предприятия. Если они растут, а вам ограничивают рост цен, то это значит, что они заведомо понижают вашу рентабельность или выводят её в сферу убыточности.**

— Людей волнует не рост цен, а снижение собственной покупательной способности, что они на свою зарплату могут меньше купить. Подавляя экономику, правительство мешает людям зарабатывать, тем самым делает для них товары менее доступными. Пока у правительства не видится внятного взгляда на стратегию вывода страны из кризиса. Начальник сказал про цены, давайте цены любыми способами «прибивать». При этом коров порежут, свиноводы не будем строить, но зато цены низкие. Это не выход из тяжёлого положения.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ, ОПИРАЮЩАЯСЯ НА РЕАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАНЫ

— Вы, работая со своим предприятием, в отличие от многих бизнесменов, не замкну-

лись на своих собственных проблемах, а увидели их общий характер. Начали во власти и в общественном сознании лоббировать идеи необходимости новой промышленной политики. Вы выступили инициатором создания Московского экономического форума. Что вас подвигло к этой общественной активности? Ведь вы могли бы просто бороться за своё собственное предприятие, не думая о том, какие проблемы у других.

— Поговорите с любым таксистом — его тоже не устраивает ситуация, и у него есть свой взгляд на вещи. Я не боюсь это всё высказывать. Многие люди считают это нерациональным, рискованным. Думаю, что это неправильный подход. Уже много лет назад я понял, что мой успех и успех предприятия зависит от того, что мы делаем, только на 50%. Вторые 50% зависят от тех условий, в которых мы работаем. И на эти другие 50% тоже надо влиять. В меру сил надо говорить о том, как видишь общую ситуацию, что предлагаешь изменить.

При этом, если берёшься говорить об общегосударственных проблемах, то надо выходить за рамки личного, за рамки своего предприятия. Нужен взгляд со стороны всего общества, а не со стороны своей шкуры: «Дайте больше денег «Ростсельмашу», остальное мне не важно». Как многие металлурги, в частности, ведут себя. Я занимаюсь политикой, общественными делами. Нам нужно и чтобы общество было здорово, и чтобы уменьшалось

неравенство, и чтобы росла обороноспособность страны. Развитие страны нужно рассматривать в комплексе.

Мне кажется, что это получается, хотя такой подход требует определённого раздвоения сознания. Когда я на «Ростсельмаше» нахожусь, я говорю: «Давайте всё делать для компании, построим компанию, которая захватит все рынки». Но когда я выступаю как лидер «Партии дела» и председатель Московского экономического форума, то я, конечно, думаю о том, какая политика должна быть, чтобы рос не только «Ростсельмаш», а сотни предприятий машиностроения вокруг. Чтобы это было выгодно для всей России.

— **При такой внутренней мотивации понятно, почему вы создали Московский экономический форум, который состоялся как очень масштабная и представительная инициатива. На фоне засилья идей того экономического либерального крыла, о котором вы говорили, это первая и чуть ли не единственная до сих пор такая площадка, которая возникла на другом фланге. Как вы оцениваете результат деятельности МЭФ?**

— Мы показали общественности, что есть альтернатива либеральным гайдаровским подходам, и МЭФ сыграл в этом свою важную роль. До появления МЭФ слово «экономист» было монополизировано людьми из гайдаровского лагеря. Мы собрали разумных людей и по-

казали, что существует экономическая мысль более здравая, альтернативная, опирающаяся на реальные интересы страны. Да, она сегодня не имеет реальных рычагов влияния на правительство, но она есть. Мы провели шесть ежегодных крупных форумов, но деятельность МЭФ этим не ограничивалась, были более частые заседания по конкретным проблемам. В прошлом году коронавирус наложил ограничения на возможность проведения масштабных акций, но мы продолжили работу в удалённом видеоформате.

Наш форум получил большое международное признание. Среди участников были крупные зарубежные политики, бывшие руководители правительств разных стран, многие российские академики, видные учёные. На МЭФ в своё время выступал Примаков — человек мирового значения.

Несмотря на это, порой мне казалось — мы уже столько лет повторяем одно и то же, а люди на нас смотрят и начинают думать, что мы говорим-говорим, а внятного результата, изменений в экономической политике не видно. Но я бы не сказал, что это всё ушло впустую. Всё-таки и на правительство мы повлияли, и многие люди стали мыслить чуть по-другому. Поэтому мы продолжим свою активность, и когда будут сняты ограничения по коронавирусу, мы проведём очередной форум.

— **Помимо МЭФ вы руководите советом по конкурентоспособности Торгово-промышленной палаты России. Как он был образован, по чьей инициативе? Какие возможности он открывает?**

— Вся моя общественная деятельность построена вокруг идеи, что жизнь в России может быть гораздо лучше. Для этого у нас всё есть. Чтобы продвигать эту идею, мы используем разные инструменты: и ассоциацию «Роспецмаш», и клуб «Рой», и МЭФ, и «Партию дела». В какой-то момент председатель ТПП Сергей Николаевич Катырин позвал меня и сказал: «Мы видим, что ты говоришь про промышленную политику, про конкурентоспособность. Давай, возглавь у нас в ТПП совет, важный с экономической точки зрения». Для меня это было почётно. Еще одна трибуна для наших идей. Я занимаюсь этим в ТПП уже шестой год, и мне кажется, что какой-то результат есть. Мы представили принципы и стратегию экономического развития страны. Очередной раз прописали, что главное — это развитие реального сектора, дать людям возможность проявлять свои таланты, дать дорогу создателям. Показали, что для этого нужно сделать: протекционизм, дешёвые кредиты, низкие налоги. Кто хочет, тот услышит, но многие не хотят слышать. Будем повторять это вновь и вновь.

— Позволяет ли этот совет ТПП каким-то образом концентрировать и систематизировать взгляды и предложения со стороны активных участников реального сектора, производителей? Вы крупный производитель сельхозтехники, но тем не менее есть и специфические проблемы, особенности других отраслей. Появляются ли какие-то новые идеи, общественная синергия?

— Это одна из функций Совета по конкурентоспособности, чтобы из «варения в своём соку» представить свои идеи публике и получить обратную связь. Для этого мы ездили по регионам: в Рязань, в Калугу, во Владимир, в Новосибирске проводили мероприятия. Много регионов объездили за эти шесть лет. Если кратко подводить итог, то чем дальше от Москвы, тем лучше люди понимают, что без развития промышленности и сельского хозяйства выход страны из кризиса невозможен. В Москве это ещё часто надо доказывать. Отъехал от Москвы подальше, там это людям очевидно, спрашивают: «Что нужно сделать для того, чтобы это всё было реализовано?» Это всё вдохновляет. Мы людям даём какие-то идеи и получаем поддержку от них.

Возвращаясь к вашему вопросу, да, эта деятельность в рамках совета даёт результат. Это не влияние на правительство напрямую, а на общественность, и уже через общественность влияние на правительство.

— Когда вы приезжаете в регионы, вы получаете поддержку от местных органов власти? Приходят представители губернатора или региональных правительств на ваши заседания?

— Приходят. Иногда министры, в период своего губернаторства в Калуге участвовал губернатор Артамонов. Представители властей иногда боятся приходить, а если приходят, то получается определённый конфликт, потому что люди, находящиеся в вертикали власти, должны отстаивать официальную точку зрения. Когда мы и местные предприниматели говорим: «Почему в Уральске такие кредиты дорогие? Почему в Новосибирске или в Хабаровске электричество стоит в два раза больше, чем в Китае, который через реку?», то губернатор сразу оказывается в неудобном положении. Он ведь в вертикали власти, у него не укладывается в голове, что можно выступить против правительства.

В Москве это проявляется в том, что чиновники к нам на заседания совета ТПП не ходят. Мы их приглашаем, естественно, и Центробанк,

и Минэкономразвития. Но ни разу ни один чиновник не пришёл. Потому что он окажется в глупом положении. Ему участники скажут — если в России много денег в бюджете, надо снижать налоги, а он не сможет ничего разумного возразить. Кроме: «Нет, денег мало. Надо ещё больше денег в Вашингтон посылать на сохранение». Он будет выглядеть дураком.

— Вы имеете в виду отчисления по так называемому «бюджетному правилу» в Фонд национального благосостояния, средства которого размещены в иностранные активы?

— Да. Резервный фонд — это многие миллиарды долларов. Ещё резервы Центробанка — там 600 миллиардов долларов. Какие-то астрономические цифры. Лежат не у нас в стране, не в виде золотых слитков, как можно подумать. Нефть вывезена, а нам за это прислали письмо электронное: «У вас на счетах сколько-то ноликов». И это наши золотовалютные резервы. Резервы явно избыточные, и если разумно подходить к делу, то они вполне могли быть как минимум раза в три, а то и в пять меньше. Эти деньги давно могли бы работать на воспроизводственный цикл в России, поступая в экономику в качестве инвестиций.

НАДО СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ ДЛЯ ИНВЕСТИЦИЙ

— России необходимо резко ускорить темпы экономического роста, если мы хотим сохранить субъектность как страна. Для роста же нужна инвестиционная активность, высокий уровень фонда накопления, говоря языком марксистской политэкономии. Опыт ускоренного развития Японии, например, показывает, что этот уровень должен быть 30–35% от ВВП. Для Индонезии, Филиппин, Малайзии характерна инвестиционная активность не ниже 35% от ВВП. В Китае, если судить по их данным, 45–50% от ВВП в отдельные годы шло в фонд накопления. В России он даже в лучшие годы не превышает 21–22% от ВВП.

Часто приходится слышать, что в России предприятия сами неохотно идут на инвестиции. Но рассчитывать, что все инвестиции может сделать только государство — нелепо, тем более что для этого нужно опять перестроить все отношения собственности, и пока мы будем ждать нового огосударствления, за это время можем отдать концы. У нас есть местами очень эффективное

предпринимательское сообщество, однако мотивации делать инвестиции у него недостаточно. Что нужно, чтобы инвестиции резко увеличились?

— Подобный вопрос мне лет семь назад президент Путин задал после совещания: «У вас есть тракторный завод в Канаде. Почему вы его сюда не переносите? Что нужно сделать, чтобы вы начали строить тракторные заводы, двигательные заводы?» Мы тогда подготовили материал, написали ему записку. Сравнили условия работы в Канаде и в России. Там 15 пунктов для сравнения: налоги, стоимость электричества, газа, перевозок, стоимость кредитов, меры поддержки экспорта и так далее. В России на тот момент был дешевле газ на 30%, чем в Канаде, и ниже зарплаты. Но зарплаты за счёт того, что у нас более высокие налоги по этой статье, для работодателя одинаковые в России и в Канаде. Остальные 13 пунктов в России хуже. Дороже кредиты, выше налоги, меньше льгот, меньше поддержки, дороже перевозка, электричество в два раза дороже. В великой энергетической державе, которая является лидером атомной энергетики! Что нужно делать, чтобы в России начались инвестиции? Нужно по всем этим пунктам пройтись, улучшить их. Я не сомневаюсь в том, что можно сделать в России электричество в три раза дешевле, чем оно сегодня продаётся. Навести порядок после Чубайса — «великого» энергетика. Снизить налоги тоже есть возможность, как и снизить ключевую ставку Центробанка.

— **Необходимо вернуть норму, связанную с понижением налогообложения инвестиций, или просто отменить налог на ту часть при-**

были, которая идёт на инвестиции. Так же поступали все страны.

— Такая льгота по налогу на прибыль в мире есть везде. В России при Примакове это было и помогло нам выйти из кризиса 98-го года. Потом Кудрин всё это отменил.

Кроме того, в Канаде не берутся налоги с низких зарплат, меньше 1500 долларов в месяц. Эта мера стимулирует покупательную активность людей. Стимулирует занятость, потому что предприятию легче нанять сотрудников на невысокие зарплаты. Налоги в России можно снижать. Снижать грамотно, конечно. Не все огульно, не для олигархов льготы очередные дать, а снизить так, чтобы в выигрыше остались те, кто занимается созидательным трудом.

— **А как вы относитесь к идее дифференцированного налогообложения различных отраслей? Нужна ли какая-то налоговая дифференциация, исходя из стратегических задач реиндустриализации?**

— В целом, конечно, нужен дифференцированный подход в налогообложении отраслей. В первую очередь я бы при экспорте сырья не возвращал НДС. У нас сырьевики вывозят нефть, газ, чушки, слябы. Им зачастую НДС возвращается авансом. Вывези комбайн — тебя будут мурьжить, проверять. В Китае вывоз сырья государство регулирует. Не весь НДС возвращает, а в зависимости от степени передела. Кому-то половину, кому-то 25%, а кому-то ничего не будут возвращать, если экспортируешь необработанный металл. Продукцию высоких переделов продавай на экспорт, завоёвывай рынки. А сырьё здесь придержи. Так они регулируют экспорт. Государство стимулирует не продажу необработанного сырья за рубеж, а, наоборот, его переработку внутри страны. И можно придумать много подобных инструментов, стимулирующих инвестиции. Нельзя принять один закон и надеяться, что инвестиции пойдут. Надо системно поработать. Это не такая уж и длительная работа.

«ЛЮДИ ДУМАЮТ, ЧТО ЗАНИМАТЬСЯ ПРОИЗВОДСТВОМ — ЭТО ОЧЕНЬ РИСКОВАННО»

— Некоторые отечественные производители говорят: «Мы бы сделали инвестиции, но у нас нет никаких гарантий, что мы сможем сбывать эту продукцию на нашем рынке, потому что условия конкуренции неравные. У нас нет стимула не потому, что мы бы

Три столпа для нашего развития — низкие налоги, дешёвые кредиты и протекционизм.

Причём протекционизм в современном понимании — это нацеленность на создание равных условий конкуренции между своими производителями и зарубежными. Сейчас такого подхода нет совсем. Мы открыли свой рынок в 90-е годы при гайдаровской политике. При вступлении в ВТО юридически это закрепили — теперь уже не дёргайтесь, всё подписано, рынок открыт в России. Тем самым подавили нашу промышленность.

не хотели расширить производство. Просто этот рынок незащищён для нас». Как эту проблему решать? На мой взгляд, напрашивается идея умеренного протекционизма и создания достаточно защищённого рынка для отечественного производителя.

— Конечно. Три столпа для нашего развития — низкие налоги, дешёвые кредиты и протекционизм. Причём протекционизм в современном понимании — это нацеленность на создание равных условий конкуренции между своими производителями и зарубежными. Сейчас такого подхода нет совсем. Мы открыли свой рынок в 90-е годы при гайдаровской политике. При вступлении в ВТО юридически это закрепили — теперь уже не дёргайтесь, всё подписано, рынок открыт в России. Тем самым подавили нашу промышленность.

— Многие не знают, что условия членства в ВТО разные для разных стран, они определяются в процессе переговоров перед вступлением в организацию. Если вести переговоры умно, то надо было сохранять барьеры высокими, чтобы потом пойти на некоторые уступки. Наши переговорщики сделали всё наоборот. Они все пошлины понизили уже до вступления в ВТО, поэтому переговорные позиции были предельно ущербными. Мы вступили на крайне не-

выгодных условиях, фактически открыв свои рынки.

— Вступление в ВТО — это была ужасная вещь. Тем не менее после этого наступил 2014 год, начались санкции. Потом Трамп пришёл и сказал, что для него ВТО не указ. Сегодня ВТО — это уже такая полунесуществующая организация. Но наше правительство, несмотря на все санкции, ослабление самой ВТО, продолжает ориентироваться на те условия, на которых мы вступили. Для них это святое, нарушать нельзя.

Но главное препятствие для инвестиций в производство — непоследовательная, непредсказуемая экономическая политика. Могут налоги увеличить, могут цены на солянку ещё в два раза поднять. Это легко себе представить. Какой-нибудь «Платон» повысят ещё в два раза. Нет стратегической линии, нацеленной на развитие производства. Поэтому люди думают: «Заниматься производством — это очень рискованно, непредсказуемо и бессмысленно».

— Как вы оцениваете линию на локализацию, которая проводится Министерством промышленности в контексте импортозамещения? Это перспективное направление с точки зрения реиндустриализации России?

— Да. Локализация — это фактически развитие производства в России компонентов каких-то машин. Это и есть синоним индустри-

ализации. Минпромторг запускает стимулы, меры поддержки отдельных отраслей. Машиностроителям выдвигают требования, чтобы использовали именно российские комплектующие. Но у тех сил в правительстве, которые ставят эти правильные цели, ограниченный инструментарий. Другие силы правительства в это время повышают налоги...

— Эта линия на локализацию сработала бы в случае скоординированной политики?

— Скоординированной и стабильной, ориентированной на десятилетия вперёд. Тот же подшипниковый завод построить — это пять лет его проектировать, создавать, деньги немалые вкладывать. За пять лет правительство может смениться, поменяться экономическая политика. Поэтому качественных подшипников у нас своих нет и не предвидится.

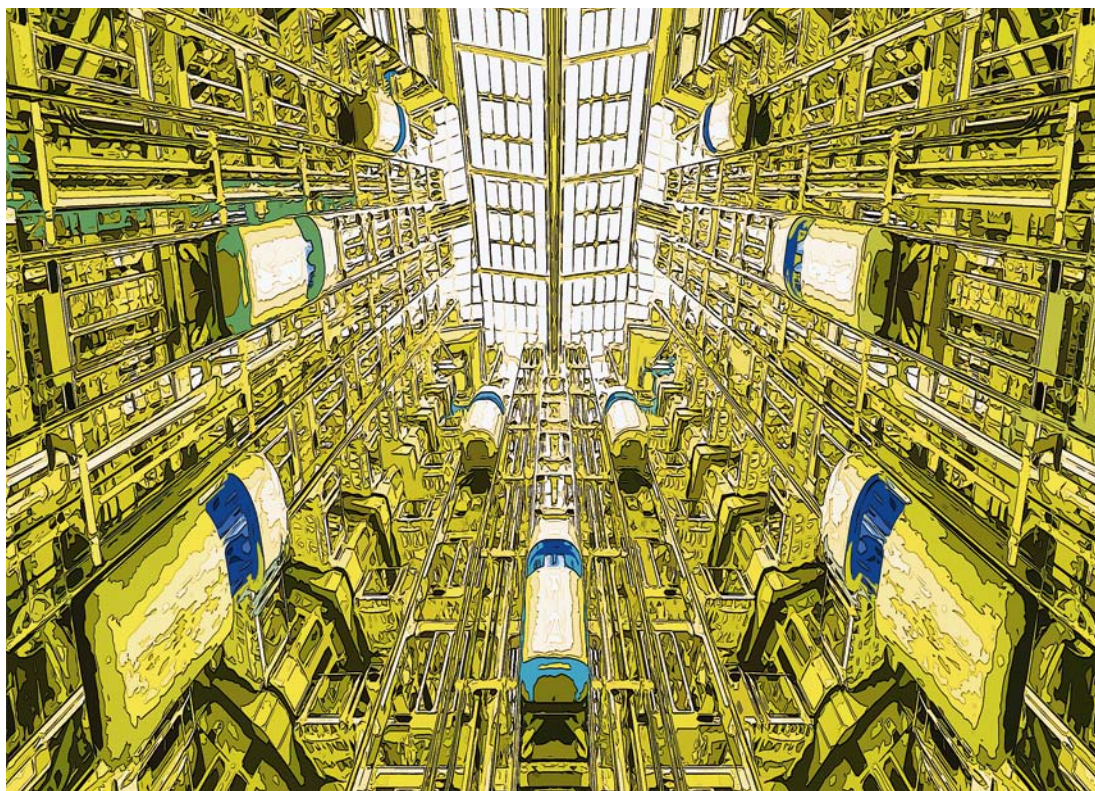
— Получается, что политические меры по локализации пока недостаточны?

— Они есть, но очень недостаточные. С запуском Программы 1432 нам создали условия, сделали возможным дублирование нашего канадского тракторного завода в России. Мы не перенесли завод из Канады, а построили такой же здесь и начали производство тракторов. Теперь нам нужна российская гидравлика, подшипники, двигатели.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БЕЗ РЕАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ НИЧЕГО НЕ ДАСТ

— Мы говорили о приоритетах, которые ставит перед собой правительство. У нас модное слово сейчас — «цифровизация». Которая нас должна вывести на какой-то качественно новый этап развития экономики. Но как? Например, недавно Сбер совместно с «Ростелекомом» образовали предприятие, цель которого — разработка технологий распознавания, идентификации, это биометрия, слепок лица и так далее. Профильный вице-премьер оценил подобную инициативу как очень важный шаг, который «поддержит уровень развития цифровизации ключевых отраслей экономики». Но каким образом вам, как производителю комбайнов, поможет эта технология распознавания лиц, которую так похвалил вице-премьер? Как это поможет производителю обуви, свинины, основным товаропроизводителям России?

— Такой подход для меня не очень понятен. Мы на «Ростсельмаше» занимаемся цифровизацией, создали IT-отдел — 60 человек. Он постоянно растёт и занимается производством программ, в том числе где-то на 20-м месте у нас есть и биометрия, распознавание лица комбайнера, чтобы случайный человек не получил доступ к дорогой и сложной машине. В чём тут у меня

претензия? В том, что у Чубайса и прочих «инноваторов» подход такой — всё в России отстало, давайте что-то новое изобретём, оно даст нам прорыв. Создали «Сколково», накачали туда десятки миллиардов. Создали «Роснано», куда тоже закачали десятки или сотни миллиардов наших с вами денег. Выхлоп из этих вещей — ноль. Греф что-то про цифровизацию говорит, при этом у «великого инноватора» Грефа, я так понимаю, всё иностранное — и hard, и soft.

Не надо стимулировать именно инновации, именно цифровизацию. Создайте условия для производства обычных товаров. Обычная индустрия служит питательной средой для появления инноваций. Без инноваций производство не живёт, оно умирает. Производство тех же самых гвоздей без компьютеризации, инноваций не сможет жить. А инновации без производства висят в воздухе. Они никому не нужны. Цифровизация без реальной индустрии, без покупательной способности людей ничего не даст и человеку пользы не принесёт.

Надо создать условия для производства мебели, пиджаков и диванов. Там ребята, которые получают возможность проявлять свои таланты, придумают новые программы, сделают инновации, великие изобретения и завалят своими передовыми продуктами весь мир. А у нас повторяют «цифровизация» как мантру, при этом подавляют производство гвоздей. Это путь в никуда. Рождение каких-то химер.

— Правительству имело бы смысл поддерживать инициативы, связанные с цифровизацией производственных, технологических процессов, управления производством, а не создание каких-то отвлечённых нишевых продуктов. Как вы считаете, была бы осмысленной какая-то государственная программа поддержки цифровых решений производственных процессов?

— Можно такую программу придумать. Но пока её даже на горизонте нет. Сейчас «Ростсельмаш» сидит на немецком программном обеспечении управления производством. Оборонка — на немецком, французском. Это просто опасно уже для страны.

— С индустриализацией связаны и другие вопросы — социально-культурные. Мы помним, что эпоха первой советской индустриализации сопровождалась великими произведениями искусства того периода, появлением целой школы живописи, в которой человек промышленного труда воспевался. Это вли-

Не надо стимулировать именно инновации, именно цифровизацию. Создайте условия для производства обычных товаров. Без инноваций производство не живёт, оно умирает. Производство тех же самых гвоздей без компьютеризации, инноваций не сможет жить. А инновации без производства висят в воздухе. Они никому не нужны.

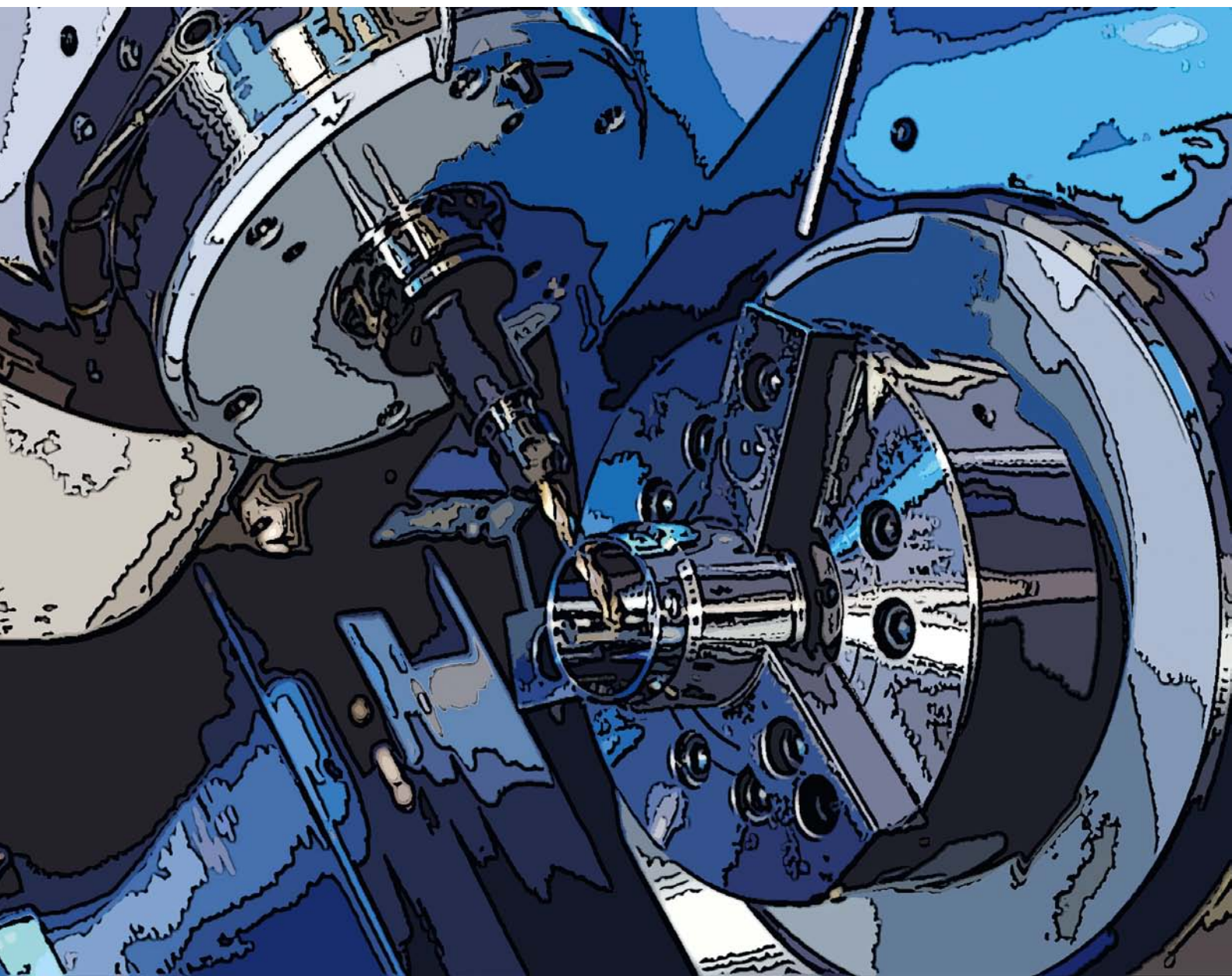
яло на энтузиазм, на престижность этих профессий, нового образа жизни. Сегодня в молодёжной среде идёт какая-то девальвация профессий, связанных с работой в реальном секторе: и рабочих профессий, и инженерных, конструкторских и так далее. Все хотят быть экологами, блогерами, программистами. Что должно быть сделано, чтобы повысить престижность такого вида профессиональной ориентации?

— Я вижу, что молодёжь с удовольствием идёт в сельхозмашиностроение. В «Ростсельмаше» средний возраст на заводе сейчас — 32 года. Поэтому страшного нежелания молодёжи идти на завод нет. Но что можно сделать, чтобы улучшить ситуацию, чтобы шли и на другие заводы? Создайте условия для того, чтобы в России выгодно было производить, чтобы производство оживило. Тогда будут инновации, будут хорошие зарплаты, будет покупательная способность, будет возможность проявить свои таланты.

Живое производство — это как питательный бульон, оно вокруг себя распространяет живительную среду. Создайте условия для производства гвоздей и табуреток, и всё будет нормально — потребуются не только ребята, которые будут точить непосредственно у станка. Нужны будут и программисты, и рекламщики, и лингвисты, чтобы правильные тексты писать на разных языках, и культурологи, которые будут изучать историю табуретки в разных культурах и определять, какая табуретка нужна завтра. В действующей, живой экономике нужны и технари, и гуманитарии.

— По сути дела, производство и реальная экономика становятся ключевым звеном, точкой роста для развития всего остального?

— Я так вижу. Это фундамент, на котором многое можно построить. А в отсутствие этого фундамента в современном мире построить нельзя ничего.

/ Дмитрий САПРЫКИН¹ /

Производство средств производства – путь к лидерству

Когда речь идёт о модернизации, новой индустриализации и сокращении сырьевой составляющей в отечественной экономике, следует понимать, что всё это невозможно без развития машиностроения. Именно развитие машиностроения будет определять — сможет ли Россия занять ведущее место среди государств, обладающих высокотехнологичной промышленностью и производящих продукцию, конкурентоспособную на мировых рынках, или мы будем довольствоваться статусом сырьевого придатка экономик развитых стран мира. От уровня развития машиностроения зависят все важнейшие удельные показатели валового внутреннего продукта страны (например, материалоёмкость, энергоёмкость и т.д.), производительность труда в других отраслях народного хозяйства, а также уровень экологической безопас-

технологического оборудования, включающая в себя разработку и производство современных станков, специальных технологических машин, инструментов, разнообразной аппаратуры, сложных производственных линий, программного обеспечения и средств управления технологическими данными и многое другое.

УРОВЕНЬ ПРОИЗВОДСТВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Сравнительные экономические исследования показывают явную корреляцию уровня производительности труда, производительности капитала и совокупной факторной производительности, с одной стороны, и уровня развития национальной индустрии производства техноло-

гическое оборудование в текстильной промышленности и была лидером в производстве текстильного оборудования, Российская империя до 1917 года имела высокий уровень производительности в табачной промышленности, нефтедобыче, резиновой и нефтеперерабатывающей промышленности и именно здесь обладала высокими компетенциями в производстве оборудования и технологическими ноу-хау².

Причины этой корреляции вполне очевидны — опора исключительно на импортные технологии и оборудование ведёт к отставанию технологического уровня, более высокой цене оборудования и стоимости её эксплуатации, более высоким издержкам, простоям, снижению качества обслуживания и ограничивает возможность внедрения инноваций.

В настоящее время, особенно с внедрением новых типов оборудования, поставляющихся одновременно с технологическим программным обеспечением и материалами, вес этих факторов существенно вырос по сравнению с ситуацией столетней давности и фактически лидерство в разработке соответствующих типов оборудования и технологии производства означает лидерство и в инновационной гонке.

СОЗДАНИЕ НОВЫХ ПРОДУКТОВ НА НОВЫХ РЫНКАХ СВЯЗАНО С ИННОВАЦИЯМИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ОБОРУДОВАНИИ

Уже во второй половине XIX века, а в особенности в XX веке и в начале XXI века, технологический рывок в традиционных отраслях и создание новых высокотехнологичных отраслей почти всегда были связаны с созданием производства соответствующего технологического

Опора исключительно на импортные технологии и оборудование ведёт к отставанию технологического уровня, более высокой цене оборудования и стоимости эксплуатации, простоям, снижению качества обслуживания и ограничивает возможность внедрения инноваций. Фактически лидерство в разработке соответствующих типов оборудования и технологии производства означает лидерство и в инновационной гонке.

ности промышленного производства и обороноспособность государства.

Внутри всего многоотраслевого машиностроительного комплекса ключевое значение для модернизации страны, обеспечения суверенитета и достижения экономикой устойчиво высоких темпов роста имеет отечественное производство средств производства — индустрия

гического оборудования и производственных технологий — с другой.

Эта зависимость была явной уже в начале XX века. Так, наиболее высокую производительность труда и эффективность в машиностроении имели предприятия США и Германии (являвшиеся также лидерами в станкостроении того времени), Англия имела самую высокую про-

¹ президент ассоциации «Электронное машиностроение», генеральный директор АО НИИ ЭСТО (ГК «Лазеры и аппаратура»)

² См. обзор литературы на эту тему в Nikita I. Lychakov & Dmitrii L. Saprykin & Nadia Vanteeva, 2020. Not Backward: Comparative Labour Productivity In British And Russian Manufacturing, Circa 1908, HSE Working papers WP BRP 199/HUM/2020, National Research University Higher School of Economics. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3746310

Оборудование	Период создания	Страны – драйверы роста	Отрасли
Станкостроение 1.0 Основные типы металлообрабатывающих станков – фрезерные, токарные и т.д.	1820–1900	Великобритания, США, Германия	Производство оружия, боеприпасов, велосипедов, автомобилей, машиностроение и электротехника
Технологии плавки и прокатки стали (тигельные, мартеновские, бессемеровские, томсановские печи, электропечи, тяжёлые прессы, прокатные станы)	1850–1920	Англия, Франция, Германия, США, Россия	Артиллерийские производства, судостроение, строительство, машиностроение
Оборудование для автоматической резки, формовки и закрутки бумаги	1870–1920	Великобритания, Германия, Россия	Табачно-папиросная и полиграфическая промышленность
Швейные машины	1850–1900	США	Швейная индустрия
Электросварка	1880–1940	Германия, Россия	Судостроение, машиностроение, строительство, танкостроение
Электроэрозия, электропайка, другие методы электрофизической обработки	1945–1980	Россия, Германия, Япония	Двигателестроение, ракетостроение, машиностроение
Станкостроение 2.0. Модульные унифицированные системы оборудования	1935–1990	Германия, Россия, Япония	Машиностроение, автомобилестроение,
Станкостроение 3.0. Системы с ЧПУ	1960–2000	Германия, Япония	Все отрасли
Лазерное оборудование для сварки и резки	1970–2020	Россия, США, Германия, Япония	Машиностроение, приборостроение, автомобилестроение, новый производственный малый и средний бизнес (job-shops), сельхозмашиностроение, двигателестроение, энергомашиностроение
Лазерное оборудование для микрообработки 1-го поколения	1970–1990	Швейцария, Россия, США	Массовое производство часовых механизмов, волокон
Оборудование для фотолитографии	1960–2020	Япония, Голландия, Белоруссия	Микроэлектроника, радиотехника, фотоника
Вакуумное оборудование для нанесения и травления	1950–1980	США, Япония, Россия	Микроэлектроника, радиотехника, фотоника, микроэлектромеханические системы, потребительская электроника
Эпитаксиальное оборудование	1970–2020	США, Германия, Франция, Россия	Диоды, лазеры, СВЧ-техника
Лазерное оборудование для микрообработки 2-го поколения	2000–2020	Германия, США, Япония, Южная Корея, Китай, Россия	Back-End-технологии микроэлектроники, потребительская электроника, дисплейная техника, мобильная связь

Таблица 1.

Становление новых отраслей и новых типов технологического оборудования.

оборудования и производственных ноу-хау. Ярким примером является развитие станкостроения и производства специального технологического оборудования в СССР в 30–60-е годы XX века, сопровождавшееся прорывными научными исследованиями в области технологии обработки материалов, теории машин и механизмов, а также созданием новых технологий (таких как электроэрозионная, лазерная обработка, эпитаксия, некоторые виды вакуумных технологий). Другим примером является развитие станкостроительной промышленности, и в особенно-

сти электронного машиностроения (индустрии производства оборудования для электронной промышленности) в Японии в 50–90-е годы XX века. Из примеров последних десятилетий стоит отметить развитие станкостроения в Тайване, Южной Корее и Китае, и в особенности электронного машиностроения в Южной Корее. Именно достижения корейцев в новых направлениях технологического машиностроения были одним из важных факторов их превосходства в тех областях, где они вошли в число лидеров (судостроение, автомобилестроение,

ремонтные технологии, и в особенности потребительская электроника и производство дисплеев). В таблице 1 представлена историческая роль различных типов оборудования в становлении новых отраслей.

МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИННОВАЦИЙ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ МАШИНОСТРОЕНИИ И МИРОВОЙ РЫНОК

Объём мирового рынка технологического оборудования составляет около 1,5% от добавленной стоимо-

сти создаваемой в промышленности. Крупнейшие его сегменты — рынки станкостроения и специального технологического оборудования для полупроводниковой промышленности. Так, рынок традиционного станкостроения составляет, по оценкам Союза немецких машиностроительных предприятий (Verein Deutscher Werkzeugmaschinenfabriken — VDW), 80,8 миллиарда долларов, технологического оборудования для полупроводниковой промышленности, по данным SEMI (Semiconductor Equipment and Materials International), — 59,6 миллиарда долларов, а добавленная стоимость, создаваемая мировой промышленностью, согласно данным Всемирного банка, — 14,17 триллиона долларов. Аналогично, по данным Всемирного банка, добавленная стоимость в российской промышленности составляет около 204 миллиардов долларов, а российский рынок технологического оборудования может быть оценен в 3 миллиарда долларов в год.

При этом именно эта отрасль — производство технологического оборудования, — составляющая 1,5% мировой промышленности, в значительной степени определяет не только научный и технологический уровень, производительность труда и качество изделий, но также и рентабельность, гибкость и конкурентоспособность других отраслей промышленности.

Сравнительно небольшие инвестиции в данную область дают многократный мультипликативный эффект, обеспечивая конкурентоспособность, возможность создавать новые продукты и технологический уровень других областей.

При этом производство технологического оборудования является инструментом достижения технологического суверенитета. Неслучайно международные санкции против России в первую очередь ограничивают доступ именно к технологиям и оборудованию, прежде всего к его самым современным типам

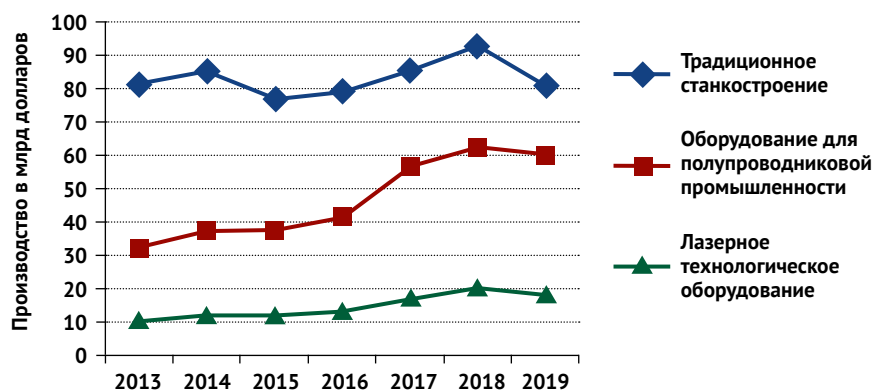

График 1.

Мировой рынок оборудования для обработки материалов.

(например, оборудованию для полупроводниковой промышленности, лазерному оборудованию, многокоординатным и сверхпрецизионным станкам).

ДРАЙВЕРЫ РОСТА: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВЫЕ ТИПЫ ОБОРУДОВАНИЯ

Как видно на графике 1, более современные рынки (например, лазерного оборудования или оборудования для полупроводниковой промышленности) растут заметно быстрее традиционных рынков, что связано с изменением технологических укладов и опережающим развитием новых продуктов, где применяется новое оборудование.

Так, например, темпы роста в станкостроении примерно соответствуют общемировым темпам роста промышленности — 4–4,5%, а темпы роста в производстве лазерного оборудования существенно выше — 8–9% (график 2).

В результате сейчас уже более 12% всех видов технологического оборудования, как для общемашиностроительных задач, так и для задач электроники, являются лазерным, и доля лазерного оборудования быстро увеличивается. Причём самым быстроразвивающимся сегментом в последние годы является оборудование для лазерной микрообработки, аддитивных технологий, машиностроения, а также для оптической литографии.

Создание лазерного технологического оборудования и производственных лазерных технологий является одним из локомотивов развития наиболее высокотехнологичных отраслей современной промышленности. Применение лазерных технологий позволяет не только создать принципиально новые изделия, технологии и достигнуть нового качества продукции, но и, что не менее важно, повышает гибкость, экологичность и рентабельность производства, то есть **лазерные технологии**

Производство технологического оборудования, составляющее 1,5% мировой промышленности, в значительной степени определяет не только научный и технологический уровень, производительность труда и качество изделий, но также и рентабельность, гибкость и конкурентоспособность других отраслей промышленности.

СССР входил в тройку мировых лидеров как в традиционном станкостроении, так и в электронном машиностроении и имел значительный задел в новых быстроразвивавшихся отраслях (лазерное, эпитаксиальное, фотолитографическое, вакуумное, электроэрозионное оборудование и др.). В 90-е годы технологическое машиностроение нашей страны было практически полностью уничтожено.

являются инструментом перехода на новый технологический уклад. Существенно сокращают производственный цикл, снижают издержки и часто снижают требования к инфраструктуре. При этом существенно повышаются требования к «интеллектуальной» и «цифровой» (научно-технологической и информационной) составляющей. В свою очередь, сами лазерные технологии обработки материалов опираются на ряд важнейших результатов, достигнутых наукой и высокотехнологичными отраслями производства

в последние десятилетия, — не только в области собственно лазеров, оптики и оптоэлектроники, но и мехатроники, систем управления, систем анализа и обработки данных, технологического программного обеспечения и собственно физики и науки о материалах. Важно отметить, что внедрение лазерных технологий способствует росту производительности труда и созданию рабочих мест в малых и средних производственных компаниях.

Лазерные производственные технологии являются одной из основ

нового технологического уклада — четвёртой промышленной революции, или Индустрии 4.0.

Перечисленные выше типы оборудования находятся в зрелой фазе или фазе крупномасштабного развития. Имеются и ещё более новые типы оборудования, находящиеся на этапе своего становления. Их особенностью являются ещё более быстрые темпы роста, но при этом реальную их роль в создании будущих продуктов оценить пока трудно. К таким технологиям относятся, например, аддитивные технологии, нано- и микротехнологии, технологии, основанные на синтезе двухмерных структур и квантовых точек, и т.д.

Важнейшей тенденцией развития новых производственных технологий является увязка разработки новых типов оборудования с разработкой материалов (яркий пример — электронное машиностроение и аддитивные технологии), а также программного обеспечения и цифровых платформ. Так, управление и контроль оборудования помимо

развития собственно CAM/CNC программного обеспечения³ непосредственно связаны с разработкой PLM⁴, MES⁵, SCADA⁶ продуктов. В последнее время возникло новое направление в разработке программного обеспечения, связанное с управлением технологическими данными (о процессах, материалах, оборудовании), с созданием соответствующих цифровых платформ.

РОССИЙСКИЙ РЫНОК И РОССИЙСКИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ

До 1991 года СССР входил в тройку мировых лидеров как в традиционном станкостроении, так и в электронном машиностроении и имел значительный задел в новых быстроразвивавшихся отраслях (лазерное, эпитаксиальное, фотолитографическое, вакуумное, электроэрозионное оборудование и др.).

В 90-е годы технологическое машиностроение нашей страны (как станкостроение, так и электронное машиностроение) было практически полностью уничтожено — крупные заводы закрыты и распроданы, частью деградировали, научно-технический потенциал утерян или перетёк на Запад. Причиной этого стала ставка на закупку исключительно иностранного оборудования и полное прекращение государственной поддержки. Исключение составляли только некоторые области (например, производство лазерного, эпитаксиального, вакуумного оборудования), где научно-инженерный потенциал был частично сохранён примерно в 30–40 малых частных фирмах, зародившихся

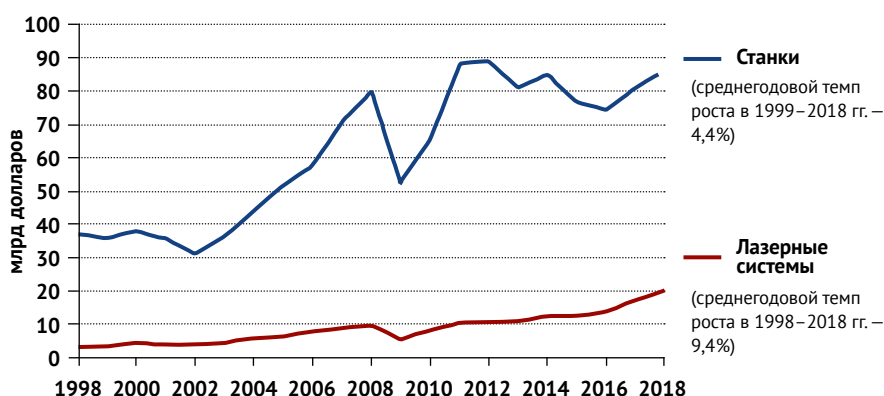

График 2.
Динамика объёмов выпуска в станкостроении и в производстве лазерного оборудования, млрд долларов.

главным образом в 1990-е и в начале 2000-х годов. После 1999 года началось медленное возрождение отрасли, связанное как с благоприятной экономической конъюнктурой в 1999–2007 гг., так и с заказами стратегических отраслей после 2008 года.

После 2014 года, кроме упомянутых малых частных фирм, продолжавших развиваться и начавших более активно инвестировать в НИОКР, были сделаны (не во всех случаях удачные) попытки создать ряд крупных холдинговых структур («станкостроительных корпораций»). В рамках этих проектов были отчасти реконструированы некоторые старые производства.

Наиболее успешным примером создания российских производств иностранными компаниями является строительство крупного станкостроительного завода корпорации DMG-Mori в Ульяновске. Другим примером является деятельность НТО «ИРЭ-Полюс» российского предприятия крупнейшей мировой лазерной корпорации IPG Photonics, до последнего времени являвшейся

партнёром российских фирм — разработчиков и производителей лазерного технологического оборудования.

Несмотря на эти успешные примеры, ставка на трансфер технологий и совместные с иностранными компаниями предприятия в данной сфере не оправдала себя именно потому, что индустрия технологического оборудования является ядром инновационного развития. Поэтому иностранные государства практически никогда не соглашаются на трансфер новейших технологий в данной области и вводят серьёзные ограничительные меры. Пример заводов в Ульяновске (DMG) и Фрязино (IPG) лишь подтверждает это правило: в Ульяновске не производятся новейшие и наиболее сложные типы оборудования DMG, а технологии производства волоконных лазеров компании IPG не являются примером трансфера технологий, так как созданы российскими учёными и инженерами и в значительной степени — на российской территории.

Стоит отметить, что в области производственных технологий в по-

³ CAM/CNC — автоматизированная система либо модуль автоматизированной системы, предназначенный для подготовки управляющих программ для станков с ЧПУ.

⁴ PLM-система — прикладное программное обеспечение для управления жизненным циклом продукции.

⁵ MES — специализированные программные комплексы, которые предназначены для решения задач оперативного планирования и управления производством.

⁶ SCADA-система — программно-аппаратный комплекс сбора данных и диспетчерского контроля, инструментальная программа, обеспечивающая создание программного обеспечения для автоматизации контроля и управления технологическим процессом в режиме реального времени.

	Число поставленных установок (2001–2019 гг.)	Средняя стоимость, млн руб. (цены 2020 г.)	Оценка суммарной стоимости, млн руб. в ценах 2020 г.
Электронные и радиоэлектронные корпорации	229	10	2290
Частные компании (машиностроение, приборостроение, медтехника, сельхозмашиностроение, автомобилестроение, реклама, металлообработка)	223	10	2230
Авиастроение, ракетостроение, двигателестроение	47	30	1410
Корпорации ВПК	45	10	450
Университеты и научные центры	34	10	340
Экспорт	14	15	210
Транспортное машиностроение	5	20	100
Нефтегазовый сектор	4	20	80
Судостроение	6	10	60
Всего	607		7170

Таблица 2.
Поставки лазерных машин производства ГК «Лазеры и аппаратура» в 2001–2019 гг. по типам заказчиков.

следние десятилетия драйверами роста в мире являлись три направления, а именно:

- 1) военные и аэрокосмические производства;
- 2) электроника (включая как стратегические микро- и радиоэлектронные производства, так потребительскую электронику и солнечную энергетику);
- 3) машиностроительные производства, прежде всего автомобилестроение, сельхозмашиностроение, транспортное машиностроение (в основном для железнодорожного транс-

порта), энергомашиностроение, производство и ремонт оборудования для нефтегазовой промышленности, судостроение.

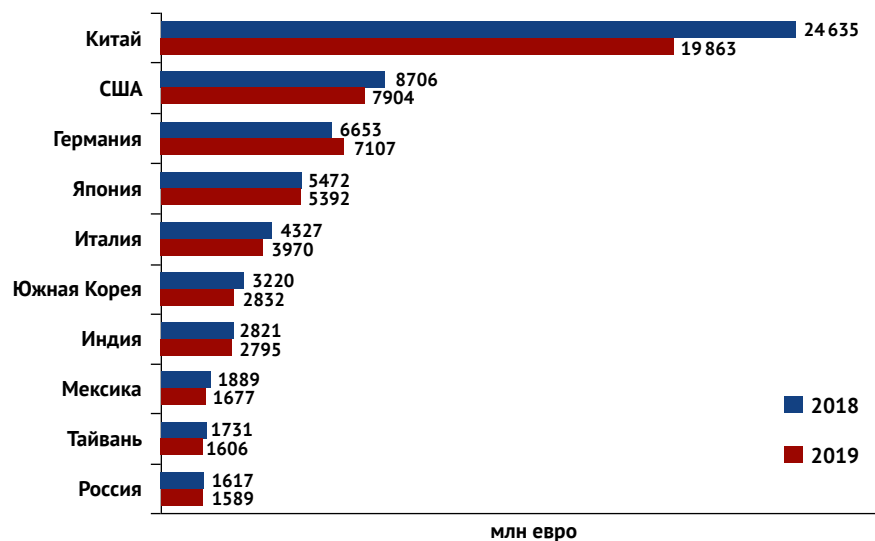
Из перечисленных направлений в последние 20 лет в России активно развивалось и предъявляло спрос на новые разработки в отечественном технологическом оборудовании только первое направление.

Так, в таблице 2 представлены данные о поставках оборудования, разработанного и произведённого зеленоградской группой компаний «Лазеры и аппаратура» (ведущим российским разработчиком сложных

типов лазерного технологического оборудования) по типам заказчиков. Из этих данных видно, что примерно половина проданных группой компаний установок поставлена в корпорации, относящиеся к оборонной, двигателестроительной, авиакосмической и радиоэлектронной отраслям.

Петербургские производители (НПК «Морсвязьавтоматика», ИЛИСТ) много лазерного оборудования также поставляли в кораблестроительную отрасль. Пик перевооружения этих отраслей в России пришёлся на 2011–2017 гг. (для корпорации Росатом ранее, в 2001–2007 годах, и продолжился в 2011–2017 гг., что объясняет более высокие показатели для этой корпорации).

Напротив, корпорации в нефтегазовой, автомобильной, транспортномашиностроительной и сельхозмашиностроительной отраслях приобретали отечественное оборудование слабо. Это объясняется, прежде всего, их ориентацией на иностранных поставщиков технологического оборудования. Спрос со стороны автомобильной промышленности имелся только на рубеже веков, а спрос со стороны железнодорожной, транспортномашиностроительной и нефтегазовой индустрии начал активизироваться в последние годы в связи с введением режима санкций, а также реани-

График 3.
Топ-10 стран по уровню потребления продукции станкостроения в 2018 и 2019 гг., млн евро.

мацией инфраструктурных проектов и попытками создания суверенной производственной базы.

Закупки от производителей потребительской электроники и солнечной энергетики практически полностью отсутствовали, прежде всего, из-за слабого развития этих отраслей в России.

Определённый спрос, особенно после 2012 года, имелся со стороны start-up в новых отраслях, стремящихся к созданию новых продуктов в медтехнике, электронике и приборостроении, новой энергетике, новых средствах транспорта, новых космических технологий, а также со стороны научно-инженерных центров при университетах.

Последняя тенденция может рассматриваться как хороший симптом и должна быть развита.

В целом, несмотря на наличие «островов компетенций», в том числе в новых направлениях, Россия не является в настоящее время крупным производителем технологических машин, хотя по-прежнему остаётся одним из крупнейших

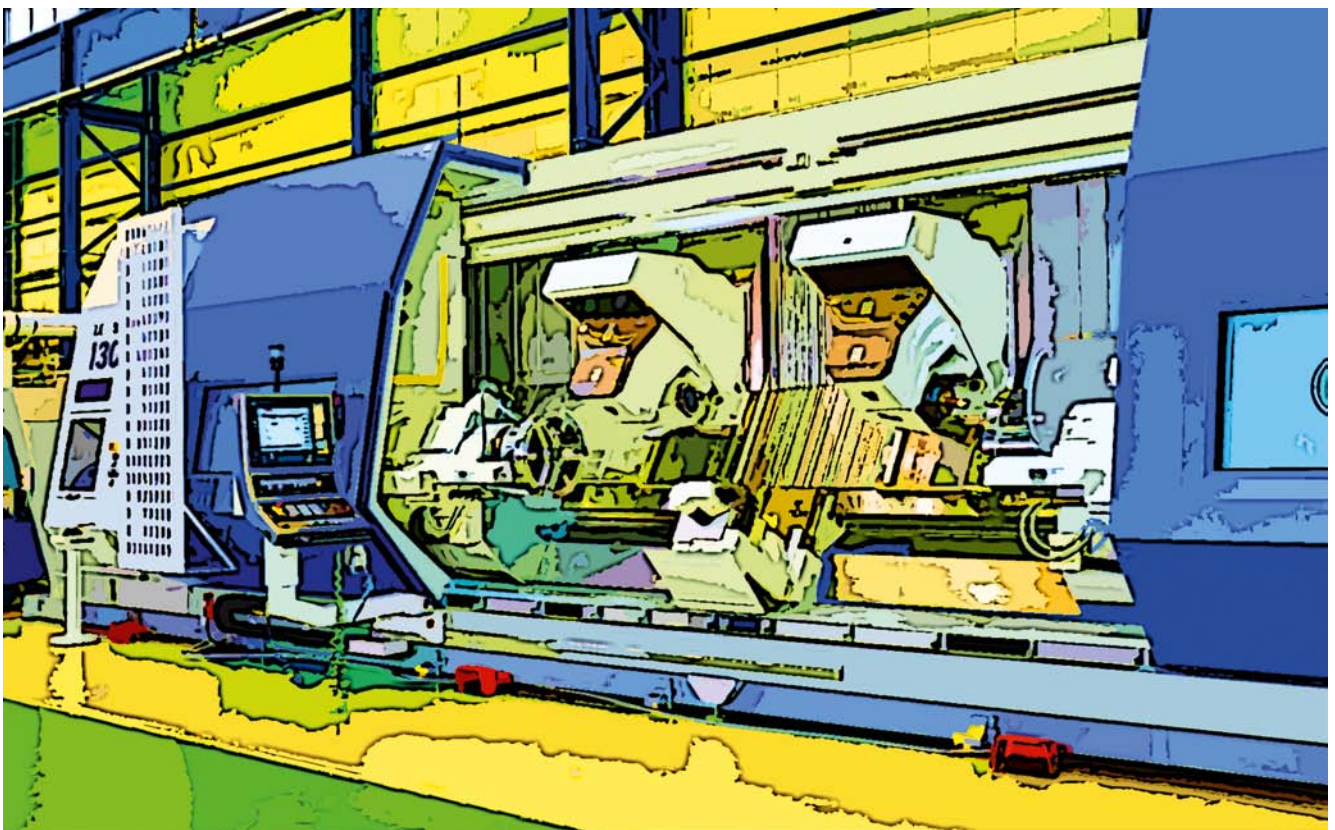
Россия не является в настоящее время крупным производителем технологических машин, хотя по-прежнему остаётся одним из крупнейших их потребителей. Именно эта ситуация является одним из важнейших тормозов развития российской промышленности в наиболее высокотехнологичных и новых отраслях и делает нашу страну уязвимой для санкций. Российский рынок в настоящее время не более чем на 25% насыщен отечественными технологическими машинами.

их потребителей — по данным VDW, Россия занимает 10-е место по уровню потребления продукции традиционного станкостроения (график 3).

Именно эта ситуация является одним из важнейших тормозов развития российской промышленности в наиболее высокотехнологичных и новых отраслях и делает нашу страну уязвимой для санкций. Российский рынок в настоящее время не более чем на 25% насыщен отечественными технологическими машинами.

ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ОТРАСЛИ В 2011–2020 ГГ.

Если в 1991–2010 гг. отечественное технологическое машиностроение практически не поддерживалось государством, то примерно с 2010 года постепенно началось осознание необходимости восстановления как традиционного станкостроения, так и электронного машиностроения.

С 2011 года были инициированы несколько государственных подпрограмм развития в области станкостроения, а с 2016 года — в области специального технологического оборудования.

В рамках этих госпрограмм, а также в рамках проектов, финансируемых Минобрнауки и Фондом прямых инвестиций (ФПИ), был проведён значительный объём НИОКР, позволивших сохранить, а в ряде случаев и развить сохранённый в предыдущие годы (главным образом, в малых и средних частных компаниях) научно-инженерный потенциал по ряду важнейших, в том числе новых, направлений.

Тем не менее в целом упомянутые программы не привели к принципиальному изменению ситуации и к «прорыву» в данной области. Основные причины этого, на наш взгляд, следующие:

1) явно недостаточный объём финансирования данных программ (за десять лет прямо на данные цели было направлено около 15 миллиардов рублей, что составляет всего около 10% годовых закупок Россией импортного оборудования и существенно уступает даже обычной годовой прибыли российских посредников). При этом значительная часть этих средств была направлена на финансирование оказавшихся неэффективными холдинговых структур «Станкопром» и «Стан», созданных на базе старых станкостроительных предприятий, в значительной мере утративших научно-инженерный потенциал. Эта ставка на старые госпредприятия, зачастую сохранившие лишь стены и полностью утратившие инженерные команды, привела к очень низкой эффективности вложений. Оказалось, что за рядом исключений инновации и инженерный потенциал находятся в одном месте (в малых частных фирмах), а инфраструктура и капитальные вложения — в другом;

2) в рамках программы развития станкостроения в 2011–2016 гг. значительная часть средств была потрачена в действительности не на отечественные разработки, а на закупку импортного оборудования. Наиболее эффективной оказалась лишь программа субсидирования НИОКР по постановлению правительства ПП № 109 в радиоэлектронной промышленности, которой воспользовались несколько частных компаний — производителей специального технологического оборудования, нацеленных именно на создание отечественного оборудования в новых направлениях;

3) программы субсидирования НИОКР не были увязаны с эффективными мерами по развитию производственных мощностей и стимулированию спроса на отечественную продукцию. Те мероприятия по финансированию развития производств (например, в рамках Особых экономических зон (ОЭЗ), программ стимулирования кредитования и лизинга, сертификации отечественной продукции по ПП № 719) практически не работали, в том числе потому, что не были поддержаны структурами, которым они были поручены (коммерческие банки, ТПП РФ, органы управления ОЭЗ), а пробелы и недостатки в законодательстве и нормативной базе сделали эти меры неэффективными;

4) акцент в упомянутых госпрограммах был сделан, прежде всего, на импортозамещение для продукции двойного назначения и спрос со стороны предприятий ВПК. Это обусловило как сильные, так и слабые стороны: с одной стороны, как видно из приведённых выше данных, спрос со стороны стратегических предприятий был основным источником выручки частных компаний технологического машиностроения, с другой стороны — это привело к слабому вниманию к созданию новых продуктов и рынков

гражданской продукции (спрос со стороны последних вообще не стимулировался);

5) отсутствие системных мер поддержки всего комплекса разработок и производства: так, программы развития станкостроения не были увязаны с программами развития специального технологического оборудования, НИОКР по развитию законченных систем оборудования не были сопряжены с НИОКР по разработке новых программных продуктов и материалов. Разработки и производство основных модулей и комплектующих технологических машин (мехатронных, оптических, электронных и т.д.) вообще поддерживались крайне незначительно, что не позволило производителям технологических машин избавиться от зависимости от иностранных поставщиков компонентов;

6) проблемы с правовым статусом инвестиций в НИОКР и оборотом интеллектуальной собственности. Разработки, сделанные в рамках НИОКР, финансируемых ФПИ и Минобрнауки, имели проблемы с внедрением: разработчики (частные компании) не получали прав на их внедрение, а федеральные органы исполнительной власти не проявляли внедренческой активности, в том числе из-за законодательных механизмов, ограничивавших оборот интеллектуальной собственности. В то же время в ряде споров выявилась лакуна в российском законодательстве: частные вложения в НИОКР не рассматриваются в качестве инвестиций, что привело к срыву ряда проектов;

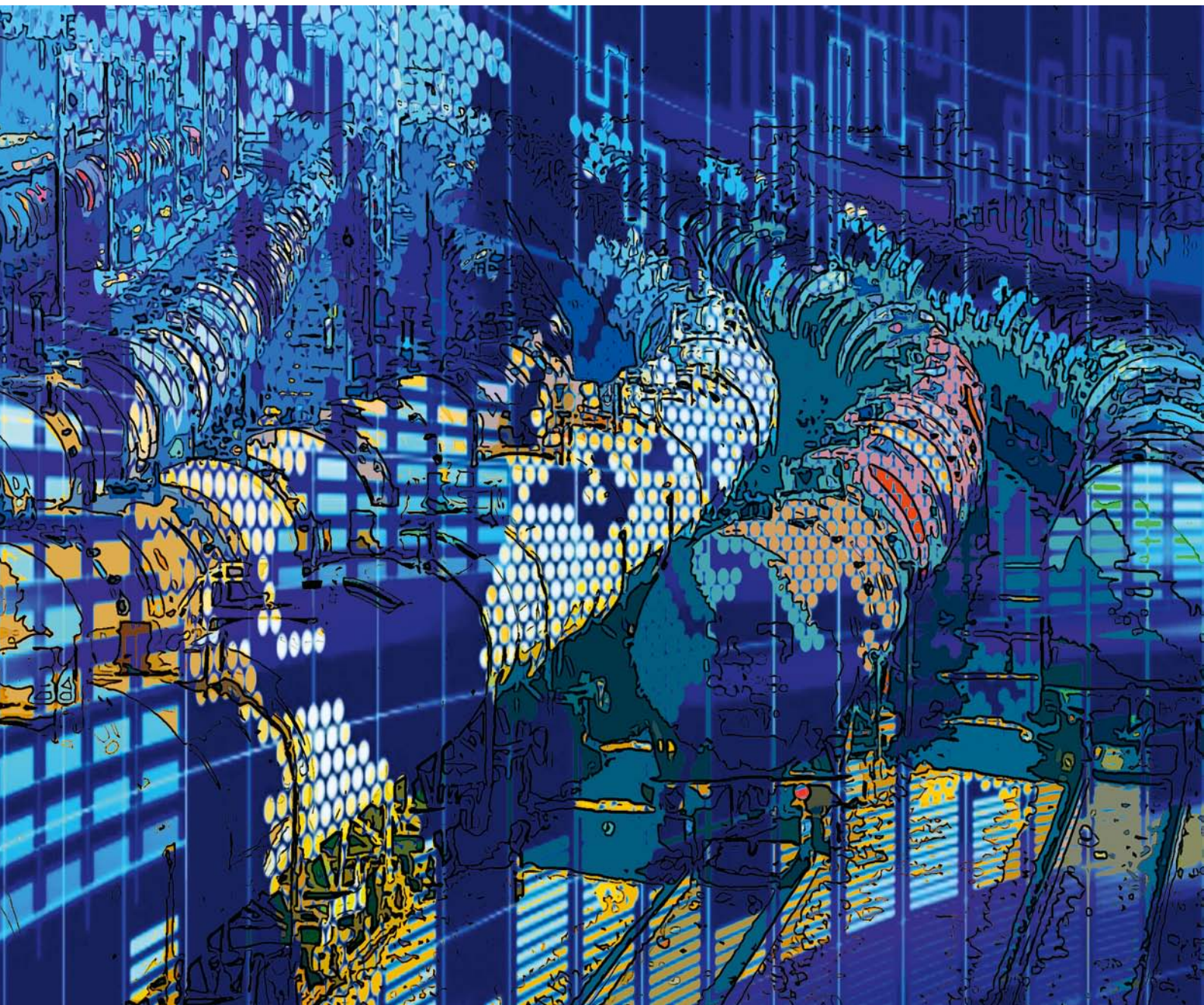
7) проекты по разработке оборудования не увязывались с проектами по разработке новых продуктов и материалов, а также IT-продуктов, ПО и цифровых платформ. Работы по созданию технологического ПО, увязанного с системами технологического оборудования, отчасти «выпали» из программ цифровизации.

НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Мы предлагаем:

- 1) включить разработку новых производственных технологий и технологического оборудования (в том числе специального технологического, лазерного и новых видов оборудования) в число сквозных проектов и сквозных технологий;
- 2) в программах развития отечественного технологического машиностроения сделать упор на развитие показавших эффективность и устойчивость малых и средних частных компаний, имеющих научно-инженерный задел, и создать программу их «размножения» и «акселерации» (из малых в средние, из средних в крупные), в том числе содействовать развитию их производственной инфраструктуры;
- 3) увязать разработки нового технологического оборудования, с одной стороны, с развитием новых продуктов и отраслей, а с другой стороны — новых материалов и цифровых платформ;
- 4) предусмотреть комплексные программы развития спроса на отечественное технологическое оборудование (в частности, устранить причины неэффективности работ по сертификации отечественной продукции в рамках ПП № 719);
- 5) создать комплексные механизмы субсидирования и финансирования не только НИОКР по разработке нового оборудования и материалов, но и по созданию производств оборудования, его ключевых блоков и комплектующих;
- 6) поддержать проекты по развитию технологического программного обеспечения и цифровых платформ для отечественного оборудования и технологий;
- 7) провести анализ опыта реализации проектов по разработкам и производству технологического ПО в связи с деятельностью институтов развития, внести корректировки в механизмы их деятельности и правоприменительную практику, направленную на защиту частных инвестиций в НИОКР и создание производств технологического оборудования.

/ Андрей СВЕТЛОВ /

Предел прогресса и его преодоление

*Проблемы индустриализации
в эпоху цифровой глобализации*

ЛИШНЯЯ БУКВА В BRIC

Экспортно-сырьевая экономическая модель России достаточно хаотично сложилась в 90-е годы, когда в процессе распада советского экономического пространства и соответствующих ему цепочек создания добавленной стоимости экономические связи стремились замкнуться на внешние рынки, на которых предприятия могли найти устойчивый платёжеспособный спрос. Проще всего такой спрос было найти на сырьё в силу того, что поставщик сырья или полуфабрикатов низкой глубины переработки — всегда крайний в цепочке и не требует её существенной перестройки. В стране, которая была в долгах и критически зависела от притока твёрдой валюты, именно экспортно-сырьевой сектор стал «кормильцем».

Когда в США, после краха финансового пузыря «доткомов» в начале 2000-х, случилось своё «потерянное десятилетие», потраченное на «войну с терроризмом», афганскую и ближневосточную авантюры, сырьевой сектор стал очень хорошим «кормильцем». Мягкая денежная политика, которой ФРС «откачивала» американский финансовый сектор после того, как биржевой индекс технологических компаний NASDAQ «сложился» в пять раз за пару лет, приводила к тому, что финансовый капитал в поисках лучшей доходности уходил из США. Американский фондовый рынок, выраженный в тройских унциях золота, — это выражение позволяет оценить в сопоставимых величинах долгосрочные циклические тренды, — продолжал падать и после того, как с середины первого десятилетия XXI века он начал восстанавливаться по долларовому номиналу, потому что доллар неуклонно слабел как к золоту, так и ко всем основным мировым валютам. В то же время поток американского капитала, уходившего из родной экономики, породил экономический бум в странах с незавершённой урбанизацией, способных предложить капиталу дешёвую рабочую силу.

Именно этот американский финансовый поток стал причиной бурного роста в начале 2000-х Китая, Индии и Бразилии, в компанию к которым финансовые аналитики Уолл-стрит затем произвольно определили и Россию, создав ставшую модной тогда аббревиатуру BRIC. Этот мем стал настолько модным, что домопощенные российские геополитики пытались одно время на его основе строить утопические концепции глобальной политики, противопоставляя блок развивающихся стран BRIC «умирающей» империи доллара». Это было вдвойне глупо. Во-первых, потому что BRIC (Бразилия, Индия, Китай) поднялись на созданном финансовой системой США американском платёжеспособном спросе, который был обратной стороной для созданного финансовой же системой США инвестиционного капитала и кредита, пришедшего в эти экономики. Во-вторых, потому что Россия в этой компании — страна даже не вторичная по отношению к процессу распределения американских финансовых потоков, а третичная. Американский спрос ускорял экономический рост Китая, и, как следствие, китайский спрос на сырьё, порождённый ростом Китая, уже поднимал глобальные цены на сырьё и на российский экспорт. Конечно, дополнительным положительным фактором для сырьевого рынка тогда стала американская внешняя политика, на время убравшая Ирак с рынка нефти, но этот фактор был хотя и важным, но второстепенным.

В 2008 году описанная выше финансовая модель стимулирования роста периферии глобальной экономики через финансовую накачку американского ядра и финансирования аутсорсинга перестала работать. Модель «вы — работаете, мы — только потребляем и оказываем вам финансовые услуги», очевидно, не может работать бесконечно при сохранении хоть сколько-то приемлемого для США отношения национального ВВП к глобальному. Не может просто потому, что для поддержания равновесия в такой модели стоимость фи-

нансовых услуг и транзакционные издержки должны расти бесконечно и в финансовой системе неизбежно образование «пробок» в виде слишком сложных цепочек секьюритизации активов. Формальной причиной финансового кризиса 2008 года называют очередную финансовый пузырь, надувшийся тогда в США на дешёвом ипотечном кредитовании. Фактической же причиной стало падение рентабельности аутсорсинга и вывоза американского капитала как следствие роста развивающихся экономик, которые, по мере роста, стали давать всё меньшую доходность и начали замещать иностранный капитал национальным. Этот процесс замещения наиболее активно начался в Китае, и то что раньше было глобальной периферией стало уже не совсем периферией и даже уже совсем не периферией. А американский ипотечный пузырь был лишь следствием того, что постоянно усиливающийся глобальный дисбаланс сбережений надо было чем-то компенсировать в самих США. Грубо говоря, нужно было создавать всё новые долги, которые надо было «отгружать» на балансы развивающихся стран, порождая финансовую пирамиду, обречённую схлопнуться под собственной тяжестью. Это и случилось в 2008 году.

2008 год достоин особого внимания, потому что именно он высветил принципиальное различие между странами BRIC, особенно между Россией и Китаем. Китайская экономика прошла тот кризис лишь с весьма умеренным торможением роста. Российская экономика пережила тогда худшее падение среди всех стран G20 (глобалистский формат, созданный как раз в конце 2008 года, изначально — для координации преодоления последствий американского финансового кризиса, ставшего глобальным). Именно тогда стала очевидна разница между восходящей индустриальной сверхдержавой, способной заместить в момент кризиса внешний спрос внутренним и внешние финансы — национальными, и сырьевым приложением, абсолютно зависящим

Экономические шоки мы научились выдерживать. При этом надо отметить, что амортизирующим фактором выступили международные резервы Банка России. Без них успешная антикризисная политика была бы невозможна. Учитывая их ограниченность, надо ясно осознавать, что без второй опоры — отечественного производства товаров массового спроса — длительный кризис Россия по-прежнему выдержать неспособна.

от внешнего спроса, с финансовой системой, способной лишь перепродавать дешёвые доллары в форме дорогого рублёвого кредита местным потребителям. Иной системы в России и не могло возникнуть в режиме, когда Центробанк в течение многих лет не проводил суверенной денежной эмиссии — с начала 2000-х и до 2008 года вся денежная эмиссия в России проводилась под экспортную выручку, а не в соответствии с потребностями развития экономики.

НОВАЯ ПОВЕСТКА

Кризис 2008-го поставил в России на повестку дня два вопроса. Первый — об изменении модели денежной эмиссии, которая должна быть отвязана от валютных поступлений и проводиться в соответствии с внутренним спросом на кредиты и реальными потребностями экономики в финансировании. Второй — о реиндустриализации России, хотя бы в формате импортозамещения.

Первый вопрос частично решён, хотя пути решения были тернисты и пройдены не без грубых ошибок. Наиболее ярким просчётом была политика Банка России в 2014 году, повторившая ошибки «плавной девальвации» 2008–2009 гг. Вопрос решён, в основном, благодаря созданию высоколиквидного либерального рынка ОФЗ и механизмов координации политики Банка России, Минфина и крупнейших российских банков с государственным участием. Также немаловажное значение в этих меха-

низмах имеет ВЭБ, который, не будучи формально банком, играет в финансовой системе роль вспомогательного источника ликвидности для проектов с государственным участием, причём ликвидность предоставляется за пределами традиционных регуляторных ограничений. Вопрос эффективности этого механизма в рамках данной статьи не затрагивается, констатируется лишь сам факт того, что государство к 2020 году наконец-то худо-бедно научилось «печатать» для себя деньги.

Именно благодаря перечисленным выше механизмам Россия очень успешно прошла «коронавирусный» кризис в прошлом году. Мы впервые за всю постсоветскую историю глобальных кризисов упали меньше, чем Германия, которая является нашим соседом в мировой таблице по показателю ВВП (исчисленному по паритету покупательной способности). И по прогнозам МВФ, вырастем в текущем году лучше, чем Германия, если «коллективный Запад» не помешает этому своей санкционной политикой. Этот успех был достигнут благодаря согласованной контрциклической политике правительства и Банка России, направленной на поддержку внутреннего спроса и региональных бюджетов в условиях катастрофического, беспрецедентного за всю постсоветскую историю шокового обвала экспорта.

Экономические шоки мы научились выдерживать. При этом надо отметить, что амортизирующим фактором выступили международные резервы Банка России. Без них успешная антикризисная полити-

ка была бы невозможна. Учитывая их ограниченность, надо ясно осознавать, что без второй опоры — отечественного производства товаров массового спроса — длительный кризис Россия по-прежнему выдержать неспособна.

Возрождение отечественного производства — та самая вторая задача, которая была сформулирована по итогам кризиса 2008 года в терминах «диверсификация», «импортозамещение», «создание высокопроизводительных рабочих мест». Без сильного преувеличения можно констатировать, что определённый успех в этом направлении достигнут лишь в агропроме и пищевой промышленности. Кроме того, ускорились темпы перевооружения армии и подновили инфраструктуру. А в остальном — почти всегда справедливо крыловское «а воз и ныне там». Почему? Разберём подробнее.

ЗАКОН САМООГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДНОГО РЫНКА

Производство предполагает разделение труда. Чем сложнее, «технологичнее» производимый продукт, тем «глубже» разделение труда. «Глубина» разделения труда может быть оценена как количество отдельных актов производства, производственных транзакций, которые должны быть выполнены для получения конечного продукта. Транзакция — то, что должно быть выполнено полностью. Шарикоподшипник для вала двигателя автомобиля должен быть сделан полностью. Его изготовление — производственная транзакция, заканчивающаяся контролем качества изделия. Шарикоподшипника также должны быть сделаны полностью, иначе подшипник не будет изготовлен. Это — предшествующая транзакция. Легированная сталь для подшипника должна быть выплавлена в заготовку, из которой будут выточены детали. Для стали должно быть добыто сырьё. И т.д. Это — пример того, что финансисты называют «цепочкой создания

добавленной стоимости». Потому что каждая производственная транзакция — это создание цельного компонента, который может быть оценен с точки зрения всех издержек и имеет большую ценность, чем то, из чего он сделан. Соответственно, с коммерческой точки зрения компонент должен стоить дороже, чем составные части, трудозатраты, энергозатраты и прочие затраты на его производство.

Помимо чисто производственных транзакций есть транзакции, связанные с разработкой технологий, доведением продукта до конечного потребителя и огромное множество других, связанных друг с другом процессов, имеющих смысл лишь в контексте существования друг друга. Умирает что-то одно — страдает весь комплекс. Если в экономике умрёт производство кузовов автомобилей, производители автомобилей должны будут включать импортное звено в свой полный цикл производства, увеличивая свои логистические издержки и валютные риски. Как правило, это ужесточает

конкуренцию, и если они к этому не готовы, умирают и они, и упадок высокотехнологичных производств может в ситуации утраты рынков сбыта принять лавинообразный характер, охватывая смежные отрасли, а в ситуации тяжёлого кризиса — всю экономику, что приводит в итоге к утрате самих этих производств, культуры производства, кадровой базы, системы подготовки кадров и в итоге — к упадку системы научно-технического образования.

Именно это и пережила Россия в 90-е годы. Восстановить утраченное, а тем более воссоздать на передовом современном уровне — объективно гораздо сложнее, чем создать адекватную потребностям государства финансовую систему. Сектор финансово-банковских услуг структурно гораздо проще современного высокотехнологичного производства.

Главная финансовая проблема тут в том, что длинная цепочка создания добавленной стоимости требует «длинных денег», то есть долгосроч-

ного и устойчивого финансирования по предсказуемой и приемлемой цене кредита. Почему? Это очень просто.

Каждой производственной транзакции соответствует финансовая транзакция, которая финансирует производственную. У каждой финансовой транзакции есть риск и цена риска, которая включается в стоимость денег. При этом есть категории риска, которые включаются в любой кредит. Например, «страновой» риск, связанный с общим состоянием долгового рынка и эффективностью бюджетной политики, отражается на всём кредите в экономике. Если в цепочке создания добавленной стоимости есть трансграничные операции, добавляется валютный риск. Валютный риск связан, в свою очередь, с политическими рисками, рисками внешней торговой конъюнктуры и многими другими факторами. Есть риски качества деловой среды, включая качества защиты собственности, арбитража при решении хозяйственных споров и т.п. Есть конкретные риски конкретного

производителя компонента. Есть риски изменчивости спроса, специфические как для внутреннего, так и для внешнего спроса. Есть, наконец, финансовые риски, связанные с самим источником финансирования, из-за которых стоимость фондирования производственных цепочек может меняться.

Со всеми этими рисками существует одна большая проблема: они, в отличие от стоимости, растут по всей цепочке создания добавленной стоимости не по принципу арифметической суммы. Если затраты на производство продукта включают в себя помимо издержек на изготовление продукта просто сумму стоимости произведённых компонентов, и так — по всей цепочке создания добавленной стоимости, то с рисками всё иначе: они складываются, по сути, по закону сложения вероятностей, и если где-то возникает высокий риск, он немедленно транслируется на всю цепочку, что ведёт к резкому росту стоимости финансирования каждой транзакции. Удорожание кредита, связанное с повышением риска для одного производителя компонентов, немедленно перекладывается

на весь процесс, даже если другие финансовые условия не меняются. Например, волатильность валютного рынка транслируется на весь процесс, даже если в процессе есть всего одна импортная комплектующая. Если их много, волатильность усиливает своё влияние на ценообразование так, что требует значительных издержек на страхование валютных и финансовых рисков. А кто это сделает, если никто не контролирует от начала до конца всю цепочку? Производитель конечного продукта? Но его собственная рентабельность и активы просто не позволят ему взвалить на себя такую финансовую ношу, соответствующую всей цепочке.

Если понимать суть изложенного выше механизма лавинообразного роста финансовых рисков при финансировании высокотехнологичных производств в зависимости от роста сложности технологий, становится ясна простая истина: если к планированию высокотехнологичного производства не добавляется финансовое планирование, которое гарантирует финансирование и сбыт на каждом этапе создания каждого компонента, сложное производство в условиях вы-

сококонкурентного рынка становится слишком рискованным, а потому — неконкурентоспособным.

Отсюда следует простой закон самоограничения рыночной конкуренции, о котором вам не расскажут верующие в Невидимую Руку Свободного Рынка и её пророка Адама Смита: все высокотехнологичные производства, стремясь контролировать риски, организуются в достаточно замкнутые финансово-промышленные группы, которые, в свою очередь, создают на глобальном рынке олигополии, подавляющие слабых и менее организованных конкурентов. Посмотрите на любой сегмент рынка высокотехнологичных товаров, и вы найдёте на нём лишь единицы глобальных брендов, которые делят рынок. Производители видеопроцессоров — AMD и NVIDIA. Производители центральных процессоров — AMD и Intel. Производители накопителей — Seagate, Western Digital и ещё парочка помельче. Производители операционных систем: Apple, Google, Microsoft. Производители мобильных устройств: Apple, Samsung и ещё пара-тройка крупных азиатских брендов, — контролирует в сумме 95% рынка.

Часто одни и те же корпорации успешны в нескольких сегментах, потому что стремятся к полному контролю всего корпоративного цикла производства и сбыта. Так, Apple разрабатывает и сами устройства, и операционные системы к ним, платёжную систему и коммерческую экосистему для них, которая сейчас уже превратилась в основной источник финансирования корпорации, ставшей с некоторых пор нетто-кредитором. Компания имеет собственную фирменную сбытовую сеть, хотя продаёт и через сторонний ритейл, а недавно они решили прийти на рынок процессоров, чтобы начать создавать себе и элементную базу. Они контролируют весь путь своей продукции к потребителю, потому что это слишком важно для их высокотехнологичной продукции, чтобы отдавать это на волю «свободного рынка».

Производители самолётов Boeing и Airbus контролируют львиную долю рынка гражданских самолётов, причём конкурируют они друг с другом, открыто привлекая весь доступный админресурс заинтересованных в них государств. Ради них затеваются тарифные споры и разбирательства в ВТО между ЕС и США. И дело тут не просто в рынках сбыта самолётов. Дело в том, что ни одна из сторон не может себе позволить потерять отрасль самолётостроения, потому что крах такой высокотехнологической отрасли приведёт к лавинообразной технологической деградации экономической системы — слишком много на эту отрасль завязано. Поэтому стороны готовы к тому, чтобы отрасль была планомерно-убыточной, сидела на государственных субсидиях, но была сохранена. То же самое касается и «зелёной энергетики», кстати. Только недалёковидные люди могут подшучивать над тем, во сколько она обходится как бы «помешанным» на экологичности европейцам. Поверьте, европейские банкиры и чиновники не «помешанные» и знают математику не хуже любых других. Ответственные субсидии, берущиеся из налогов на потребителя, в конечном

Механизм лавинообразного роста финансовых рисков в зависимости от роста сложности технологий обуславливает закон самоограничения рыночной конкуренции: все высокотехнологичные производства, стремясь контролировать риски, организуются в достаточно замкнутые финансово-промышленные группы, которые, в свою очередь, создают на глобальном рынке олигополии, подавляющие слабых и менее организованных конкурентов.

счёте идут научным школам и целому кластеру смежных секторов экономики, поддерживая цепочки создания добавленной стоимости и развитие технологий в выбранном стратегическом направлении. И это даёт свои плоды: альтернативная генерация становится дешевле. Да, она вряд ли когда-либо станет эффективнее ядерной энергии, но материалы, созданные по ходу её развития, найдут себе применение во множестве других отраслей, а научные кадры сделают прорывы в смежных отраслях. А субсидии — это просто способ вливания денег в такую точку всего научно-технического комплекса, в которой деньги дадут максимальный мультипликативный эффект, наилучшим образом снизив риски по всей системе. Так, дав в правильное место своей экономической системы десяток миллиардов евро в год, можно сэкономить сотню миллиардов в год, например, на стоимости страхования валютных рисков при покупке иностранных компонентов. Не говоря о том, что по ходу дела это создаёт рабочие места и финансирует развитие технологий.

Это называется «осознанная государственная финансово-промышленная политика».

Множество небольших производителей и высокая конкуренция — это признаки рынка сравнительно простых в производстве товаров. Таким рынком является, например, рынок пищевых продуктов. Однако и там есть свои риски, связанные, например, с обслуживанием импортных упаковочных линий. Но для всей созда-

ваемой там добавленной стоимости эти риски сравнительно невелики, и производители их легко «тянут» сами. Именно поэтому импортозамещение в пищевой промышленности достаточно просто, и оно идёт. А вот импортозамещение в сфере, например, производства процессоров или сложных ИТ-продуктов — это совсем другое, более сложное дело, требующее непосредственного и чуткого участия государства. Если, конечно, государство реально имеет цель добиться успеха в этих производственных сегментах.

РЫНОЧНЫЙ ПРЕДЕЛ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Подведём промежуточные выводы:

1. На любом свободном рынке по мере роста сложности производства и удлинения цепочек создания добавленной стоимости возникает фундаментальный предел роста сложности производства из-за лавинообразного роста финансовых рисков и, как следствие, роста стоимости финансирования и транзакционных издержек.

2. Достижение предела сложности останавливает рыночно оправданный научно-технический прогресс.

3. Следствие 1 из пункта № 2: при прочих равных больший рынок может естественным образом поддерживать научно-технический прогресс дольше, и это и есть главный драйвер процесса глобализации, который суть — процесс создания

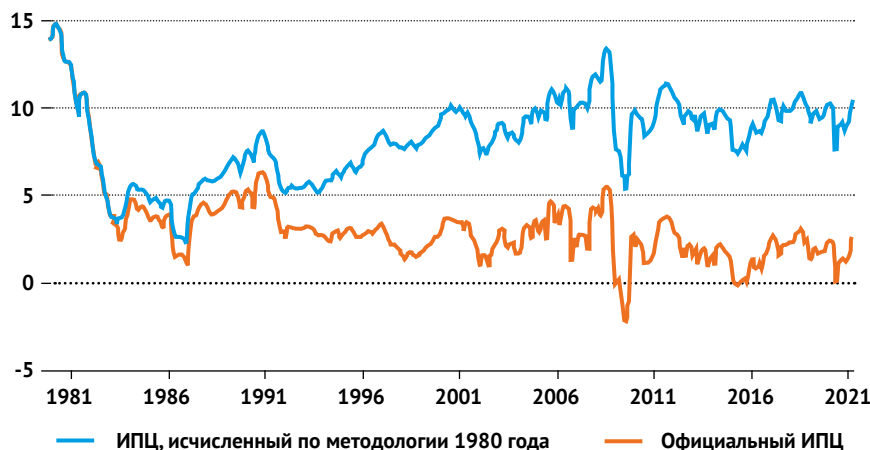

График 1.
Сравнение официального индекса потребительских цен (ИПЦ) в США с альтернативным ИПЦ, исчисленным по старой неизменной методологии, % год к году.

максимально большого по объёму свободного рынка.

Сильные рынки поглощали слабые в ходе колониальной и империалистической экспансии в последние столетия, и это — естественный процесс глобального роста в рамках свободно-рыночных механизмов. Поглощали просто в силу того, что обеспечивали технологическое и, как следствие, военное превосходство участникам сильных рынков.

Однако увеличение масштаба рынка увеличивает транзакционные издержки, а увеличение масштабов влияния субъектов друг на друга увеличивает различные риски. При прохождении некоей точки оптимума свободный рынок должен фрагмен-

тироваться либо снова по географическому принципу (обратный рост протекционизма), либо по картельному принципу (когда лидеры рынка гласно или негласно делят его).

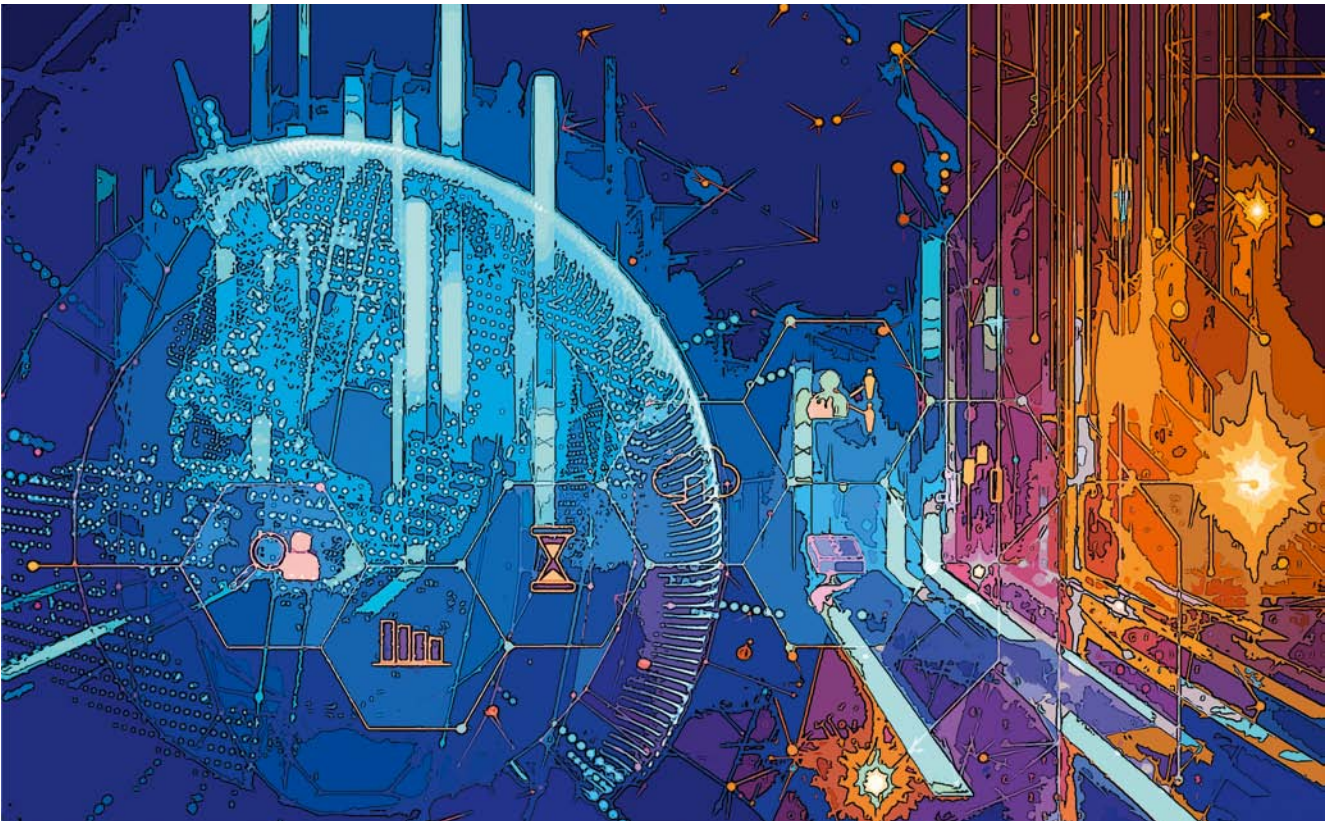
4. Следствие 2 из пункта № 2: прогресс может продолжаться в условиях той или иной формы ограничения свободного рынка при условии эффективного планирования и перераспределения ресурсов в развивающиеся отрасли.

Предельной формой такого ограничения свободного рынка можно считать советскую модель государства-суперконцерна, в котором была принята первая в истории попытка реализовать полное финансово-промышленное планирование всех произ-

водственных процессов и сбыта. Оценка результатов этого исторического эксперимента выходит за рамки этой статьи, но стоит отметить, что «нерыночный» СССР несколько десятилетий успешно конкурировал в жизненно важных отраслях с гораздо большим по совокупным доступным ресурсам рынком развитых капиталистических стран, объединившихся в ГАТТ (впоследствии ставшим ВТО) после Второй мировой войны. Также методы планирования, используемые в СССР, были взяты на вооружение японскими, а затем и корейскими корпорациями, сформировавшими на их основе финансово-промышленные группы («кэйрэцу» и «чеболи»), долгое время служившие ядром соответствующих экономик, обеспечив им бурное развитие в период stagflationного кризиса 70-х годов в США, когда американская экономика, упёршаяся в естественные ограничения доступного ей рынка, переживала не лучшие времена.

На современном глобальном рынке ограничения свободной конкуренции, необходимые для поддержания требуемого для развития уровня сложности, устанавливаются либо олигополиями, либо в партнёрстве корпораций с государствами в форме протекционизма, реализуемого национальной промышленной политикой. При этом очевидные преимущества в проведении политики протекционизма имеют государства, контролируемые большими по капиталоемкости и по количеству потенциальных потребителей внутренние рынки. И очевидным лидером в проведении подобной политики пока что выглядит Китай. Неслучайно новая американская администрация снова подняла вопрос о необходимости «альянса демократий», необходимого для противостояния «тоталитарным режимам», и главной целью такого потенциального альянса американцы называют вовсе не Россию, а Китай. С точки зрения временного решения проблемы излишней конкуренции устремления американцев совершенно ясны: создав единый рынок с ЕС и зависимыми от них странами,

На современном глобальном рынке ограничения свободной конкуренции, необходимые для поддержания требуемого для развития уровня сложности, устанавливаются либо олигополиями, либо в партнёрстве корпораций с государствами в форме протекционизма, реализуемого национальной промышленной политикой. При этом очевидные преимущества в проведении политики протекционизма имеют государства, контролируемые большие по капиталоемкости и по количеству потенциальных потребителей внутренние рынки.

как азиатскими, так и странами Западного полушария, с единой финансово-промышленной политикой протекционизма, они создадут силу, сопоставимую с Китаем по демографическому потенциалу и превосходящую его по ресурсному потенциалу. Так, лишая Китай рынка сбыта в США и ЕС, они могут выиграть холодную войну, которую объявили ему уже открыто. Однако это — снова временное решение, возвращающее на новом технологическом уровне в уже известную историческую ситуацию, только в роли СССР теперь выступит Китай.

Кто бы ни победил в этом противостоянии, он столкнётся со всё той же проблемой: рост сложности требует роста ёмкости рынка либо роста качества финансово-промышленного планирования. В пределе — остановка прогресса либо отказ от свободного рынка.

Стоит отметить, что финансовое планирование может идти не только на стороне предложения, о чём уже много сказано в этой статье. Финансовое планирование может идти и на стороне спроса. На самом деле,

это первое, за что ухватились американцы, выходя из кризиса 70-х годов, потому что это — проще. Проще дать денег конечному потребителю, создав таким образом более высокую рентабельность для производителей, что даст им способность справляться с ростом сложности. Если СССР пытался до совершенства довести планирование предложения, США пошли по пути планирования спроса через его кредитную накачку. На выходе из стагфляционного кризиса 70-х годов в 80-е ставка долларовой фондирования от ФРС была выше 10%. Примерно за 20 лет она упала до нуля по номиналу и в существенно отрицательную область в реальном выражении, после чего с 2008 года денежная экспансия уже шла просто за счёт роста баланса ФРС. Если реальную долларую инфляцию оценивать честно, по методикам, которые использовались во времена Рейгана, без всяких «гедонистических коэффициентов» и манипуляций с дефлятором (*график 1*), то со времён краха пузыря «доткомов» инфляция в США почти никогда не опускалась ниже 5%,

а сегодня она составляет около 10% годовых при ставке ФРС 0,00–0,25% (соответствующие расчёты можно посмотреть на интернет-ресурсе shadowstats.com).

Но именно такой метод поддержания экономического роста и привёл в результате к «взлёту» Китая в ущерб реальному развитию США, о чём уже было сказано в начале статьи. Спрос стимулировался в США, но конечным получателем средств стал более конкурентоспособный производитель — Китай. Тот, кто просто «печатает» деньги, отдаёт прогресс тому, кто делает вещи. В конечном итоге он теряет возможность «печатать» деньги. Если посмотреть на структуру спроса на федеральный долг США сегодня, можно обнаружить, что основным его покупателем является сама ФРС. А финансовая игра «вы — работаете, мы — печатаем деньги и потребляем» не устраивает сегодня самих американцев, которые поняли, что слишком многое уступили Китаю. Из этого можно сделать вывод № 5, в дополнение к сформулированным ранее четырём промежуточным итогам:

5. Эмиссионное финансирование конечного спроса, которое, кстати, в США уже приняло форму прямой раздачи денег потребителям в обход даже финансово-банковской системы (транзакционные издержки которой стали слишком велики) в конечном итоге является просто формой бухгалтерской манипуляции, не решающей проблемы остановки прогресса при росте сложности. Инфляционные последствия такой политики можно скрывать за ложной статистикой, но объективное торможение прогресса и проигрыш глобальной конкуренции в ряде отраслей экономической системе с развитым государственным и корпоративным планированием скрыть нельзя. И «зелёное кейнсианство» Байдена в совокупности с его планом по обновлению обветшавшей инфраструктуры США — суть фактическое признание простой истины: чтобы стать реально богаче, надо реально работать. В краткосрочной перспективе можно украсть чужой труд, обменяв его на «сеньораж» и манипулируя денежным эквивалентом стоимости этого труда, но в долгосрочной перспективе это ведёт к поражению.

НУЖЕН КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

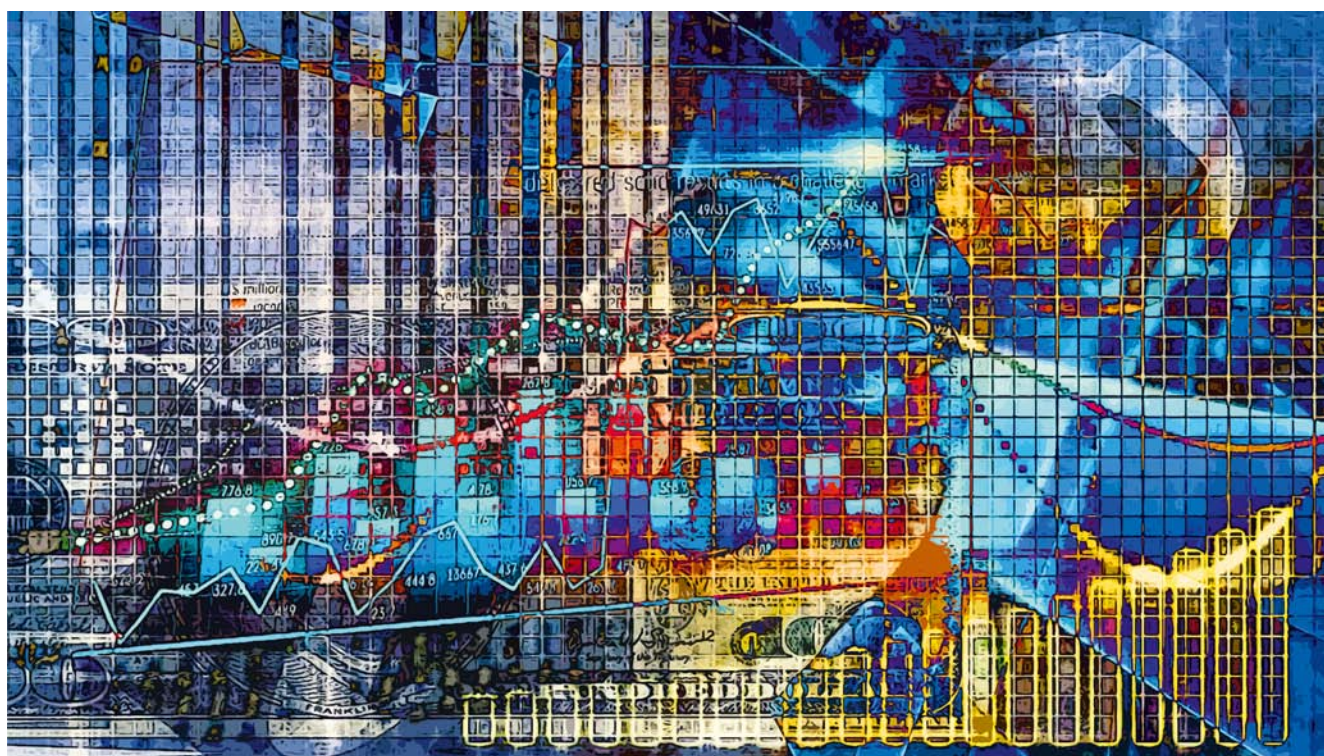
Вернёмся, однако, к нашей любимой стране, самому большому и жизнеспособному обломку СССР, который был сверхдержавой №2 во второй половине прошлого века и, не справившись со своим кризисом роста сложности управления и планирования, был поглощён и разложен более сильным рынком, что и стало финалом рыночной глобализации планеты.

Глобализация состоялась. И тут же упёрлась в глобальные ограничения «свободного рынка». На сегодняшний день кредитная накачка как метод расширения рынка для поддержания роста сложности и технологичности производств себя исчерпала. Прямое печатание денег фактически является введением «инфляционного налога» на глобальные сбережения в пользу поддержания дальнейшего технологического развития. Но обесценение сбережений вымывает средний класс и ведёт к росту социального расслоения, принимающего в глобальном масштабе уже совершенно гротескные формы. Тогда зачем и для кого прогресс?

С другой стороны, усиление планирования и государственного контроля с переходом его в глобальный контроль в пределе, весьма вероятно, спровоцирует кризис управления, подобный тому, что был в позднем СССР, только уже в масштабе всей глобальной экономики. Но при этом уже не будет никакого внешнего рынка, который поглотил бы впавшую в подобный кризис глобальную систему, что может привести к совершенно непредсказуемым и хаотичным процессам её дезинтеграции. Правда, если она сумеет законсервировать себя, нас может ждать будущее, в котором мир начнёт меняться очень медленно. Как, собственно, это и было до начала научно-технического прогресса и финансово-промышленной глобализации. Может быть, рынок породил её, рынок и убьёт её?

И как же нам в России в этой ситуации всё-таки решить проблему реиндустриализации нашей экономики, которая становится ещё более актуальной в рамках тех перспектив, которые вырисовываются при анализе существующих глобальных трендов?

Концептуальный ответ: нужно принципиально и надолго найти ре-

шение проблемы роста сложности управления производственными процессами, цепочками и соответствующими рисками. Без решения этой проблемы ни создание дешёвого долгосрочного кредита, ни регуляторные улучшения, ни улучшение пресловутого бизнес-климата, которое некоторое время считалось панацеей, не даст России никаких долгосрочных конкурентных преимуществ. Мы слишком малы рядом с гигантами, с Китаем и потенциальным альянсом «коллективного Запада», чтобы представлять из себя что-то самостоятельное на том глобальном рынке, который есть и свобода которого сокращается. И логика естественного самоограничения свободы глобального рынка не позволит нам стать рядом с ними сколько-нибудь значительными индустриальными игроками в высокотехнологичных индустриях, за исключением тех, в которых мы уже исторически заняли сильные позиции: в космической, ядерной отраслях, в производстве вооружений. Значительными игроками мы можем быть лишь там, где мы уже реально контролируем значительную долю рынка. Например, мы можем влиять на ценообразование на нефтяном рынке совместно с ОПЕК, потому что мы контролируем значительную часть добычи. Здесь мы преуспели в рамках той же картельной логики, в которой преуспевает любая другая олигополия производителей. Это всё, что нам дано на существующем, исторически сложившемся глобальном рынке.

ЭТОТ РЫНОК СЛОМАЛСЯ. НЕСИТЕ ДРУГОЙ!

Что такое рынок? Это среда, в которой осуществляются производственно-финансовые транзакции, стоимость которых сегодня растёт с ростом сложности, останавливая научно-технический прогресс. Кстати, многие ведь заметили определённое торможение прогресса, которое началось ещё с 60-х годов прошлого века. С точки зрения фундаментальных физических основ технологий человечество ведь всё

Глобализация состоялась. И тут же упёрлась в глобальные ограничения «свободного рынка». На сегодняшний день кредитная накачка как метод расширения рынка для поддержания роста сложности и технологичности производств себя исчерпала. С другой стороны, усиление планирования и государственного контроля с переходом его в глобальный контроль в пределе, весьма вероятно, спровоцирует кризис управления.

ещё эксплуатирует базовые открытия квантовой электроники того времени, и никаких новых качественных прорывов, которые могли бы быть использованы в технологическом прогрессе, с тех пор не было. Есть лишь оттачивание до новых уровней совершенства того, что было ранее.

Есть конспирологически обоснованное мнение, что прогресс намеренно тормозится некоей злокозненной глобальной элитой, которая боится, что прогресс разрушит её глобальную власть. Однако проблема банальнее: в рамках свободного рынка и сложившейся на нём в процессе развития системы кредитного финансирования прогресс естественным образом тормозится по мере роста сложности производств, и в этом процессе торможения, сопровождающегося ограничением конкуренции, в итоге устанавливается некое равновесие, в котором конкуренция снижается до минимума, в идеале — до конкуренции двух ключевых производителей (AMD против Intel, Microsoft против Google, Airbus против Boeing и т. п.), а прогресс сводится к малым улучшениям. Малым в силу того, что значительные изменения сложившихся технологических цепочек начинают нести в себе риски, несопоставимые с потенциальными прибылями от технологических улучшений.

Таков глобальный тупик, в котором мы находимся. Реиндустриализация в этом тупике даже невозможна. Она просто нецелесообразна. Если допустить, что случится какое-то глобальное политическое чудо, и в этом глобальном тупике ради нас подвиг-

нутся те, кто занимает в нём сейчас больше всего места, мы лишь несколько улучшим своё положение, но не получим перспективы развития.

Нужен выход из глобального тупика. И это вам не «привлечение прямых иностранных инвестиций», это — гораздо сложнее и интереснее. Это — создание нового глобального рыночного пространства, понимаемого как пространство эффективного проведения финансово-промышленных транзакций. В котором транзакционные издержки и риски были бы исчезающе малы по сравнению с теми, которые создают сегодня глобальный рынок и глобальная финансовая система. Это новое рыночное пространство, которое будет внешним по отношению к существующему, должно стать тем самым внешним сильным рынком, который поглотит и переверлит существующий. И оно должно быть создано на новом информационно-технологическом уровне. Его сила должна заключаться в самой новой инфраструктуре.

Одним из ключевых IT-трендов последних лет является тренд на создание интернета объектов, который должен прийти на смену повсеместно распространённому сейчас интернету сайтов, известного под аббревиатурой WWW. Переход к качественно новой архитектуре глобальной информационной сети позволит наконец-то реализовать родившуюся ещё в начале первого десятилетия XXI века концепцию капитализации информации и «больших данных». Это само по себе уже позволит на время снять ограничения на экономический рост, накладыва-

ваемые физическим спросом ограничения, которые постоянно порождали в прошлом циклические кризисы перепроизводства, а сегодня породили перманентную стагнацию, в которой рентабельность капитала стремится к нулю, и глобальная экономика находится в «ловушке ликвидности».

Интернет объектов, который объединит в себе данные об объектах и транзакции с объектами и между объектами, в том числе и финансовые, потребует изменения архитектуры денежной системы. По всей видимости, именно с этим связано то, что почти синхронно в Китае, Франции, Швеции, Британии и США центробанки анонсировали работы по созданию цифровых наличных денег, которые не следует путать с безналичными кредитными деньгами. Эта идея разрабатывается и Банком России. Это будут именно цифровые наличные, существующие в отрывке от счетов коммерческих банков, и в этом смысле только они могут быть действенной национальной альтернативой всё более расширяющейся неконтролируемой системе криптовалют, позволив включить цифровые финансовые механизмы непосредственно в цифровые экосистемы.

Роль коммерческих банков и кредитных денег снижается благодаря тому, что всё больше функций в деле финансового обеспечения экономик берут на себя центробанки. Роль си-

стем прямых платежей и соответствующих IT-технологий и стандартов будет только расти. Сейчас тот, кто контролирует SWIFT, контролирует глобальные платежи, и это даёт неоспоримые конкурентные преимущества США и ЕС, которыми они пользуются в глобальной политике. В будущем, однако, на смену SWIFT придут другие протоколы, стандарты и архитектура. В будущем платежи станут прямыми, что сэкономит экономическим агентам очень значительные издержки, которые сейчас становятся доходами банков.

В будущем не те, у кого наилучшая кредитоспособность, станут эмитентами резервных валют, а те, у кого наилучшая, наиболее технически продвинутая платёжная инфраструктура, легко встраиваемая в бизнес-процессы субъектов экономической деятельности.

Это понимание лежит в основе стремления американских IT-гигантов, таких как Facebook, разрабатывать свои электронные деньги для обращения, в первую очередь в рамках своих интернет-экосистем. IT-гиганты уже упёрлись в свои пределы роста и в свой «кризис сложности» и ищут для себя выход. Но и частно-корпоративные цифровые деньги будут лишь промежуточным решением на пути выхода из глобального тупика.

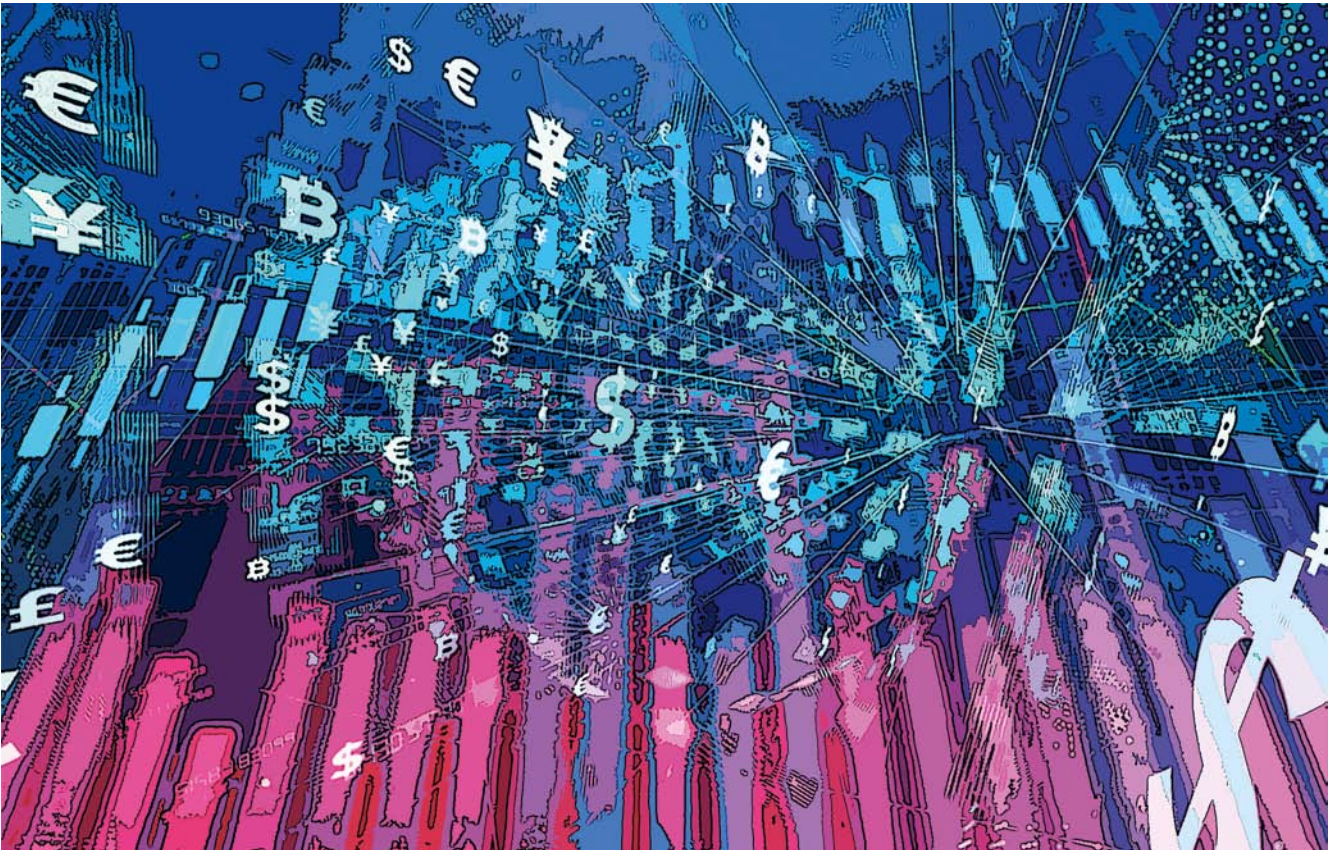
Подлинный прорыв совершат те, кто создаст сразу новую полноценную, открытую для любого экономиче-

ского субъекта объектно ориентированную среду со встроенным в неё готовым платёжным механизмом. Это — как интернет объектов, но шире. В этом интернете объектами станут не только вещи, но и потребители, и производители, и производственные процессы, и будут возможны прямые экономические транзакции между всеми этими объектами на основе так называемых смарт-контрактов, формирующихся и исполняющих транзакции в автоматизированном режиме. Это будет торгово-финансово-промышленный интернет (ТФПИ), который придёт на смену сегодняшнему, именуемому Web 2.0.

Это — окно возможностей для значительного повышения эффективности цифровых технологий за счёт создания системных IT-решений нового поколения, и это ещё и жизненная необходимость с точки зрения государственной безопасности. Сейчас критическая зависимость России от глобальных цифровых монополий, таких как транзакционная система SWIFT, от разработчиков системных решений в сфере облачных архитектур, — Amazon, Google, от глобальных социальных сетей, ставших одновременно глобальными электронными СМИ, представляет уже угрозу политическому суверенитету России. Причём не только России, но даже стране происхождения этих монополий — США, где они уже сегодня обладают властью, достаточной для критического влияния даже на такие государствообразующие политические процессы, как выборы президента. Это — глобальная проблема, решение которой на национальном уровне может стать глобальным решением.

Появилась очевидная ниша для создания нового цифрового социально-экономического пространства, в котором ограничения существующих сегодня монополистов будут преодолены. Олигополии, сложившиеся в рамках существующего глобального рынка, будут разрушены. Речь идёт о создании новой среды и набора инструментальных средств, которые позволят реализовывать сквозные

Нужен выход из глобального тупика. Это — создание нового глобального рыночного пространства, понимаемого как пространство эффективного проведения финансово-промышленных транзакций. В котором транзакционные издержки и риски были бы исчезающе малы по сравнению с теми, которые создаёт сегодня глобальный рынок и глобальная финансовая система. Подлинный прорыв совершат те, кто создаст новую полноценную, открытую для любого экономического субъекта объектно ориентированную среду со встроенным в неё готовым платёжным механизмом.

IT-проекты. Этой средой и должен стать ТПФИ, который должен прийти на смену устаревающему WWW. Реализация проекта ТПФИ позволит стране не только обеспечить национальную информационную безопасность и суверенитет, но и масштабировать решение, обеспечив себе глобальное лидерство в IT и цифровой экономике будущего, конкурентоспособность которой будет опираться на резкое сокращение транзакционных издержек, а также затрат на решение проблем кибербезопасности. Именно через это может быть преодолен кризис роста сложности (или углубления разделения труда, если угодно). Именно это нужно для того, чтобы научно-технический прогресс оставался экономически оправданным в рамках формально сохраняющихся привычных свободно-рыночных механизмов.

ТПФИ позволит перехватить управление в глобальной экономической системе на технологическом уровне, дав возможность его создателям захватить стратегическую инициативу в IT. Перехват управления

на технологическом уровне ведёт к перехвату управления финансами, поскольку деньги уже давно, утратив физическую сущность, стали лишь цифровым инструментом оформления экономических транзакций. Это необходимо для преодоления зависимости национальной финансовой системы от внешнего контроля, в том числе чисто технологического, её ликвидности — от внешнего спроса, а в целом это необходимо для обеспечения финансового суверенитета.

На сегодняшний день это — самый радикальный путь пресловутой «диверсификации экономики». Создание ТПФИ потребует создания организационно-правовых условий для запуска нового глобального интернет-сервиса. Потребуется также привлечение системного финансирования и административно-политическая поддержка. Но, самое главное, для решения этой задачи есть готовые национальные кадры. Россия сильна программистами. Становление сильной национальной IT-школы — один из немногих постсоветских успехов

нашей страны. Глупо не воспользоваться этим ресурсом для создания среды, столь востребованной в будущем для решения всех ключевых задач развития страны. Будет такая среда — будет и реиндустриализация, и диверсификация, и импортозамещение, потому что в эту среду естественным образом перетекут необходимые для всего этого ресурсы.

Лидерство обеспечивается технологиями. У России есть потенциал для решения задачи достижения лидерства в IT и в строительстве интернета объектов и платёжных систем нового поколения. Дело — за государственной волей, потому что такая задача хотя и должна решаться с привлечением основных будущих акторов разрабатываемой национальной цифровой экосистемы — крупнейших национальных провайдеров, мобильных операторов, банков, — не может создаваться как коммерческий проект в узко-коммерческих интересах. Эта задача должна решаться в рамках национального проекта создания цифровой экономики.

/ Дионис КАПТАРЬ /

Промышленный рывок: зарубежный опыт

Давайте мысленно перенесёмся в канун реформ 90-х годов в России и вспомним дискуссии о выборе пути экономических изменений. Тогда в ходу был неформальный термин «азиатские тигры», относящийся к экономикам Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга. Разумеется, говорили и о японском

чуде. Хотя с тех пор и прошло 30 лет, а старый вопрос о том, как нам создать мощную и высокотехнологичную экономику, остаётся на повестке дня. Вот и давайте посмотрим, на каких принципах основывался промышленный рывок ряда стран Юго-Восточной Азии. Быть может, их опыт окажется актуальным для России.

СДЕЛАНО В ЯПОНИИ

Начнём с Японии. Её экономика прочно ассоциируется с высокими технологиями, производством сложного оборудования, мощным автомобилестроением, а японское качество стало нарицательным термином. Так обстоят дела сейчас, так было и двадцать

цать, и сорок лет назад, но так было не всегда. Помните кинотрилогию «Назад в будущее»? Главные герои — эксцентричный изобретатель доктор Эммет Браун и его товарищ Мартин Макфлай попадают в разные исторические эпохи и выкручиваются из, казалось бы, совершенно безвыходных ситуаций. Фильм — потрясающий, но сейчас я хочу обратить внимание не на достоинства картины, а на один очень красноречивый момент в сюжете. В 1985 году доктор Браун создаёт машину времени, и Макфлай попадает на ней в 1955 год. Браун в 1955 году видит своё же изобретение, которое на тот момент он ещё не создал. Машина неисправна, а когда Браун берётся её чинить, то находит сломавшуюся деталь и говорит: «Неудивительно, что она отказала — здесь сказано «Сделано в Японии». На что Мартин, человек из восьмидесятых, отвечает: «Да ты что, док. Всё лучшее делается в Японии».

Обратите внимание, для 1955 года сделанное в Японии считалось очевидно некачественной вещью, а всего-то тридцать лет спустя, столь же самоочевидным стал факт, что японская продукция — лучшая в мире. Более того, по сюжету Мартину на тот момент было семнадцать лет, но он не застал тех времён, когда японцы выпускали плохую технику. То есть Япония не в 1985 году, а гораздо раньше вышла в мировые промышленные лидеры.

Скажут, что нельзя делать далеко идущие выводы из шутки, произнесённой в кино, однако описанное в фильме подтверждается серьёзными исследованиями и статистическими данными. Японцы в короткий срок превратили нищую, технически отсталую и разрушенную войной страну в индустриальную сверхдержаву.

Кому интересно углубиться в детали, рекомендую прекрасную работу В.В. Алексева «Очерки экономики Японии», которой я, в числе прочих источников, воспользовался для написания этой статьи.

Итак, Япония до середины XX века представляла собой полуфеодальную

страну. Социальные отношения находились на уровне XIX века, и почти половина земли обрабатывалась арендаторами, отдававшими помещикам до 60% урожая. Латифундистам принадлежала не только пашня, но и луга, и леса, и немалая часть оросительных систем. Причём численность городского населения лишь немногим превосходила 50%, а значит, ситуация в сельском хозяйстве во многом определяла и облик страны в целом. Так вот, задолго до окончания войны сельское хозяйство сильно отстало от экономических лидеров мира.

Что касается промышленности, то её перспективы представлялись совершенно в мрачном свете. В 1946 году производство не достигало и трети от показателей 1934–1936 годов. Инфраструктура была сильно разрушена американскими бомбардировками. Стратегические запасы сырья и продовольствия, сделанные во время войны, оказались разворованы и выплеснулись на чёрный рынок. Вдобавок оккупационные власти потребовали раздробить крупнейшие индустриальные объединения «дзайбацу», служившие флагманами японской экономики. Правда, японцы постарались саботировать это решение, и ключевые концерны, несколько видоизменившись, сохранились в форме предпринимательских объединений «кэйрэцу». Тем не менее следует учитывать, что во время войны заводы работали на пределе своих возможностей, а провести техническое переоснащение тогда было невозможно. В результате станки оказались мало того что изношенными, так ещё и устаревшими. Парадоксально, но этот факт имел и положительную сторону. Сама жизнь не оставляла шанса вести бизнес по-старому, и возрождение промышленности сразу началось с радикального обновления фондов.

Японцы взяли курс на создание совершенно иной структуры экономики. Речь шла не просто о возвращении к довоенным показателям, а о том, чтобы освоить новые сферы деятельности. Так, например, в 30-х годах в текстильной промышлен-

ности работало порядка 40% от занятых в обрабатывающих отраслях, а в 1959 году — только 21%. Резкий рывок произошёл в транспортном машиностроении, металлообработке, в производстве электрооборудования, химической и нефтеперерабатывающей отраслях. Быстрыми темпами развивались радиоэлектроника, бытовая техника, автомобилестроение и многое другое. По объёму промышленной продукции Япония обогнала в 1961 году Францию, в 1970-м — ФРГ, а ведь и Франция, и Западная Германия в то время тоже переживали экономический бум.

Как же были достигнуты столь феноменальные результаты? О трудовой этике японского народа сказано многое. Однако японцы и в 30-х годах отличались трудолюбием, но тогда Япония заметно уступала мировым экономическим лидерам. Значит, были и другие причины индустриально-технологического рывка в послевоенные годы. Не стоит сбрасывать со счетов американскую экономическую помощь, а также факт масштабных закупок иностранных технологий. Но решающую роль сыграла политика властей, основанная на протекционистских идеях.

Начнём с того, что государство в сотрудничестве с бизнесом разработало экономическую стратегию модернизации. В Японии не уповали на то, что некие стихийные процессы сами собой выведут страну на первые позиции. Осознанно выбрав ряд отраслей в качестве приоритетных, государство оказывало им особую поддержку. Обновление производств и создание новых предприятий получали существенные ассигнования из бюджета.

В связи с этим применялось и сейчас применяется индикативное планирование. Суть метода заключается в том, что государство сообщает обществу цели и способы их достижения, для чего и разрабатывается комплексный план социально-экономического развития страны. Правительственная программа не является предписывающей для частного сектора, но бизнес

В Японии не уповали на то, что некие стихийные процессы сами собой выведут страну на первые позиции. Осознанно выбрав ряд отраслей в качестве приоритетных, государство оказывало им особую поддержку. Обновление производств и создание новых предприятий получали существенные ассигнования из бюджета. Промышленность и аграрный сектор долгое время защищались жёсткими протекционистскими барьерами, а некоторые из них сохраняются до сих пор.

заранее получает важную для себя информацию о том, как власть видит будущее страны. Это помогает предсказать конъюнктуру рынка, то есть ситуацию в экономике на многие годы вперед. Понятно, что таким образом снижаются риски банкротств, а инвесторов и других предпринимателей подталкивают работать именно в сферах, необходимых государству.

Для этих целей в Японии существует Национальный институт прогнозных исследований и правительственное Управление экономического планирования, в составе которого находится Бюро планирования и Экономический совет. Кроме того, в разработке планов участвует Управление по науке и технологии, Министерство финансов и Министерство внешней торговли и промышленности. В Экономическом совете представлены предпринимательские, научные, профсоюзные круги и другие общественные организации. Поскольку разработки осуществляются в тесном контакте с крупным бизнесом, то кэйрэцу воспринимает планы хотя и не как жёсткий приказ, но как руководство к действию и способствуют их выполнению.

ДВА ТИПА ПЛАНИРОВАНИЯ

В нашей стране многие скептически относятся к самой идее планирования в масштабах государства. На этот счёт

действительно есть отрицательный опыт советского планирования. Мне довелось беседовать с Николаем Александровичем Паничевым, который занимал пост министра станкостроительной промышленности Советского Союза. И вот что он мне сказал о ситуации накануне перестройки.

«Мы отставали от развитых стран по конкурентоспособности, по надёжности, по качеству изделий.

Я скажу, почему: потому что система, которая была установлена после войны и существовала все эти годы — планирование от достигнутого, — не побуждала и не заинтересовывала предприятия и также субъекты страны заниматься развитием техники так, чтобы держать её на уровне конкурентоспособности.

К сожалению, было так, что если мне спланировали такое-то количество единиц оборудования, значит, уже спланировано, кому оно будет поставлено. И мы дошли до того, что к 1985 году по моей отрасли мы знали, что в промышленности установлено 6,5 млн единиц металлообрабатывающего оборудования, станков и прессов, в то время когда станочников по их обслуживанию насчитывалось всего 3,5 млн. Поэтому и производительность труда, и эффективность всей работы сдерживалась, тормозилась, и, конечно, требовались реформы»¹.

Обратите внимание на то, как Паничев объясняет причину снижения конкурентоспособности советских товаров: государство планировало не только выпуск, но и сбыт, а если сбыт гарантирован планом, то производителю нет особой нужды бороться за качество, за снижение издержек и так далее. Но японское планирование отличалось от советского принципиально. Оно было рекомендательным, а не командно-предписывающим.

Роль государства в Японии проявилась ещё и в строгом контроле над банковским сектором, благодаря чему уже в самом начале реформ удалось наладить эффективную систему кредитования предпринимателей. Внедрение нового оборудования стимулировалось специальными налоговыми льготами. Промышленность и аграрный сектор долгое время защищались жёсткими протекционистскими барьерами, а некоторые из них сохраняются до сих пор. Как отмечает Алексеев, в отдельные годы до 80% сельскохозяйственного производства регулировалось государством, которое к тому же оплачивало кооперативам порядка 30% стоимости сельхозтехники.

Политика регулирования экономических отношений находит своё отражение и в антимонопольном законодательстве. Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП) управляет конкуренцией таким образом, «что последняя обостряется в периоды экономического подъёма и переходит в сотрудничество в периоды спада, тем самым создавая благоприятные условия для новых капиталовложений в совершенствование и развитие технологии именно в тот момент, когда в этом существует необходимость, а ситуация на рынке этому препятствует»².

В 1983 году на государственном уровне был принят проект по соз-

¹ <http://www.km.ru/tv/nikolai-panichev-perestroika-ili>

² Краснов А.И. Государственное регулирование научно-технического развития Японии на современном этапе. Российский внешнеэкономический вестник, 2007, № 7 (июль). С. 12

данию промышленных парков «Технополис». По сути, речь идёт о строительстве новых городов, в которых сосредоточены научные исследования и наукоёмкая промышленность. Японцы использовали соответствующий иностранный опыт, в том числе Кремниевой долины США и новосибирского Академгородка. Роль государства в этом проекте огромна. Оно участвует в финансировании базовой инфраструктуры технополиса, предоставляет займы под конкретные научно-технические проекты, возврат которых происходит только в случае коммерческого успеха новой технологии или продукции, размещает госзаказы, в том числе относящиеся к военной сфере, стимулирует НИОКР налоговыми льготами, обеспечивает свободный доступ к оборудованию и патентам, находящимся в государственности, и т.д.³

Также заслуживает серьёзного внимания японский опыт управления ценами. Широкое применение получила практика государственных закупок сельхозпродукции по высоким ценам и последующая их продажа оптовикам, но уже со значительной скидкой. Финансирование научно-технических и инфраструктурных проектов в значительной степени осуществлялось за государственный счёт, а в сфере валютного контроля влияние государства долгое время было абсолютно определяющим. Вплоть до 70-х годов курс иены устанавливался административно. Кроме того, в Японии реализуются и государственные программы, рассчитанные на долгую перспективу. Всё это важные составляющие японского экономического чуда, послужившего ориентиром и некоторым другим странам Азии.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО ПОД РУКОВОДСТВОМ ГОМИНЬДАНА

С 1895 по 1945 г. Тайвань был японской колонией, со всеми вытекающими последствиями. Например, в отношении тайваньцев оккупационная администрация ввела ограничение на ведение бизнеса, торговля была завязана на удовлетворение запросов Японской империи и уже по этой причине развивалась однобоко. Как и положено колонии, Тайвань поставлял в основном сельскохозяйственные необработанные продукты, а закупал промышленные товары. После войны и без того не слишком развитая индустрия Тайваня получила серьёзный удар — значительная часть фондов была вывезена в Китай. А когда в 1949 году разбитые части Чан Кайши эвакуировались на Тайвань,

³ Сумская Т.В. Функционирование технополисов и технопарков за рубежом и уроки для России. Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2007. Том 7, выпуск 1. С. 19–20.

проиграв гражданскую войну коммунистам, доход на душу населения в год был менее \$100⁴. Множество местных фермеров арендовало землю в обмен на половину урожая. В общем, безрадостная картина. На острове практически отсутствовали энергоносители, да и вообще природные ресурсы, лишь четверть территории была пригодна для сельского хозяйства. Развитие портовой инфраструктуры осложнялось географическими особенностями береговой линии, не вполне удобной для строительства терминалов.

Как быть? Государство реализовало ряд программ модернизации. Опираясь на государственные инвестиции, тайваньские фермеры добились значительного роста продукции. В середине XX века рост в этой сфере составлял 14% в год⁵. Крестьяне обеспечили продовольственные запросы своего народа, а излишки пошли

на мировой рынок. Значительный сельскохозяйственный экспорт дал правительству валюту, крайне необходимую для индустриального рывка.

Как уже говорилось, потребительские товары Тайвань закупал, и руководство страны считало необходимым провести политику импортозамещения. Был введён комплекс протекционистских мер, стимулировавший предприятия лёгкой промышленности, а параллельно создавались мощные государственные корпорации, обеспечивавшие львиную долю производства промышленных изделий. Постепенно Тайвань осваивал всё более сложные отрасли: нефтехимия, литьё стали, судостроение, производство запчастей для автомобилей и т.д. Импортозамещение дополнялось политикой властей, призванной создать экономику, ориентированную на экспорт.

Соответствующие предприятия получали финансирование и различные привилегии. Кредитная сфера контролировалась административно, размер ставок по займам строго ограничивался, в результате чего промышленность получила доступ к дешёвым деньгам. Более того, инвестиционная деятельность поощрялась налоговыми льготами. Не забывало правительство и об инфраструктуре. Строились дороги, аэропорты и атомные электростанции.

Важную роль сыграли государственные научно-исследовательские центры прикладного характера, заточенные под технологические нужды производства. Общую координацию развития Тайваня осуществляли разрабатываемые государством экономические программы. Власть проводила политику импортозамещения, охватывая всё более высоко-

⁴ Иванов М.В. Экономическая политика государства на Тайване. М., 2002. С. 12.

⁵ Там же, с. 18.

технологичные отрасли. Государство внимательно отслеживало ситуацию в экономике и направляло ресурсы в сферы, наиболее зависимые от зарубежных поставок, с целью понизить роль импорта.

По сути, на Тайване сложилась модель, сочетающая плановые и рыночные механизмы. Государственный сектор играл роль локомотива, значительная часть банков управлялась правительством, и, более того, даже деятельность флагманов частного сектора регулировалась административными рекомендациями⁶. Споры нет, Тайваню сильно помогла американская поддержка, в том числе и финансовая, но для того, чтобы выйти на мировой рынок, надо было научиться выпускать соответствующую продукцию. Тайваньцы справились с этой задачей на высоком уровне.

Руководство Тайваня прекрасно понимало, что нищета населения — очевидный тормоз для экономики. Если основные средства сконцентрированы в руках узкой группы лиц, а весь остальной народ едва сводит концы с концами, то как обеспечить внутренний спрос на товары? Поэтому власть многие годы проводила политику сглаживания доходов и добилась очевидных успехов. Если в 1950 году доходы 20% наиболее богатой части общества в 15 раз превышали доходы 20% самых бедных, то уже в 1964 году этот показатель упал до 5,3 раза, а в конце 70-х годов составил и вовсе 4,2 раза⁷.

Высокие пошлины на импорт и другие протекционистские меры способствовали становлению промышленности и развитию сельского хозяйства, что, в конечном счёте, повышало уровень жизни населения, а это также стимулировало местную экономику. Таким образом, на практике опровергался неизбывный аргумент противников протекционизма, что лучше купить за рубежом более

На Тайване сложилась модель, сочетающая плановые и рыночные механизмы.

Государственный сектор играл роль локомотива, значительная часть банков управлялась правительством, и даже деятельность флагманов частного сектора регулировалась административными рекомендациями. Размер ставок по займам строго ограничивался, в результате чего промышленность получила доступ к дешёвым деньгам. Более того, инвестиционная деятельность поощрялась налоговыми льготами.

дешёвый товар, чем ограничивать импорт, заставляя население переплачивать за отечественную продукцию. Да, на первых порах своё производство нередко оказывается дороже иностранного, но в дальнейшем выгоды от протекционизма с лихвой перекрывают издержки начального этапа.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ОТ НИЩЕТЫ К БОГАТСТВУ

Ещё одной страной, воспользовавшейся японским опытом, стала Южная Корея.

В 1961 году там пришли к власти военные во главе с генералом Пак Чжон Хи. Практически сразу начались реформы, результаты которых заслуженно называют экономическим чудом. В последующие 25 лет темпы роста ВВП в среднем составили 8,5% в год, а в обрабатывающей промышленности производство ежегодно повышалось на 20%⁸. Южная Корея с успехом производит и продаёт на внешнем рынке автомобили, суда, электронику, продукты металлургии и нефтехимии, текстиль и многое другое. Стартовав с 72-го места в мире по объёмам внешней торговли, спустя всего пятнадцать лет Южная Корея вошла в двадцатку, включая страны,

экспортирующие сырьё, и это несмотря на то, что она испытала на себе особенно сильный удар во время нефтяного кризиса 1973 года.

Эти выдающиеся успехи были достигнуты в поразительно короткий срок и в неблагоприятных начальных условиях. Во время японской оккупации до 1945 года основные промышленные центры находились в северной части страны, где располагались залежи полезных ископаемых. Юг прозябал в нищете и отсталости. Корейская война 1950–1953 годов только лишь усугубила ситуацию. Внутриполитическая обстановка была нестабильна. Апрельская революция 1960 года свергла президента Ли Сын Мана, и за этим последовал период анархии, когда у власти побывали Хо Чжон, Квак Санг Хун и опять Хо Чжон.

Всё это никак не способствовало развитию страны, и когда в конце концов установилась военная диктатура Пак Чжон Хи, Южная Корея находилась в полном упадке. Однако новая власть твёрдо решила вывести страну на передовые позиции и, несмотря на неприязненное отношение к своим вчерашним оккупантам, не погнушалась воспользоваться многими наработками Японии. Так, например, в Корее почти сразу по-

⁶ Иванов М.В. Экономическая политика государства на Тайване. М., 2002. С. 44.

⁷ Там же, с. 58.

⁸ Хруцкий В.Е. Южнокорейский парадокс. М.: Финансы и статистика, 1993. С. 7.

Вот уже несколько десятилетий руководство Франции проводит политику, цель которой — создание гигантских корпораций. Именно на них сделана основная ставка, именно им государство оказывает максимальную поддержку. В 80-х годах централизация производств шла особенно быстрым темпом. И в 90-е годы Франция вошла со следующими показателями: компании с числом работников более 2000 человек составляют всего лишь 0,8% от общего количества фирм, однако на них приходится свыше 40% занятых, 53,3% валового оборота и 64,8% инвестиций.

явилось Управление экономического планирования, в составе которого основную роль играли Бюро генерального планирования, Бюджетное бюро, Статистическое бюро и Бюро мобилизации материальных ресурсов. Разработка программ развития страны осуществлялась в сотрудничестве с другими органами власти, в том числе с министерствами строительства, финансов, иностранных дел и внешней торговли. Планирование охватывало инфраструктуру, экономические показатели, ситуацию в финансовом секторе и социальные вопросы.

Государственные корпорации заняли важное место в ряде ключевых сфер экономики, и даже акционерный капитал частных банков был поставлен под контроль государства. Власть установила жёсткий режим валютного управления, в соответствии с которым предприниматель имел право импортировать товары только на ту сумму, которую он зарабатывал своим же экспортом. Исключение делалось лишь для тех проектов, реализация которых инициировалась или поддерживалась государством.

Безусловно, у корейского руководства существовали широкие возможности заставлять бизнес двигаться в тех направлениях, которые власть считала правильными и при-

оритетными для страны. Помогало государство и налаживать продажи, а само развитие экономики проводилось в соответствии с пятилетними планами. В некоторой степени это похоже на то, как управлялся СССР, но было и принципиальное отличие. Одно дело поддерживать предпринимателя в продвижении его товаров, в том числе и на мировой рынок, и совсем другое — по плану гарантировать ему сбыт.

Экономический рывок Южной Кореи неотделим от политики протекционизма. Правительство использовало широчайший набор соответствующих мер: высокие пошлины, всевозможные нетарифные барьеры, квотирование импорта, то есть административное ограничение объёмов иностранных товаров, разрешённых к ввозу, и многое другое. В свою очередь, экспорт готовой продукции всемерно поощрялся. Предприятия, осуществляющие поставки на внешние рынки, получали значительные налоговые послабления, кредиты под небольшой процент, льготы по коммунальному обслуживанию и прочие преференции. Разумеется, ввозные пошлины на сырьё были низкими. Действовал старый, но не потерявший актуальности принцип: сырьё закупай, и подешевле, свои готовые товары

продавай, а чужая промышленная продукция обложена повышенной пошлиной, в том случае, если она конкурирует с местными аналогами.

В начале реформ уровень жизни в Южной Корее был низок. Для иллюстрации процитирую крупного экономиста Ха-Чжун Чанга. Рассказывая о своём детстве, он пишет:

«Я мечтал попробовать консервированную ветчину и говяжью солонину, шоколад, печенье и многие другие продукты, названий которых даже не знал, из ящичков так называемого «С-рациона армии США» (сухой паёк для ведущих боевых действия). Мой дядя по матери, генерал корейской армии, откладывал эти продукты после совместных полевых учений с американскими коллегами и порой давал их мне. Американцы проклинали отвратительное качество своего полевого пайка. Для меня же все их продукты имели райский вкус»⁹.

По социальному положению семья Ха-Чжун Чанга принадлежала к верхним слоям среднего класса, представляете, как тогда жили те, кто беднее?

ЛОКОМОТИВ ЭКОНОМИКИ: НЕ МАЛЫЙ, А КРУПНЫЙ

Рассказывая о южнокорейских успехах, нельзя обойти вниманием такое понятие, как «чеболь» — гигантские финансово-промышленные группы, являющиеся становым хребтом корейской экономики: «Самсунг», «Киа», «Хендэ», «Эл-Джи», «Дэу», «Саньен» и другие. На практике чеболь — это конгломерат десятков дочерних фирм, инвестиционных, страховых, внешнеторговых, транспортных и прочих компаний¹⁰. Они возникли как семейный бизнес, и до сих пор в значительной степени контролируются кланами.

Сама идея концентрации производства, координации усилий и мобилизации ресурсов — отнюдь не изобретение корейцев или японцев. Кэйрэцу и чеболи — это реализация, с учётом местной специфики,

⁹ Чанг Ха-Чжун. Злые самаритяне: миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2018. С. 17.

¹⁰ Коралёв А.Ю. Роль финансово-промышленных групп в экспортно ориентированном развитии экономики Южной Кореи. М., 1999. С. 8–9.

общемировых подходов к экономике. На Западе делали то же самое. Вот уже несколько десятилетий руководство Франции проводит политику, цель которой — создание гигантских корпораций. Именно на них сделана основная ставка, именно им государство оказывает максимальную поддержку.

Ещё в далёком 1965 году компании были освобождены от уплаты налогов на увеличение капитала, потом отменили налог на операции по частичной передаче активов и по слиянию фирм. Это делалось для того, чтобы подстегнуть процесс слияний и поглощений. В 80-х годах централизация производств шла особенно быстрым темпом. И в 90-е годы Франция вошла со следующими показателями: компании с числом работников более 2000 человек составляют всего лишь 0,8% от общего количество фирм, однако на них приходится свыше 40% заня-

тых, 53,3% валового оборота и 64,8% инвестиций¹¹. Во Франции командные высоты в экономике прочно заняли промышленные группы с единым центром управления, которому подчиняются не только производственные, но и торговые, и научно-исследовательские подразделения, и, в некоторых случаях, банковские компании.

Собрав в единый кулак столь разнородные возможности, концерны смогли эффективно осуществлять внутреннее планирование своей деятельности, гибко маневрировать капиталом, перебрасывая его из малоприбыльных отраслей в более выгодные, вести агрессивную экспортную политику и так далее. Во Франции параллельно укрупнению производств шёл и процесс создания банковских групп. Всё логично — гигантским промышленным корпорациям нужны гигантские банковские структуры,

способные мобилизовать очень значительные средства и финансировать деятельность ключевых французских компаний. Таким образом, банковские и промышленные группы действуют в тесном сотрудничестве. То же самое наблюдается и в Японии, и в Южной Корее.

Разрабатывая стратегию реформ, Пак Чжон Хи и его команда исходили из принципа максимальной концентрации сил на приоритетных направлениях. Южная Корея не располагала значительными капиталами, поэтому не могла себе позволить разбрасывать и без того небогатые ресурсы по всем сферам деятельности. Каждую пятилетку государство выбирало узкий круг отраслей, которым предстояло совершить рывок, и создавало им режим наибольшего благоприятствования. Туда шли государственные средства и заказы,

¹¹ Вулянов В.В. Влияние транснациональных корпораций на процесс регулирования национальной экономики. Томск, 2000, С. 12.

валюта, административная поддержка, налоговые льготы и так далее. В этом смысле чеболи стали инструментом концентрации денег, специалистов, техники и проч.

Помните, одно время нам все уши прожужжали относительно малого бизнеса? Он и прогрессивен, и гибок, и эффективен, и вообще должен стать локомотивом российской экономики. Одновременно чего только не наговорили по поводу «неэффективности», «забюрократизированности» и «косности» предприятий-гигантов. А между тем абсурдность этих рассуждений очевидна. Да, есть такие сферы, где малый бизнес незаменим. Рестораны, торговые точки, сфера услуг и тому подобные вещи. Но как вы себе представляете реализацию масштабных проектов силами крохотной фирмы? Здесь требуются миллиарды долларов и сотни, а то и тысячи работников. Ни тем, ни другим малый бизнес не располагает, в противном случае он называется иначе. Хотел бы я увидеть небольшую фирму, выпу-

скающую по сто тысяч автомобилей, компьютеров или станков в год. Автомобили «Мерседес», «Форд», «Тойота» — это продукты малого бизнеса? Самолёты «Боинг» и «Аэробус» — собраны отцом и его двумя сыновьями в гараже? Айфоны и айпэды делают фирмы с числом сотрудников по десять человек?

Присмотритесь внимательно к известным промышленным брендам, и необязательно южнокорейским. Это гиганты, распоряжающиеся средствами, сравнимыми с бюджетами многих государств мира. Когда нам рассказывали сказки про то, как «полезно» раздробить советские крупнейшие организации, то постоянно кивали на западный опыт. Тем временем в колоссальной экономике США 60% продаж производственного сектора приходилось всего лишь на 200 компаний¹². Конечно, малые предприятия существуют не только в сфере услуг, есть они и в промышленности, но в значительной степени они живут благодаря заказам от больших

компаний. То есть локомотивами экономики являются корпорации, финансово-промышленные субъекты сверхкрупного бизнеса.

Как уже говорилось выше, Корея развивалась согласно пятилетним планам. 1962–1966 годы прошли под знаком развития производства минеральных удобрений, угольной, цементной и легкой промышленности, а также энергетики. Затем добавились нефтепереработка, строительство и чёрная металлургия. Модернизировалась, а зачастую создавалась с нуля инфраструктура промышленности и сельского хозяйства. В результате к 1976 году доля сырья в экспорте упала ниже 3% против 48,3% накануне реформ¹³. Четвёртый пятилетний план, 1977–1981 годов вывел тяжёлую индустрию страны на новые рубежи. Особое внимание уделялось экспортным возможностям создаваемых предприятий, однако возникшая ранее и уже окрепшая лёгкая промышленность также успешно завоёвывала иностранные рынки.

¹² Королёв А.Ю. Роль финансово-промышленных групп в экспортно ориентированном развитии экономики Южной Кореи. М., 1999. С. 21.

¹³ Хруцкий В.Е. Южнокорейский парадокс. М.: Финансы и статистика, 1993. С. 36.

Между тем местные производители защищались протекционистскими барьерами. Прошло почти двадцать лет с начала экономического чуда, и только тогда правительство постепенно и осторожно стало упрощать доступ зарубежных конкурентов к своему внутреннему рынку.

Построив успешную экономику, ориентированную на экспорт, Южная Корея теперь могла отстаивать принципы свободной торговли, добиваясь от других стран снижения протекционистских ограничений на пути корейских товаров.

«НЕВИДИМАЯ РУКА» РЫНКА ИЛИ ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА?

Нетрудно заметить, что накануне протекционистских реформ экономическое положение всех рассмотренных стран было куда более тяжёлым, чем сейчас в России. Одной из главных проблем «азиатских тигров» долгое время оставался поиск валюты. Приток долларов можно было бы обеспечить экспортом промышленной продукции, но для создания передовой промышленности сначала требовалось закупать технологии, то есть уже иметь доллары. А их не хватало именно потому, что не было мощной конкурентоспособной промышленности. Вот такой «заколдованный круг». Чтобы из него выйти, приходилось брать кредиты за рубежом, экономить каждый цент, продавать сельхозпродукцию.

Япония, Тайвань и Южная Корея не обладают колоссальными запасами стратегически важных видов сырья, которыми владеем мы. Если им приходилось и приходится сейчас расходовать огромные средства на закупку сырья, то Россия, напротив, зарабатывает на соответствующем экспорте.

Тем не менее промышленно-технологический рывок Японии, Тайваня и Южной Кореи — неоспоримый факт. Значит, протекционистский подход в умелых руках способен оказывать благоприятное воздействие на экономику, преодолевая негативный фактор сырьевого дефицита.

Отметим, что роль государства во всех трёх случаях была определяющей. Оно занималось масштабными инвестициями, защищало внутренний рынок, определяло приоритетные направления модернизации в частности, и осуществляло регулируемую функцию в целом. При некотором внешнем сходстве с методами советского социализма налицо и принципиальное различие. Частный бизнес не запрещался, напротив, поддерживался государством, а рыночная конкуренция не устранялась как фактор экономического стимулирования. Вместе с тем руководство Японии, Тайваня и Южной Кореи не следовало и абстрактной доктрине «невидимой руки рынка».

Принципиально схожие механизмы широко использовались и в случае послевоенных «экономических чудес» стран Западной Европы. Характерно, что период западного подъёма совпал с процессом усиления роли государства. Цифры статистики говорят сами за себя. Доля государственных расходов в ВВП росла и достигла к 1980 году 42,9% в ФРГ против 30,7% в 1961 году; 43,0% во Франции против 33,7%; 60,4% в Нидерландах против 35,0%; 42,8% в Британии против 30,7%. Даже в такой либеральной стране, как США, отмечалась аналогичная тенденция, хотя и в ослабленной форме: 33,1% против 29,7%. В США «государственный сектор так или иначе поддерживает нормальное функционирование более половины американской экономики»¹⁴.

А рекорд принадлежит Швеции, у которой в 1980 году государственные расходы достигли 63,2% от ВВП против 31,0% в 1961 году. Несмотря на последующую волну неолиберализма, в конце 90-х годов доля государственных расходов в ВВП Германии составляла 49,7%, Италии — 50,1%, Франции — 54,8%, Бельгии — 55,0%¹⁵. В середине 80-х годов 90% всех ресурсов банковско-кредитных учреждений Франции принадлежало государственным банкам¹⁶.

Даже в XXI веке германскому государству принадлежало около 99% сооружений железнодорожной сети и предприятий водоснабжения, порядка 95% портовых сооружений, оборудования водных путей, городского транспорта и почти 80% автомобильных дорог; практически вся добыча бурого угля, производство электроэнергии на атомных электростанциях, 75% выплавки алюминия, около 50% добычи железной руды, свинца, цинка и производства легковых автомобилей, свыше 30% предприятий судостроительной промышленности¹⁷.

Крупный государственный сектор сохраняется и в Италии, а Британия, хотя и считается инициатором неолиберализма, всё равно широко практикует государственно-частное партнёрство. Отмечу и то, что правое правительство Швеции, пришедшее к власти под лозунгом сокращения государственного участия, в конце 70-х спасло обанкротившуюся судостроительную промышленность, проведя национализацию¹⁸.

Таким образом, практика показала, насколько неверно считать, будто бы только развитие частного сектора и только частная форма владения собственностью являются залогом экономического процветания.

¹⁴ Джеймс К. Гэлбрейт. Какова американская модель на самом деле? Мягкие бюджеты и кейнсианская деволуция. «Логос», 2003, № 2 (37). С. 21.

¹⁵ Черников Г.П., Черникова Д.А. Европа на рубеже XX–XXI веков: Проблемы экономики. М.: Дрофа, 2006. С. 25.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Чанг Ха-Чжун. Злые самаритяне: миф о свободной торговле и секретная история капитализма. — М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2018. С. 121.

/ Маринэ ВОСКАНЯН /

Труд **и новая** **индустриализация**

ЧТО ЗНАЧИТ ТРУД СЕГОДНЯ?

Сегодня в российском обществе понятие «труд» как созидательная деятельность во многом утратило своё значение. Всё меньше труд ассоциируется в сознании людей и с самореализацией. В итоге труд утрачивает смысл как творчество, создание нового, преобразование мира вокруг себя, превращаясь в ненавистную рутину. Это происходит, в частности, ещё и потому, что работники чаще всего отчуждены от результата своего труда, они не чувствуют и не видят никакого результата своей деятельности — поскольку очень большое число россиян не занято в непосредственном производстве чего-либо, а так или иначе встроено в цепочки перепродажи импортных товаров. Активное развитие собственной промышленности и сельского хозяйства способно решить не только вопросы экономического роста и дать людям полноценные рабочие места, но и включить ресурс осознанного труда и понимания своей роли в общем деле, «сотрудничества» с обществом и государством.

Однако сегодня всё чаще можно встретить точку зрения, что в связи с принципиальными изменениями в социуме, вызванными, главным образом, влиянием информационных технологий, постиндустриализма и глобализации, характер трудовой деятельности человека радикально меняется, что человеческий труд всё менее будет связан с индустриальной сферой, как технически, так и психологически. Одним словом, что позитивная связь труда и индустриального развития, когда именно промышленность является основным поставщиком рабочих мест, осталась в XX веке. А сейчас большая часть населения будет занята, в основном, в сфере услуг либо окажется в ситуации выживания с нестабильными временными заработками. И уже в обозримом будущем даже занятых в третьем секторе серьёзно потеснят достижения цифровизации и роботизации.

Эти тенденции особенно заметны в России, живущей всё постсоветское время в условиях деиндустриализации.

ТРЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТРУДА

Деиндустриализацию сегодня модно считать не проблемой, а якобы естественной для развитых стран ситуацией, поскольку эти страны перешли к постиндустриальному укладу. Постиндустриализм предполагает, что на современном этапе развития материальное производство не является чем-то важным, а основу экономики развитых стран должны составлять услуги, информационные сервисы, освоение виртуальных пространств.

Но эта теория — родная сестра аналогичной идеи финансового капитализма, в котором капиталы увеличиваются без всякой связи с реальной экономикой, за счёт спекулятивных и манипулятивных операций на финансовых рынках. А всё это в целом возможно только в мире глобализации. Но тут-то и кроется подвох. Ведь в странах, где ведущим сегментом экономики является «третий сектор», сфера информации, услуг, управления, знаний и инноваций, сокращение производства отнюдь не означало сокращение потребления. Просто промышленность выводилась в другие регионы мира, что типично для глобализированной экономики. Теоретически страна может и на все 100% сосредоточиться исключительно на производстве интеллектуального и сервисного продукта (и пресловутой «цифры»), но её граждане по-прежнему нуждаются в одежде, предметах быта, автомобилях и прочих материальных ценностях. Сейчас большая часть материального производства из развитых стран переместилась на мировую периферию. В результате миграции промышленных производств в государства третьего мира западные страны медленно, но верно теряют

свой производственный потенциал и число граждан, занятых в реальном секторе, а развивающиеся страны тем временем индустриализируются. При этом теряют они не только физические ресурсы производства — заводы и станки, но и квалифицированных специалистов — инженеров и рабочих, поскольку их навыки становятся не нужны.

Сторонники глобализации считают такую потерю инженерно-промышленного трудового ресурса нормальной. Пусть переqualифицируются, идут в ту же сферу услуг. Займутся интеллектуальным, творческим трудом, будут производить знания. Но в случае с Россией эта заведомо ложная идея оказалась вдвойне деструктивна.

Если осознанный переход к постиндустриальной экономике самых развитых зарубежных стран ещё объясним тем, что они являлись главными бенефициарами глобализации (хотя сегодня и они столкнулись с негативными последствиями такого выбора), то разрушение и деградация промышленного потенциала России произошли исключительно в ущерб собственной стране. Население России вовсе не попало в результате в прекрасный постиндустриальный мир услуг и сервисов. Часто в красивых рассказах о «преодолении индустриализма» постиндустриальная эпоха предстаёт в привлекательном образе — с большой долей интеллектуальной добавленной стоимости, соответственно, творческого труда и работников, чей главный капитал — знания, с растущим значением сектора услуг, с большей кастомизацией и вниманием к потребителю. Но в российской реальности вместо расширения сегмента дизайнеров, программистов и консультантов, что обещают теории о «креативном классе», мы видим только рост числа низкооплачиваемых курьеров, охранников и продавцов в торговых центрах, труд которых в обозримой перспективе будет автоматизирован, а люди — сокращены за ненадобностью.

ОБЩЕСТВО И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРОФЕССИИ: СЛОЖНОСТЬ ИЛИ ПРИМИТИВИЗАЦИЯ?

Именно в сфере труда сегодня чётко прослеживаются негативные последствия постиндустриализма для стран, так к нему стремившихся. «Эмиграция» производств означает, что исчезает класс квалифицированных рабочих, инженеров и технических специалистов, который исторически составлял в развитых странах важную часть среднего класса. Люди, занятые в промышленном производстве, — это часть культуры страны и народа, понимаемой в широком смысле. И потеря таких специальностей — это не только ущерб для экономического многообразия, это ущерб для общества, которое утрачивает свою сложность, для технической культуры.

Когда, с одной стороны, на производстве всё больше функций выполняет автоматика, а с другой стороны — масса примитивных операций отдаётся на аутсорсинг сторонним исполнителям, зачастую мигрантам — дешёвой рабсиле, то распадается такая важная общность, как коллектив предприятия, где все — от руководителя до инженера и до уборщицы — чувствуют свой вклад в результат, в появление продуктов производства. В условиях, когда промышленное производство

не считается самоценным, а критерием его выживаемости становится лишь голая финансовая эффективность, неминуема текучка кадров, смена как персонала нижнего уровня, так и руководства, что приводит к отчуждению, а господствующим отношением ставится безразличие. Предприятие воспринимает персонал как легко заменяемый ресурс, аналогичным образом работники относятся к предприятию. Утрачиваются традиции многолетней работы на одном предприятии, а они исключительно важны — ведь именно в этом случае возможен полноценный институт наставничества, передачи опыта.

И восстановить всё это в одночасье не получится. Пандемия коронавируса и закрытие границ, разрыв мировых цепочек поставок показали, как легко с экономикой сервисов, утратившей реальные производства, оказаться без самого необходимого, если не производишь это сам на своей территории, а ещё хуже — утратил даже и навыки, как это делается.

Кроме того, промышленный сектор является сферой, где можно обеспечить чёткое соблюдение трудовых прав, чёткое планирование рабочего времени. Сегодня и промышленные предприятия с недобросовестными владельцами зачастую пытаются уменьшить объём социальных обязательств перед работниками, но всё же отсутствие оплачиваемых

отпусков и больничных, простые процедуры увольнения и вообще работа не по ТК, перевод работников на временные трудовые договоры и даже в форме ИП, гонорарная оплата за труд и т.п. массово характерны не для промышленных предприятий, а для малого и среднего частного бизнеса. При этом некоторые «продвинутые» российские предприятия научились обходить соблюдение предусмотренных ТК обязательств перед работниками через механизм аутстаффинга, когда людей нанимает на работу одно предприятие, а фактически они выходят на работу на другом, не имея к нему юридически никакого отношения.

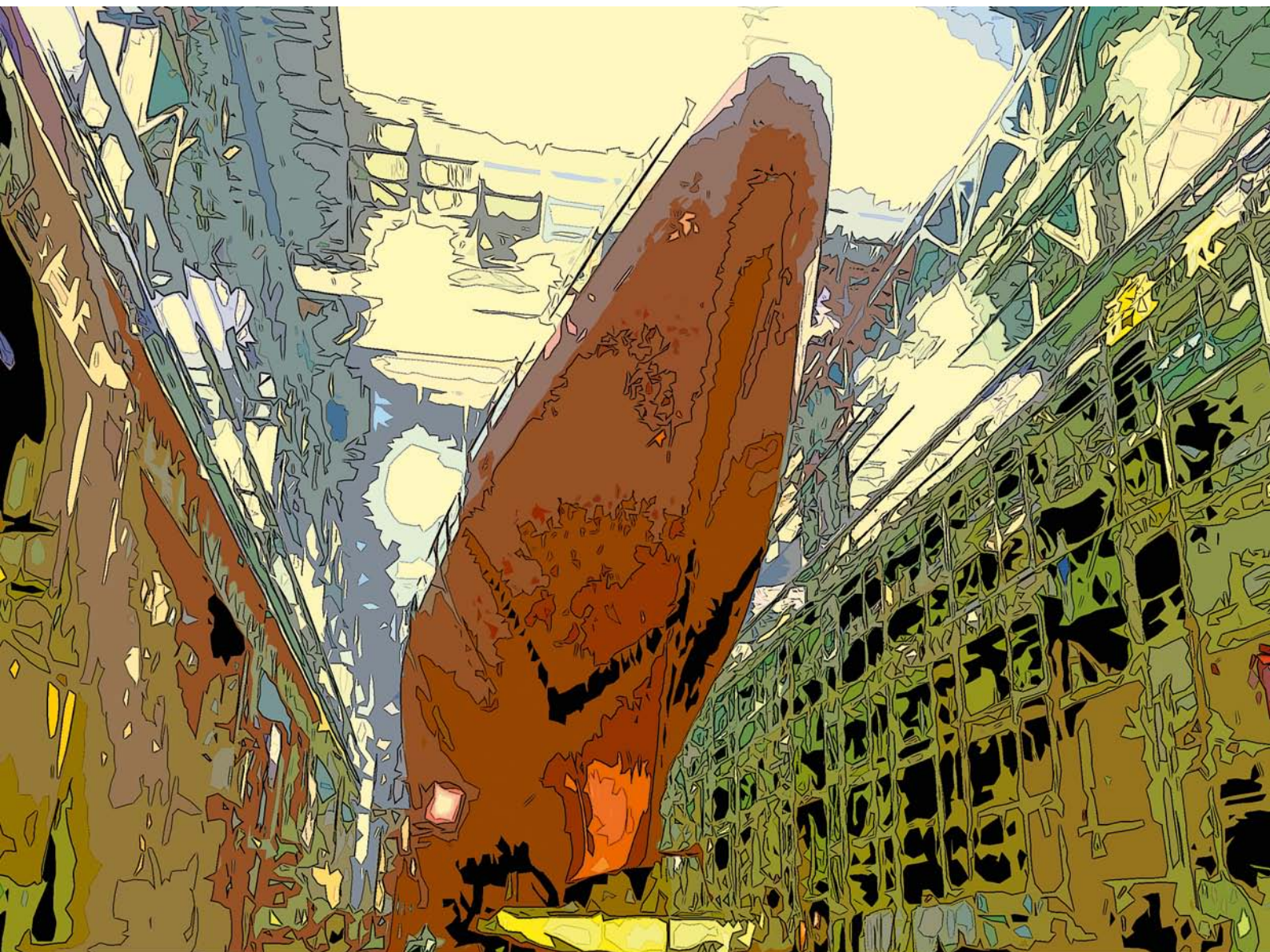
Аутстаффинг — лишь один из признаков так называемой прекаризации труда россиян, то есть размывания схем взаимодействия работника и работодателя, гарантировавших работнику соблюдение его базовых трудовых прав. На Западе о прекаризации общества говорится давно, и относят к классу «прекариев» фактически всех, кто не имеет постоянной занятости и стабильного дохода, трудового контракта и социальных гарантий, обеспеченных работодателем и государством, а говоря просто, «перебивается» нестабильными заработками. Термин «прекариат» введён Пьером Бурдьё и происходит от английского слова precarious, которое означает «неустойчивый, ненадёжный, угрожающий».

Деиндустриализации России в пользу спекулятивного финансового капитализма, как и в других странах, неизбежно повлекла за собой прекаризацию населения, которая полным ходом продолжается и сегодня.

ПРЕКАРИАТ ВМЕСТО КРЕАТИВНОГО КЛАССА

2000-е годы, с высокими ценами на нефть, создали на некоторое время для достаточно большого числа россиян иллюзию успешной жизни, несмотря на деиндустриализацию.

«Эмиграция» производств означает, что исчезает класс квалифицированных рабочих, инженеров и технических специалистов, который исторически составлял в развитых странах важную часть среднего класса. Люди, занятые в промышленном производстве, — это часть культуры страны и народа, понимаемой в широком смысле. И потеря таких специальностей — это не только ущерб для экономического многообразия, это ущерб для общества, которое утрачивает свою сложность.

Особенно это касалось как раз тех, кто занят в секторе нематериальных услуг — торговля, менеджмент, финансы, информационные технологии, креативные проекты в сфере отдыха и развлечений. По всей России миллионы людей оказались на офисной работе, с доходами, вполне позволявшими считать себя средним классом. Поток нефтяных денег маскировал ущербную структуру экономики, которая сложилась в России, а рост благосостояния на фоне ещё не забывшихся 90-х, казалось бы, не давал поводов думать, что что-то идёт не так. Но все, кто был способен видеть картину экономики в целом, даже тогда предупреждали — пу-

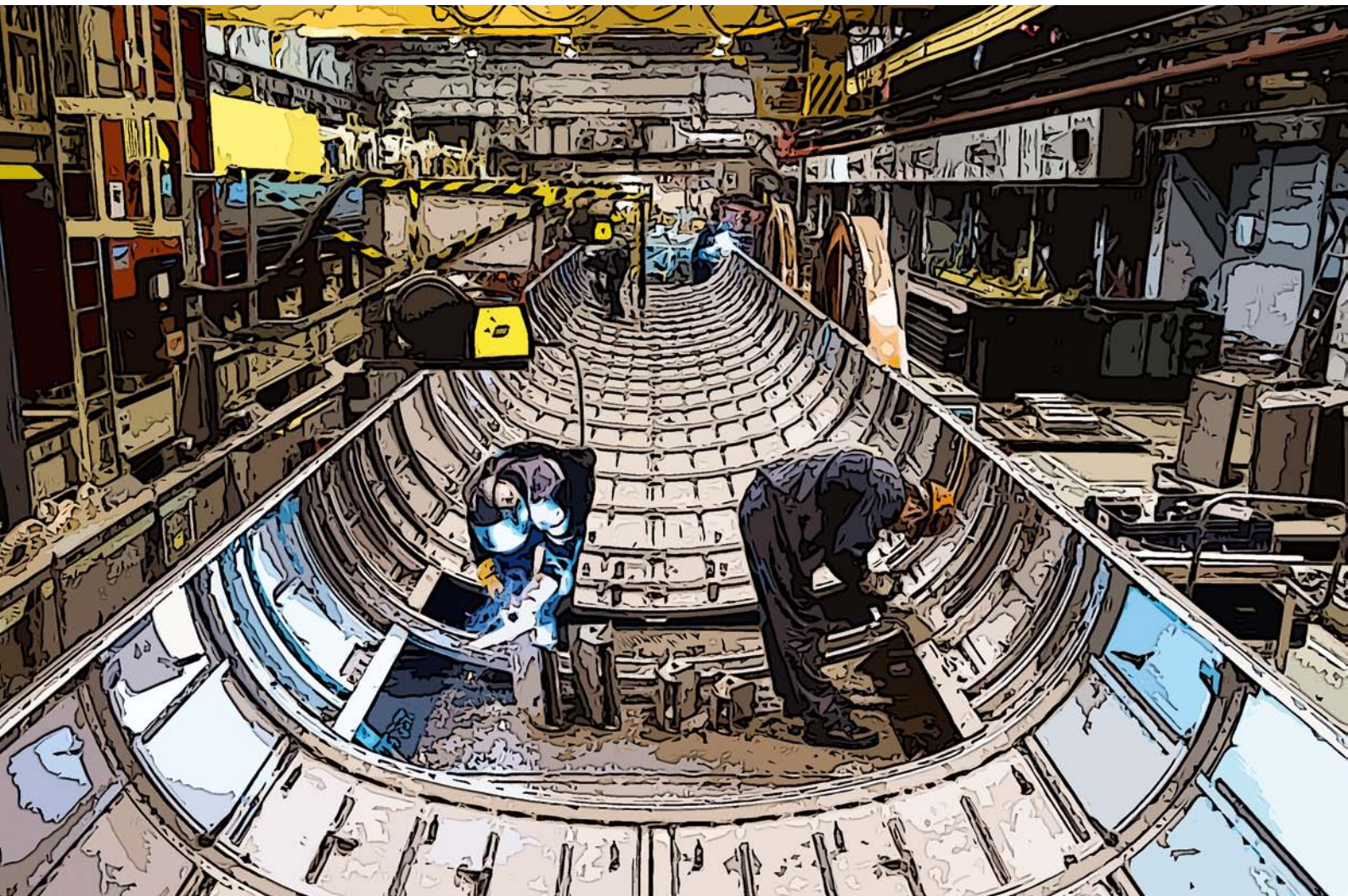
зырь нефтяных цен не вечен. И они не ошиблись.

Сегодня мы видим, как падает уровень жизни именно тех, кто относит себя к среднему классу и занят нематериальным «офисным» трудом. Представители пресловутого «креативного класса», о которых ещё недавно говорили как о движущей силе постиндустриальной экономики, — не только теряют доходы, но и оказываются в условиях нестабильной занятости, работы от проекта к проекту без каких бы то ни было социальных гарантий.

Всё это очень напоминает уже давно наблюдаемый тренд в западных странах — «сжатие» про-

слойки среднего класса, безработицу и постоянно сокращающиеся возможности для постоянной занятости даже у хорошо образованной молодёжи, уменьшение социальных гарантий и защиты труда вследствие «уберизации» — то есть схемы труда, в которой нет постоянного трудового контракта, чётких прав и регламентации рабочего времени.

Эксперты в сфере труда и занятости считают, что сегодня можно говорить о том, что в России сформировался новый трудовой класс — прекариат. Согласно определению члена-корреспондента РАН Жана Тощенко, автора одного из самых полных исследований российского

прекариата¹, «прекариат — это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны — это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределённой, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие,

не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни». По мнению учёного, прекаризация, то есть процесс подобного количественного и качественного изменения занятости, касается сегодня большинства населения России. К прекариату сегодня можно отнести следующие группы населения: людей с неформальной занятостью, т. е. «теневой» с точки зрения государства, работников с временными краткосрочными контрактами, неполной и сезонной занятостью, безработных, фрилансеров, внутренних трудовых мигрантов, молодёжь, занятую на нестабильных и малооплачиваемых работах. В 2019 г. Жан Тощенко отно-

сил к прекариату до 40–50% от всех занятых в России.

В России исследователи предлагают относить работника к прекариату в следующих случаях:

- «нестабильность занятости» или отсутствие «гарантий занятости». Под «гарантией занятости» обычно понимается защита работника от самовольных увольнений, регулирование процесса найма и увольнения, а низкий уровень гарантий связывается с трудовыми отношениями, скреплёнными временными, срочными и другими нестандартными трудовыми контрактами;
- нестабильность среднемесячной заработной платы и дохода;

¹ Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. — М.: Наука, 2018.

- отсутствие «подушки безопасности» (имущество, недвижимость, финансовые активы и др.), которая могла бы временно возместить материальные трудности в критических ситуациях;
- отсутствие социальных гарантий со стороны государства;
- нахождение в этой стране более 5 лет.

Можно вспомнить известное выступление вице-преьера правительства России О. Голодец в апреле 2013 г. на XIV Международной конференции «Модернизация экономики и общества», в которой она признала, что 38 млн россиян трудоспособного возраста «непонятно где и чем заняты», их доходы не отражаются в официальных статистических данных. «Наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам», — заявила тогда Голодец. С момента этого признания прошло уже 8 лет, и динамика экономического развития России, увы, не позволяет предположить, что ситуация изменилась в лучшую сторону. Люди просто выживают как могут, не надеясь на государство и погружаясь в социальную депрессию, когда в будущем уже не видится надежд на улучшение качества жизни.

Здесь нужно отметить и ещё одно отложенное следствие прекаризации, которое ещё пока не до конца отрелексировано в массовом сознании большинства россиян. На пенсии они окажутся лишены даже прожиточного минимума. Об этом пишет профессор Всероссийского научно-исследовательского института труда Валентин Роик: до 50–60% работающих россиян за 35-летний период трудовой деятельности не смогут заработать себе пенсии на уровне даже прожиточного минимума пенсионера, их ждёт лишь нищенская социальная пенсия в размере нынешних 6–9 тыс. руб.

Молодёжь ассоциирует бедность пенсионеров с «бабушками в деревне» и последними советскими

поколениями, «не вписавшимися в рынок». Но уже скоро на пенсию начнут выходить люди, вся трудовая деятельность которых пришлась на постсоветский период и которые так или иначе привыкли «крутиться» на тех самых нестабильных, неформальных и теневых работах и подработках. Пока такие россияне ещё здоровы и трудоспособны, но рано или поздно они окажутся на пенсии, и те, кто не имеет накоплений, собственности, способной приносить доход или как минимум детей или других молодых родственников, способных серьёзно оказывать материальную поддержку, окажутся в куда худшем положении, чем самый неблагополучный «прекарий» сегодня.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИЯ: ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Глобализация неизбежно порождает деиндустриализацию целого ряда регионов мира. В их числе оказались в том числе и большинство стран — бывших советских республик, за исключением тех, кому достались большие объёмы природных ресурсов для экспорта за рубеж. Огромное число квалифицированных работников, связанных с промышленным сектором, оказались выброшены «за борт». Причём в некоторых странах доля предприятий, фактически в одночасье прекративших тогда работу, поражает воображение — так, например, в Армении включены в производственные цепочки советской экономики были 98% всех заводов и фабрик, и их закрытие просто привело к катастрофе, когда значительная часть населения была вынуждена уехать из страны, потому что никакая переквалификация не могла дать этим людям работу на родине. Аналогичной деиндустриализации подверглись Молдавия, Грузия, среднеазиатские страны СНГ — Таджикистан, Узбекистан, Киргизия. Нетрудно

заметить, что граждане именно этих государств составляют значительную часть зарубежных мигрантов в России. Как бы мы ни критиковали российскую экономику, ситуация с рынком труда во многих государствах постсоветского пространства намного хуже, и именно она становится причиной массовой миграции населения с этих пространств в Россию. Для России это означает приток малоквалифицированной рабочей силы, демпингующей на отечественном рынке и не позволяющей установить достойный уровень зарплат для собственного населения, не согласного на мизерную оплату труда. В то же время для стран, откуда идёт миграция, она означает обескровливание экономическое и демографическое, отток самого активного населения, разделённые семьи, где дети и родители, супруги годами не видят друг друга.

Пространство СНГ и Россия тут полностью идут в русле одного из самых негативных глобализационных трендов — во всём мире возникает огромный слой людей, обречённых либо на полурабский труд вдали от дома и семьи, либо на роль маргиналов, дестабилизирующих системы социальной защиты принимающих регионов (здесь надо отметить, что Россия непопулярна у мигрантов из дальнего зарубежья, нацеленных на получение пособия, именно в силу отсутствия систем такой защиты по сравнению с развитыми западными странами). Формируются целые регионы, обречённые на деградацию, а результат — массовая миграция — ещё сильнее обедняет потенциал их развития, ведь уезжают самые активные.

Внутри России идёт аналогичный процесс оттока населения из депрессивных, деиндустриализированных регионов в столицу, города-миллионники, на вахтовую работу в места нефте- и газодобычи.

И наконец, верхний уровень этого «миграционного пылесоса» — миграция уже российской квалифицированной рабочей силы, инженеров,

В России принята программа по цифровой экономике. В ней говорится про цифровизацию управления, образования, «умные города», но в ней нет раздела о цифровизации промышленности. Это странно. Цифровизация имеет смысл только там, где уже существуют высокоразвитые технологические платформы, индустрия как минимум четвёртого-пятого поколения. Именно с цифровизацией промышленности увязывает свой промышленный рост, например, Германия (программа «Промышленность 4.0», или «Промышленная революция 4.0»).

учёных, IT-специалистов из российских мегаполисов на Запад. Поскольку в России в нынешних условиях они не могут быть полноценно востребованы, и виной тому всё та же структура экономики — там, где нет развитой промышленности, нет и тесно связанных с ней сфер НИОКР, прикладной науки, инженерных школ. Отечественные молодые учёные и технические специалисты оказываются более востребованы в странах, где наука и инженерный сектор хорошо развиты.

Однако идея бесконечной миграции трудовых ресурсов вслед за финансовыми потоками порочна по своей сути. В ней полностью утрачено само представление о развитии страны или региона как о развитии целого. Освоенность территории, её населённость, культурные и семейные традиции — всё это ничуть не менее важно, чем экономическая эффективность. Но в модели глобализации всё вышеперечисленное не имеет значения, поскольку человек — лишь абстрактная единица в экономических процессах. Деиндустриализация обедняет, «опривитивливает» общество и страну как в профессиональном, так и — через вынужденную миграцию — в территориальном смысле.

Напротив, собственное промышленное развитие, развитие своих территорий — фактор социального развития. Это гарантия наличия рабочих мест и для высокообразованных специалистов, и для рядовых работников. Это, наконец, и фактор подлинного суверенитета, самостоятельности и независимости.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БЕЗ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ — ПУТЬ В НИКУДА

На фоне промышленной стагнации мы постоянно слышим, что будущее — это «цифра». Много говорят о цифровизации российские министры, например, премьер-министр Михаил Мишустин ещё до вступления в должность главы правительства заявлял², что цифровая экономика станет одним из приоритетов развития страны. Главным драйвером развития экономики называл цифровизацию на прошедшем ещё до пандемии Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2019 году глава Сбербанка России Герман Греф. Что же это за чудесная «цифра», и что всё это означает для сферы труда и занятости?

Хотя большинство людей сегодня уже привыкли пользоваться циф-

ровыми технологиями, гаджетами, интернетом и соцсетями, процесс перевода всё большего числа деловых и социальных взаимодействий в эту сферу вызывает у них массу опасений, несмотря на все очевидные удобства общения с миром и решения всех вопросов через экран смартфона или ноутбука.

Так, в апреле 2021 года опубликовано соответствующее исследование Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (РАНХиГС)³. Многие граждане России с тревогой ожидают полномасштабного наращивания цифровизации. Более половины участников опроса опасаются, что не смогут приспособиться к изменениям и окажутся не востребованы на рынке труда. «51% считает, что цифровизация повлечет сокращение рабочих мест в традиционных секторах экономики. Эти ожидания подтверждаются позицией бизнеса, который рассчитывает с помощью цифровизации оптимизировать процессы и сократить рабочие места. У населения есть опасения, что набирающая обороты цифровизация приведёт к усилению контроля над повседневной жизнью граждан со стороны корпораций (так считают 43% населения) и государства (60%)», — сообщают исследователи.

В итоге цифровизация может стать отнюдь не дорогой к светлому технологичному будущему, а «эффективным» инструментом для тотального сбора данных и произвола корпораций и замены реальных благ и услуг на их «виртуальную» версию для бедных. Которым уже сегодня предлагают вместо реальных путешествий, общения, образования и доступа к культуре их виртуальные версии.

В России принята программа по цифровой экономике. В ней говорится про цифровизацию управления, образования, «умные города»,

² <https://www.rbc.ru/crypto/news/5e2038f29a7947423ddeab0f>

³ https://cdto.ranepa.ru/digital_turn_research

но в ней нет раздела о цифровизации промышленности. Это странно. Цифровизация имеет смысл только там, где уже существуют высокоразвитые технологические платформы, индустрия как минимум четвёртого-пятого поколения. Именно с цифровизацией промышленности увязывает свой промышленный рост, например, Германия (программа «Промышленность 4.0», или «Промышленная революция 4.0»).

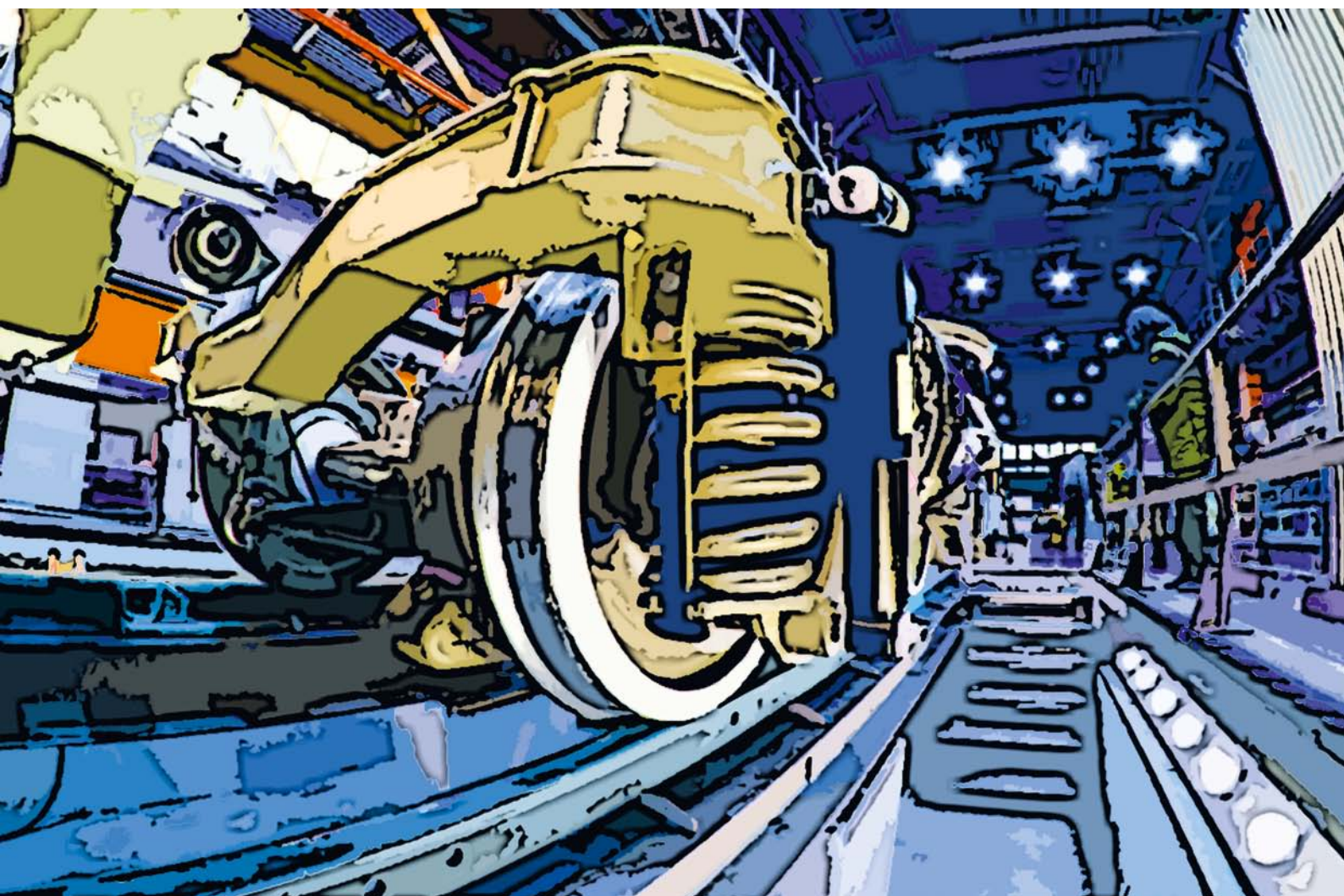
Что же собираются цифровизировать наши власти? Если сказать коротко — услуги. Действительно, Россия даже сейчас может предоставлять гражданам целый спектр услуг с использованием современных ИТ, которыми могут похвастать далеко не все даже развитые западные страны — начиная от интернет-банкинга и заканчивая возможностью обще-

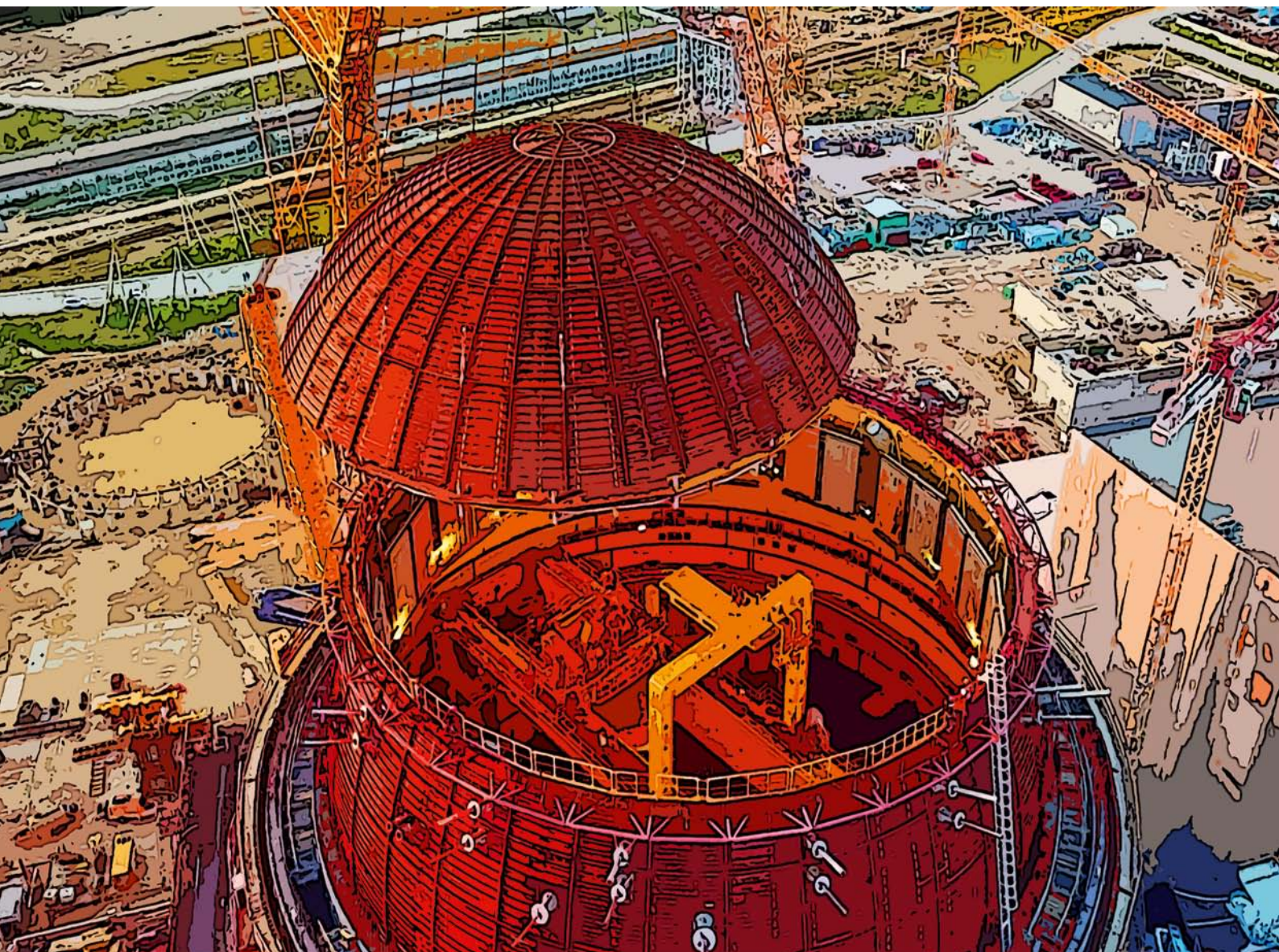
ния с государством через портал «Госуслуги» и т. п. Но в сфере промышленной цифровизации и автоматизации ситуация обратная — у нас крайне мало промышленных роботов, станков с ЧПУ, «умных складов» и всего того, что является основой цифровой экономики для промышленно развитых стран.

Однако главные опасения в отношении цифровизации на рынке труда связаны не только и не столько с указанными выше социальными последствиями «цифрового концлагеря». Ключевой вопрос сегодня — действительно ли развитие информационных технологий, автоматизация, роботизация и искусственный интеллект (ИИ) способны серьёзно изменить структуру рынка труда, уничтожив целые профессии и оставив без работы миллионы?

КОГО ЖЕ ЗАМЕНЯТ РОБОТЫ?

В отношении замены людей автоматизированными системами звучат самые разные мнения. Так, в 2019 году в Госдуме член Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Олег Шеин заявил, что из-за технического прогресса 15 миллионов россиян могут в будущем потерять работу из-за того, что их профессии окажутся невостребованными на рынке: «У нас порядка 15 миллионов человек работают в профессиях, не требующих никакой квалификации. Это продавцы, охранники, водители. Очевидно, что этот труд скоро будет не востребован». Шеин указал, что в мире наблюдается тенденция к тому, что люди, трудящиеся в сфере услуг, в ско-

ром времени будут не нужны: «Мы видим, как сокращаются 50 тысяч сотрудников Сбербанка, а в магазинах вместо продавцов ставят аппараты, и продукты можно купить по QR-коду»⁴.

Заметим — миллионы охранников и таксистов в России возникли вовсе не потому, что на них существует бешеный спрос, а потому, что эти миллионы людей не смогли найти другой работы. Которую для мужчин трудоспособного возраста могла бы дать промышленность.

Но наиболее интересен не вопрос, произойдёт ли такая замена, — так или иначе технический процесс всю свою историю увеличивал производительность труда, и для выполнения одних и тех же задач требовалось меньше работников. Вопрос, кто же окажется «лишним звеном» после массового внедрения ИИ, отнюдь не так однозначен. Может оказаться, что первыми «на выход» отправятся вовсе не бесправные охранники и таксисты, а тот самый офисный средний класс.

В 2019 году в своей лекции в Уральском федеральном университете Григорий Бакунов, директор по распространению технологий «Яндекса», рассказал о трендах роботизации⁵. «Есть огромное количество областей, где живых людей можно заменить неживыми алгоритмами. В первую очередь будут автоматизироваться массовые профессии, в которых не очень применяется интеллект», — считает он, приводя в пример то же вождение автомобиля, — у нас в стране водителями

⁴ <https://www.gazeta.ru/business/2019/08/04/12556501.shtml>

⁵ https://www.znak.com/2019-03-26/ii_izmenit_zhizn_uzhe_v_blizhayshe_gody_ne_obyazatelno_k_luchshemu_lekciya_grigoriya_bakunova_yande

работают больше миллиона человек, и когда на дорогах реального пользования появятся автомобили, которые ездят сами по себе, большая часть этих людей останется без работы.

Но — сюрприз! — следующими, кого потеснит ИИ, он считает своих же коллег-айтишников: «Обычно программисты, создающие системы искусственного интеллекта, не думают, что можно заменить и их. Но есть хорошие прототипы, которые показывают, что среднего программиста уже можно попробовать заменить. А это значит, что в перспективе лет через десять вымрут целые классы программистов». Такая же участь ждёт верстальщиков — их профессия вымрет в течение следующих десяти лет, логисты — за 5–7 лет, такая же судьба ждет мерчендайзеров, расставляющих на полках товары. Также в этом ряду переводчики, а теперь — уже и журналисты. «У меня прямо сейчас есть небольшой написанный мной алгоритм, который умеет писать новостные заметки на базе текстов так же или лучше, чем я», — отметил эксперт.

Угроза лишиться рабочего места будет затрагивать в мире всё большее число людей — с учётом «затормозивших» в пандемию, но пока всё равно продолжающихся трендов постиндустриализации и глобализации, массовой миграции и применения во всё большем объеме автоматизации и цифровых технологий. Неслучайно всё чаще эксперты и политики стали рассуждать о так называемом «безусловном базовом доходе». Эта социальная концепция предполагает регулярную выплату определённой суммы денег каждому члену общества со стороны государства — без необходимости выполнения работы.

Различные аспекты этой крайне неоднозначной концепции заслуживают отдельного обстоятельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи. Отметим лишь, что гу-

манный на первый взгляд концепт базового дохода при его практической реализации может привести к совершенно негуманным результатам.

ИНЖЕНЕРЫ И «СИНИЕ ВОРОТНИЧКИ» ЦИВИЛИЗАЦИИ

Конечно, если считать работой бессмысленную и ненавистную занятость ради пропитания, то без такой работы человечество обойдётся. Внедрение гибкой занятости, 4–5-часового рабочего дня, который виделся реальным даже советскому руководству, или 3–4-дневной рабочей недели при сохранении уровня жизни можно было бы только приветствовать. Но оказавшись полностью без осмысленной деятельности и общественно-полезного труда, человек неизбежно деградирует. Поэтому решение уменьшения объёмов человеческого труда в экономике видится не в обеспечении базового дохода, а в обеспечении базовой занятости — при этом максимально удобной, созидательной и наполненной смыслом. Ведь производительный труд, продуктивная деятельность непосредственно связаны с творчеством, с созиданием ценностей. Навыки, необходимые для производительного труда, предполагают образование и саморазвитие личности. Но и сам производительный труд является ценностью — он придаёт самой жизни человека смысл.

И здесь ре-индустриализация развитых стран могла бы сыграть свою важную роль. Сегодня в среднем в промышленности в них занято около 15–25% населения. При этом мы знаем, что в этих же странах зачастую крайне высок процент безработицы среди молодёжи, достигая на юге Европы, например, до трети, а то и половины молодого населения. Разумеется, никакая индустриализация не займёт большую часть трудоспособных — но вполне даст работу значительной их части

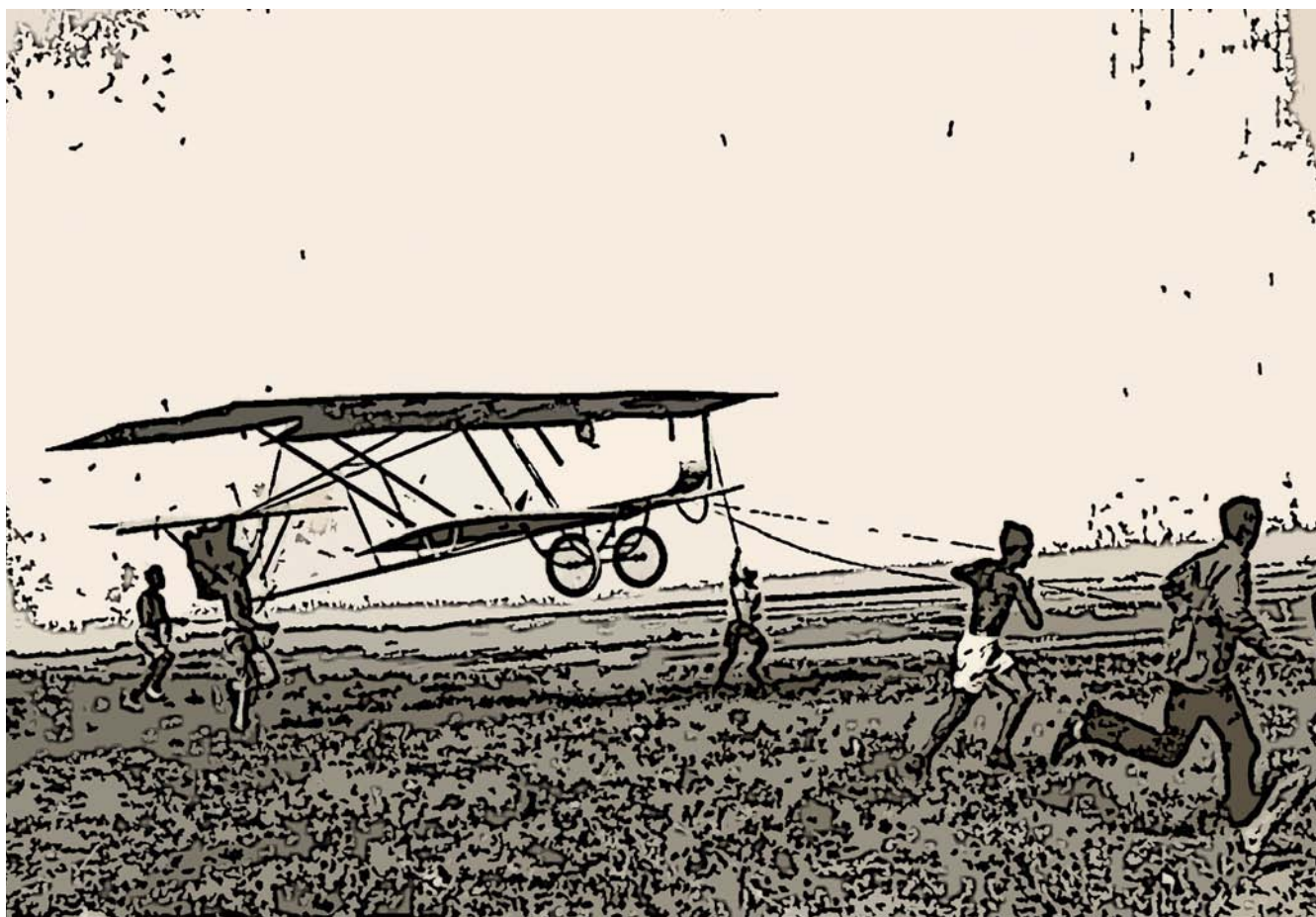
и опосредованно поддержит и все остальные сферы — те же услуги, наука и образование.

В России молодёжь сегодня лишена социальных лифтов и понятной перспективы карьеры и трудоустройства. При этом даже существующие предприятия в среднем не укомплектованы на четверть от имеющейся потребности в квалифицированных рабочих и специалистах⁶. Притом что демографически Россия не растёт, а число трудоспособного населения у нас будет в ближайшие десятилетия сокращаться, разумное применение технологий и «цифры» для модернизации и создания новых предприятий позволило бы дать россиянам достаточно качественных рабочих мест, вместо опасного бесконтрольного завоза дешёвой силы из-за рубежа, ликвидировать дисбаланс одновременной безработицы и нехватки работников индустриальных специальностей.

Такая смена парадигмы требует и смены самого имиджа человека труда. Ведь сегодня массовая культура навязывает молодёжи представление об успешности, которое вообще никак не связано с идеей труда и тем более работой в промышленном секторе. Государство и общество должны и могут формировать в информационном пространстве образ человека труда как современный и привлекательный (документальные фильмы, репортажи о реальных производствах, акцент на рассказах о людях и их профессиональном пути). Опыт зарубежных медиа показывает, что это возможно и что подобный контент может быть высокорейтинговым (см. циклы документальных фильмов канала «Дискавери» о различных профессиях, промыслах и производствах).

Россия должна быть и восприниматься своими гражданами и соседями страной людей, занятых интересным, созидательным трудом, — «инженеров цивилизации».

⁶ Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Просто модельки и планеры?

Данная статья — попытка осветить психоисторическую сторону советской индустриализации. Сохранилось немало воспоминаний на эту тему. Может быть, это «воспоминания о грядущем»?

Индустриализация времён Сталина — самый близкий нам пример прорыва. И по времени, и по национальному духу. Но промышленная революция — это не только легендарные титаны индустриализации с лицами «гранит и медь». Это ещё и та сфера, которую многие считают чуть ли не баловством. Массовое детское

и спортивно-техническое творчество, соединённое с научно-новаторским движением, — вот ещё одно «секретное оружие» сталинских побед и свершений.

Ведь вместе с заводами и фабриками создавалась практически Прометеева цивилизация.

ТАЙНАЯ МИССИЯ ПИОНЕРСКИХ БАЗ

Заглянем на страницы воспоминаний легендарного авиаконструктора Генриха Новожилова (1925–2019). Того самого преемника Сергея Ильюшина

на посту главы КБ, руководившего созданием знаменитых воздушных кораблей Ил-62, Ил-76, Ил-86.

Середина 1930-х. Десятилетний Геня Новожилов занимается на ДТС — детской технической станции. Примечательно, что она входит в состав пионерской базы, расположенной рядом со школой. В ней есть богатая библиотека, кинозал и кружки — авиамодельный, фотографии, изобразительного искусства и прочие. «Там действительно было очень интересно. Мало того что ты мог заняться любимым делом, посмотреть хорошее кино, почитать

нужную книгу, нам часто устраивали встречи со знаменитыми людьми. “На базе” я видел Чкалова, Нежданову, Утёсова...” — вспоминал Генрих Васильевич.

Есть ли что-то подобное сейчас? Без комментариев.

На базе первым наставником будущего авиаконструктора стал 25-летний старший пионервожатый Геннадий Карчевский. Именно к нему десятилетний школьник пришёл с идеей — уловить энергию молнии. Пионервожатый бережно взял детский чертёж: громотвод, соединённый проводом с трансформатором и лампочкой. И потом объяснил, что ни один в мире трансформатор не выдержит колоссальной энергии небесного разряда и сгорит. Но интерес мальчишки он узрел и направил его в электрокружок при ДТС. Заодно подарив пионеру Гене книгу «Десять моделей», которую Новожилов бережно хранил до конца жизни.

Книжица буквально воспламенила ум мальчишки. Новожилов увлечённо мастерил резиномоторные тележки, делал воздушный винт из эллипсоидного деревянного бруска. Сколько же было радости, когда самодельная аэротележка резво покатила по полу, бешено вращая пропеллером!

В электрокружке всё было уже серьёзнее. Опытный мастер Анатолий Георгиевич показал юному неوفиту соленоидную (электромагнитную) железную дорогу-модель. Вагончик игрушки двигался по рельсам, проложенным в подобию горной местности, — его тянули поочерёдно включавшиеся соленоиды. То есть модель приводилась в движение так же, как и «Гиперпетля» Илона Маска. Не хватало только трубы-тоннеля с выкачанным воздухом.

«Эту работу сделал десятиклассник, я оказался в кружке самым младшим, но возраст не имел значения — отношения между ребятами, занимавшимися техническими поделками, были очень хорошими...» — вспоминал Г. Новожилов.

Преподаватель-мастер многому научил будущего дважды Героя Социалистического Труда. Шедевром стала модель глассера с электромотором

Индустриализация времён Сталина — самый близкий нам пример прорыва. И по времени, и по национальному духу. Но промышленная революция — это не только легендарные титаны индустриализации с лицами «гранит и медь». Это ещё и та сфера, которую многие считают чуть ли не баловством. Массовое детское и спортивно-техническое творчество, соединённое с научно-новаторским движением — вот ещё одно «секретное оружие» сталинских побед и свершений.

по чертежам из журнала «Техника — молодёжи». «До сих пор помню восторг, который охватил меня, когда зажужжал электромоторчик. Мне так и хотелось закричать: “Смотрите! Это я сам сделал!” ...» — читаем в мемуарах авиаконструктора. Ведь и собственно мотор мальчуган делал сам — и статор, и ротор, и обмотку. Так, видимо, и было положено начало превращению школьника в создателя воздушных кораблей мирового уровня. Смотрите: отношения тут — как в средневековом цеху. Из учеников — под руководством мастера — в подмастерья. А дальше нужно сделать шедевр, экзаменационное изделие, дабы самому быть произведённым в мастера.

Потом были занятия в фотокружке. «...Это увлечение не покидало меня всю жизнь и оказалось очень полезным при посещении авиационных выставок. В Бюро эскизного проектирования (в КБ Ильюшина. — М. К.) и сегодня хранятся толстые альбомы моих фотографий, на которых сняты элементы конструкции различных самолётов.

...В 1938 году две мои работы были представлены на первой всесоюзной детской фотовыставке в Политехническом музее...»

Другая история: в 1935 году юный Вадим Мацкевич (впоследствии — известный советский изобретатель, начальник отдела ВНИИ автоматизированных систем управления, в 1972 году — попутно и руководитель лаборатории электроники и кибернетики Станции юных техников подмосковного Щёлкова) загорелся

идеей построить робота. Такого, какого он увидел в фантастическом фильме «Робот инженера Рипля, или Гибель сенсации». Жил наш герой не в Москве, а в Новочеркасске. Занимался в местном Дворце пионеров — дело было как раз при «варварском и кровавом» правлении людоеда Иосифа Сталина.

«Бесчеловечный» коммунистический режим в лице областной СЮТ (станции юных техников) дал Вадиму дефицитные шведские подшипники и 20 листов белой жести. И пионер стал делать робота. Вопреки шипению некоторых взрослых о том, что, мол, железные франкенштейны — плод чуждой нам идеологии. В 1937 году радиоуправляемый 1,2-метроворостый робот, умевший стрелять из пистолета, был готов. Москва тотчас заметила работу мальчишки, сразу же отправив его робота на Всемирную выставку — 37 в Париж, в павильон Советского Союза. Отрок стал героем кинохроники и газетных публикаций, прославившись на всю страну. А потом Мацкевич поступил в МЭИ на факультет автоматики и телемеханики, причём без экзаменов. По результатам своих достижений на выставке в Париже...

В 1942-м В. Мацкевич закончит Военно-воздушную академию имени Можайского и станет инженером-испытателем НИИ ВВС. В Корейскую войну 1950–1953 годов разработает станцию бортового предупреждения о радарном излучении «Сирена», коей оснастят истребители МиГ-15 и МиГ-17. Как видите, вложение страны в робот-игрушку отрока в тридцатые годы с лихвой окупилось.

При всей «несерьёзности» детского творчества, именно оно стало условием массового пробуждения талантов и способностей десятков миллионов юных душ, прививкой воли и энергии, «зажигателем» карьер легиона созидателей нашего величия. Так создавался отборный человеческий потенциал, раса творцов вместо серого племени обывателей.

А вот что вспоминал сам Вадим Викторович Мацкевич в 2002 году, давая интервью журналу «Огонек»:

«В 1959 году в “Сокольниках” готовили американскую выставку. В апреле к нам на станцию приехал заместитель министра электропромышленности Непорожний и сказал: “Американцы заявили, что привезут шесть роботов. Что мы можем им противопоставить?” Ну мы с ребятами показали ему этого робота. Он остался доволен. Для робота построили специальную платформу перед павильоном электрификации, и он там выступал. Американцы были поражены! На эту выставку приезжал сам Никсон, в ту пору вице-президент Америки. Так он нам — мне и четырём моим пупсикам — за этого робота выдал паспорта почётных граждан Америки и специальное письмо “личного гостя Никсона”. Ну, конечно, паспорта сразу же отобрали органы “на хранение”. Так мы их с тех пор и не видели. Так золотую медаль ВДНХ за этого робота получил один гэбист, Николай Иванович Уколов, — вот он на фотографии. Всё рассказывал, что расстреливает заключённых сам, по двадцать человек в день, и даже рационализацию ввёл — ставит их парами, одного перед другим, и одной пулей двоих в затылок убивает... Мерзавец. Он, наверное, и пенсию повышенную получал за рационализацию и за нашего робота.

— А как же дети?

— Ну дети кое-что всё же получили — бронзовые медали ВДНХ. Когда Непорожний приезжал насчёт робота, он сказал — мол, за месяц доделать

его. А я говорю — никак невозможно, у меня четверо ребят десятый класс заканчивают, им к поступлению готовиться надо. А он: “Они уже поступили”. И спрашивает их: в каком вузе хотите учиться? Они стоят, растерялись, мычат: МЭИ, МАИ... Я говорю: “Болваны! Физтех!” Так и пошли они в Физтех.

А я до сих пор с ребятами занимаюсь. Здесь удобно — упал самолёт, вот тебе целая куча металла, и моторов, и реле... Меня так, знаете, задела статья в “Огоньке”, вот эта, интервью с каким-то Выханским. Вот: “Я не думаю, что имеет какие-то перспективы наша электроника. Просто по своей природе мы не приспособлены к качественному выполнению мелких, точных операций”. Но это же абсурд! Таких специалистов надо, как сказал Путин, мочить в сортире! Мы всегда были в этой области первыми, я ж вам рассказывал! Да, в конце концов, кто блоху-то подковал?! А дети какие у нас умненькие! Сейчас, конечно, всё изменилось, даже дети. Раньше ведь все ребята были заняты, чем-то увлекались, а теперь они же совсем ничего не умеют... Беспомощные такие, ничего не хотят... Но это легко исправить! Вот ко мне таких ребят приводят, и они уже через два месяца совсем другие, они так стараются, они горят!»¹

Но, увы, в РФ такие люди не пригодились.

Как видите, в 1930-е годы в Кремле умели замечать даже школьников-изобретателей из Новочеркасска. И без интернета. Кстати, в 1970 году робот, построенный в Щёлково юными

техниками под руководством Вадима Мацкевича (уже со встроенным бортовым компьютером!) был отправлен властями СССР представлять страну на всемирной выставке в Осаке...

Ценнейшее свидетельство для нашей «археологии» самой смелой из русских индустриализаций! Тема сия ещё ждёт своего исследователя. При всей «несерьёзности» детского творчества именно оно стало условием массового пробуждения талантов и способностей десятков миллионов юных душ, прививкой воли и энергии, «зажигателем» карьер легиона созидателей нашего величия. Так создавался отборный человеческий потенциал, раса творцов вместо серого племени обывателей. Вместо водки, карт и приетонов — центры творчества. В те годы небезуспешно проводилась в жизнь грандиозная психоисторическая попытка: создание Икарова племени.

Приведём ещё примеры.

В 1934 году пионер Коля Рохманов изобрёл подъёмный кран оригинальной конструкции и построил его макет. Модель заинтересовала специалистов и по инициативе самого Серго Орджоникидзе (Наркомтяжпром СССР) была рассмотрена на высшем уровне, в его министерстве — народном комиссариате². И ведь посмотрите: заметили изобретение, хотя никакого интернета тогда и близко не было. Конечно, тут была изрядная доля пропаганды. Но ведь она создавала общую атмосферу созидания и творчества! Не сравнить с нынешними затхлыми временами.

СТАВКА НА МОЛОДЫХ И ДЕРЗКИХ ТВОРЦОВ

Детское творчество, поощряемое с самого верха, сочеталось с поощрением научно-технической дерзости работников реального сектора и учёных-прикладников.

Советские СМИ в 1934 году сообщили: изобретатель товарищ Маначуро

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/2290009>

² Маленький полигон большой промышленности. — «Техника — молодёжи», 1970 г., № 1, с. 14.

построил новый картофелекопатель. Буксируемый за трактором, он заменяет труд 60 человек, обрабатывая за день два гектара, а брак при обработке картошки — не выше 1%. То есть работу инноватора заметили. И не затёрли импортной техникой.

Ещё интересный момент: просматривая советскую прессу января 1934 года, наткнулся на призывы центральной власти: снизить за год себестоимость строительства на 15%, а промышленного производства — на 4,7% по сравнению с 1933 годом. А это можно было сделать только за счёт лучшей организации дела и внедрения в практику научно-технических новинок. То есть инновационным путём. Интересно, а теперь такие рубежи правительство ставит? Понимает вообще, насколько это подстегнуло бы спрос на инновации?

В 1934 году бригады ДИП («Догнать и перегнать!») на московском «Электростроительном заводе», внимая призыву власти избавить страну от импортной зависимости, освоили производство передовых тогда алюминиевых трансформаторов. Примечательно: ударная сила ДИП-бригад — рабочая молодёжь и инженеры. Заводское начальство в бригады не входит! Очень разумный шаг. И опять — ставка на творчество, а не на разрушение, как у хунвэйбинов Мао в 1960-х, и не на имитацию бурной деятельности, как это часто наблюдается у нас нынче.

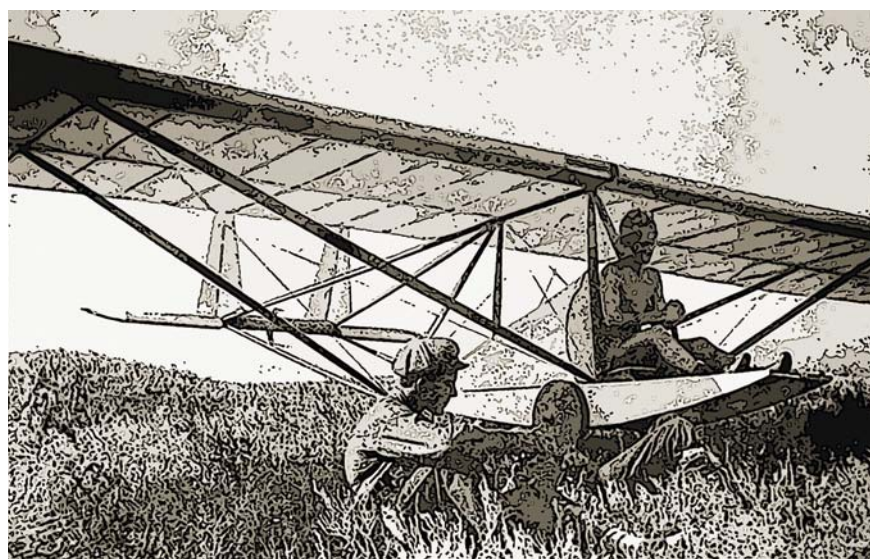
В том же году изобретение инженера В.К. Виторского (магнитофон, записывающий звук на проволоку) было замечено государством. Первые же аппараты Виторского были использованы для записи важных выступлений руководства и на телефонных станциях. Тогда же государство отмечает работу профессора С.К. Моисеева, создавшего технологию полной очистки воды с помощью «посеребрённого песка». (Наркомтяжпром, НИИ водоснабжения и санитарной техники.) Были проведены испытания «серебряной воды» в питерской боль-

нице имени Мечникова. Оказалось, раны оперированных людей от такой воды заживают быстрее³. В том же году академик М.А. Павлов осыпан наградами за создание отечественного, не имеющего аналогов в мире метода выплавки титана и ванадия из уральских титано-магнетитовых руд.

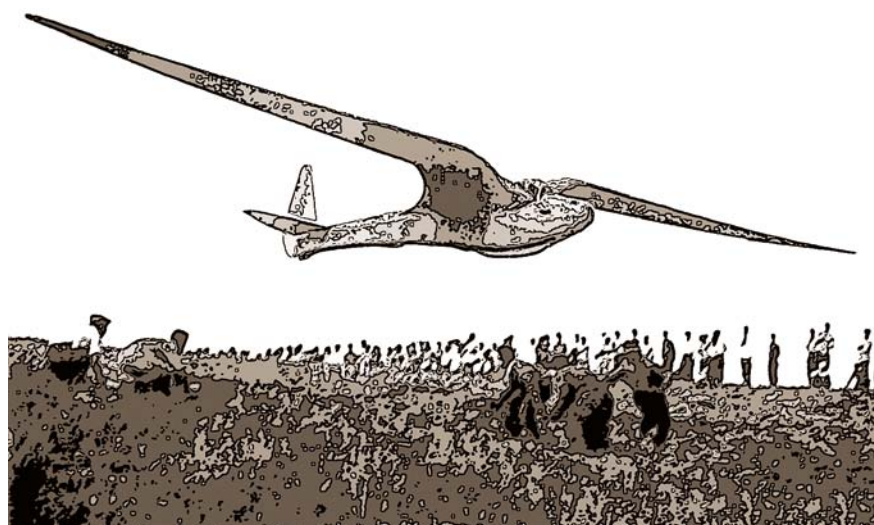
В тот же год сообщается об успешных опытах наших исследователей с УКВ-излучателями. Доцент Федосеев и аспирант Ермилова в ашхабадском Зооветеринарном институте, применяя электромагнитное излучение (6 метров длины, 4 ампера — сила тока) успешно (за секунды) уничтожали вредных насекомых. В то же время, при той же длине волны, но силе тока в 1 ампер, получены отличные результаты: прекрасный аппетит у подопытных животных, они набирают вес на 30–40% больше при том же объёме корма. Переворот в животноводстве! Обнаружен лечебный эффект: старые, скрюченные в позвоночнике крысы распрямляются, становятся бодрыми. Опыты профессора М. Фролова (Московский институт инженеров общественного питания) и инженера М. Вишняковой (ВИЭСХ, Институт электрификации сельского хозяйства) дали отличные результаты — уничтожение долгоносиков в зерне двухсекундным электромагнитным импуль-

сом с длиной волны в 5,15 м. В ВИЭСХ получены сенсационные результаты и по другой линии: электромагнитное облучение семян в полтора раза повышает их всхожесть, на 11% повышается энергия прорастания семян... Облучённое профессором Фроловым молоко оставалось свежим месяц при температуре хранения в 15–17 градусов (3 минуты воздействия, 5 ампер, длина волны — 7,5–8 метров). Радиолобитель Вечканов (работник Главмяса) в 1932-м успешно обрабатывает мясо между пластинами конденсатора. В Главмясе создана полупромышленная УКВ-установка для вытопки жира: она даёт стопроцентную вытопку при идеальном качестве жира. Обычная обработка — 40% зашкваренного брака...

А как поощрялось изобретательство трудящейся молодежи! В апреле 1941 года «Техника — молодёжи» публикует очерк об арматурщике, изобретателе в области малой механики, инженере Александре Бурине, выходец из рабочих. Он — орденоседец и создатель множества удобных инструментов и подсобных механизмов для арматурщиков. Но с чего начинается его деятельность? В 1930 году он бригадиром арматурщиков едет на строительство Горьковского автозавода. Там он работает бок-о-бок с американскими наёмными специалистами

³ «Техника — молодёжи», 1934 г., № 2.

ми и видит их удобные инструменты и приспособления. «Молодой бригадир поступил на рабфак. Трудно было находить время для занятий. Развлечений, вечера в клубе и даже любимый лыжный спорт и прыжки с трамплина отошли на второй план...» — писал журнал о становлении инженера-новатора. Сметливый рабочий становится участником стахановского движения, ему хорошо платят за его новации.

Работа А. Бурина на строительстве ГАЗа была замечена. Его вызывают на совещание в Москву. В президиуме он с удивлением видит Сталина, Молотова, Орджоникидзе. «Речь шла о важнейшем вопросе — как строить быстрее, лучше и дешевле...»

Бурин произносит речь о роли малой механизации. Ему отвечает Молотов: «Из таких товарищей, как Бурин, могут и должны за какие-то пару лет выйти хорошие советские инженеры и крупные хозяйственники, и им надо помочь поскорее пройти высшую техническую школу». И вот молодого изобретателя отправляют на четыре года в Промышленную академию.

В июне сорок первого тот же журнал публикует историю простого паренька — маляра Анатолия Парамонова. Юноша изобрел машинку для того, чтобы цедить краску. Потом — аппарат для обрезки обоев и протягивания филёнки. Его мастер и руководство ремесленного училища переслали чертежи в ГУТР — Главное управление трудовых резервов СССР...

Всё очень красноречиво. В сталинском довоенном СССР создали целую «религию», целый Прометеев культ поклонения науке, технике, скорости, силе. Очень похожий на футуристический культ машин и стремительности поэта Маринетти при Муссолини, но гораздо более глубокий и всеохватный. Да, в СССР никто не имел права не трудиться и получать блага «на халяву» (в этом русские коммунисты в корне отличаются от западных леваков и социалистов). Но при этом считалось самым модным и современным летать на планерах и самолётах-авиетках, прыгать с парашютом, заниматься спортом, овладевать сложным оборудованием и по-стахановски совершенствовать свой труд. Ведь фактически стахановское движение — это не перевыполнение плана любой ценой, а движение на повышение производительности труда, за снижение издержек и высокую культуру производства, за научную организацию работы на своём рабочем месте, в цеху или на целом предприятии.

Уже в 1941-м речь шла об автоматизации труда. Обратите внимание: в 1941 году создаётся Главное управление трудовых резервов Советского Союза. ГУТР не только учитывало отряды рабочих разных специальностей (мобилизационная экономика!), но и занималось трудосбережением за счёт использования средств автоматизации и механизации.

Вот это подход к делу! Научно-техническое творчество масс поддерживалось государством. Такое — да в нынешней бы Российской Федерации! И всё это соединилось с культом Нового, Прометеева человека — здорового, сильного и умного. Творца и воина в одном лице. Проповедовалась власть человека над природой, пространством и временем, над материей, над будущим. Уверен, что это — одна из самых ценных подсказок великого СССР нам, людям эпохи роботизации и безлюдных производств. Нам снова нужен культ труда, творчества и силы.

ГУТР просуществовало до 1946 года, затем преобразившись в Министерство трудовых резервов. А после смерти Сталина, 15 марта 1953-го, его волюют в Министерство культуры, уже как Главное управление профтехобразования. Смысл интегральной структуры окажется потерянным...

ПЛАНЕРИЗМ И РЫВОК НАЦИИ В НЕБЕСА

Но особо впечатляют темпы развития планеризма в разорённой стране. Гражданская война полностью закончится лишь в 1922-м, со входом войск Красной армии во Владивосток. Ещё гремят выстрелы, всюду свирепствует разруха, а в 1920-м создаётся Академия воздушного флота. В 1921-м Институт инженеров Красного Воздушного флота имени Жуковского (с 1922 г. — одноимённая Академия, при «реформах» Сердюкова фактически ликвидированная).

Именно там, в Лефортово, строят первый советский планер. Участники проекта: будущее светило отечественной аэродинамики Владимир Пышнов (1901–1984), Михаил Тихонравов (1900–1974), грядущий строитель ракетно-космической техники, сподвижник легендарного Сергея Королёва. В молодости Тихонравов был энтузиастом планеризма и сам конструировал безмоторные аппараты. Тут же мы видим скульптора Бориса Черановского (1896–1960), который впоследствии из создате-

ля планеров станет конструктором самолётов без хвостового оперения.

«Вослед за этим кружком стали организовываться кружки планеристов в Москве, Воронеже, Богучаре, Глухове, Наро-Фоминске и других городах. Самым сильным кружком тогда был московский, названный “Парящий полёт”»⁴.

Бывший начальник Научно-технического комитета ВВС СССР Александр Пономарёв (1903–2002) в своих воспоминаниях уточняет: «Парящий полёт» в декабре 1922 года основали при Главвоздухофлоте. То есть поддержка осуществлялась на государственном уровне. Страна ещё не могла строить собственные полноценные самолёты, она полностью зависела от поставок иностранных двигателей, но планеры воспринимались как то, что позволит немедленно начать подготовку кадров и конструкторов, и пилотов. И, как свидетельствует А. Пономарев (сам тогда учившийся в Академии имени Жуковского), в кружок вошли легендарный лётчик ещё царских времён, знаменитый «победитель штопора» и не менее знаменитый художник Константин Арцеулов (1891–1980) Тут же мы видим и грядущего русско-советского авиаконструктора, поистине титана — Сергея Ильюшина (1894–1977). В то время (с 1923 г.) Ильюшин ещё и входит в Военно-научное общество при Академии имени Жуковского, руководя моторной его секцией. Пышнов и Тихонравов — тоже в «Парящем полёте». Подобно тому, как в простейшем одноклеточном мы зрим грядущее царство всего живого на Земле — от мха и прудовой гидры до Леонардо да Винчи, в том планерном клубе энтузиастов рождается вся небесная и научно-промышленная мощь Советского Союза. В начале эволюционной цепочки — примитивный планер, в её конце — ревущая мощь космической техники. Чёрт знает как одетые, полуголодные, нищие по меркам даже того времени,

В сталинском довоенном СССР создали целую «религию», целый Прометеев культ поклонения науке, технике, скорости, силе. Научно-техническое творчество масс поддерживалось государством. Проповедовалась власть человека над природой, пространством и временем, над материей, над будущим. Уверен, что это — одна из самых ценных подсказок великого СССР нам, людям эпохи роботизации и безлюдных производств. Нам снова нужен культ труда, творчества и силы.

такие люди буквально обретали крылатую душу.

1923 год — ещё и создание ОДВФ, Общества друзей воздушного флота, в Центросовет коего входят столпы нового государства: Ворошилов, Дзержинский, Сталин, Фрунзе. Нарком обороны Михаил Фрунзе на заседании совета ОДВФ 23 апреля 1923 года ставит задачу: в каждой школе создать авиамодельный кружок, планерную секцию — на каждом предприятии, аэроклубы — во всех промышленных центрах.

Одновременно с московским центром планеризма рождается и киевский. У его истоков стоят Борис Делоне (1890–1980), будущее светило математики СССР, и Николай Артемьев (1874–1948), выдающийся электротехник. События идут одно за другим: в 1923-м, помимо «Парящего полёта», в одной Москве работают уже восемь планерных кружков. При ОДВФ создаётся ещё и Центр безмоторной авиации, который осенью 1923-го решает провести первый слёт отечественных планеристов⁵.

Такую бы постановку дела — да сейчас! РФ после разгрома отечественного авиапрома в ходе «реформ» оказалась в схожем положении. Но строить планеры сегодня оказалось сложнее, чем самолёты! Планеризм в РФ развивается из рук вон скверно. «Сейчас жизнь планериста и планеростроителя стала гораздо сложнее: законы

в России сегодня таковы, что планеров де-юре как бы не существует. Точнее, они есть, но вот норм лётной годности на них нет. А это означает, что получить сертификат на планер в России невозможно. Хотя и здесь опять нет полной ясности: можно получить сертификат лётной годности единичного экземпляра. По какой-то неведомой логике это даёт право на производство планеров в количестве не более пяти экземпляров одной модели...» — пишет «Российская газета»⁶. Тут — царство мертвящей бюрократии вместо живого дела.

А в Москве 1923-го, помимо клуба безмоторного полёта при Академии имени Жуковского, есть второй по силе кружок — завода «Мастяжарт» (Мастерские тяжелой артиллерии в Лефортово, в СССР — НПО «Базальт», кузница самонаводящихся и самоприцеливающихся боеприпасов). Молодёжь «Мастяжарта» под руководством Сергея Ильюшина строит свой простой планер — «Мастяжарт-1».

1 ноября 1923 года в крымском Коктебеле открывается первый слёт планеристов страны. Помимо «Мастяжарта-1» (30 кило массы), здесь представлены «птицы» иных конструкторов: бесхвостка БИЧ Черановского, два планера Пышнова и Тихомирова, «Буревестник» с «Ремвоздухозавода», «Коршун» Голицынского кружка и «Макака» Николая Анощенко (ещё царско-

⁴ Н. Бобров, А. Винокуров. По волнам воздушного океана. — М., «Молодая гвардия», 1957 г., с. 30.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ <https://rg.ru/2015/08/25/planerizm.html>

Зададимся вопросом: а что из того опыта Сталинского индустриального рывка возможно применить в желаемой нами новой русской научно-промышленной революции? Просто скопировать те рецепты и организационные формы нельзя. Можно видоизменять наследие предков. Но прежде всего, нужно начать в РФ реальную индустриализацию. Ибо без общей атмосферы производственной деловитости и превращения страны в край строек ничего не выйдет. Не будет спроса ни на молодые и способные кадры, ни на их научно-техническое творчество.

го аэронавта, будущего выдающегося советского кинооператора, режиссёра и изобретателя).

Размах движения планеристов в довоенном Советском Союзе поражает воображение. В небогатой ещё стране пилоты-любители ставят самые рискованные эксперименты. Используют эффект восходящих потоков у облаков, бросаются на фанерно-перкалевых аппаратах — о ужас! — в сердце грозовых туч. (Это строго-настроено запрещено пилотам больших самолётов.) В 1933 г. в стране действуют 615 кружков планеристов, 137 планерных станций и 7 школ инструкторов.

В 1950-е в СССР планеристы уже мечтают о планерах, летающих на высотах в 15000 метров и использующих струйные течения в стратосфере, достигающие скоростей в 200–300 километров в час. Фактически речь шла о создании футуристической «парусной» авиации, совершенно чистой экологически и крайне рентабельной. Рождались проекты создания целых высотных планерных «поездов».

Но...

ПОГАСШИЙ ПОРЫВ

Пламенное увлечение парящим планерным полётом у нас в стране совпадает по времени с героической эпохой «бури и натиска». И как только она сменяется временами стремления к обывательско-потребительскому «щастю», гаснет и великий порыв в небо.

Да и сам СССР входит в брежневский застой, в пору безверия, разочарования в высоких идеалах и цинизма. В феврале 1974 года «Техника — молодёжи» публикует горькие материалы круглого стола, задаваясь вопросами: почему через полвека после начала бурного движения планеризма теперь он стал не массовым явлением, а занятием для немногих? Почему парители-пилоты СССР отстаивают честь страны на устаревших аппаратах иностранных образцов? Почему (так и сказано!) планеризм страны — в упадке?

Тогда маститый лётчик-испытатель Вадим Винницкий (1915–1992) рассказал, что именно массовый планеризм обеспечил раннему СССР то, что пилотов накануне Великой Отечественной у нас оказалось изрядно больше, чем самолётов. Что планеристы — отличные пилоты для серьёзной авиации, они чувствуют воздух. Даже на Западе лётчики сверхзвуковой боевой авиации охотно занимаются безмоторными полётами.

Винницкий в 1974-м глядел в корень: нынче на Западе авиакомпаниями поощряют тех пилотов, что занимаются на планерах. Ведь уже есть несколько случаев, когда именно командиры экипажей сажали пассажирские «Боинги» с отказавшими двигателями на планировании, ибо обладали опытом безмоторного полёта. Недаром голландская воздушная компания KLM с начала 1950-х принимала в свои лётные школы именно

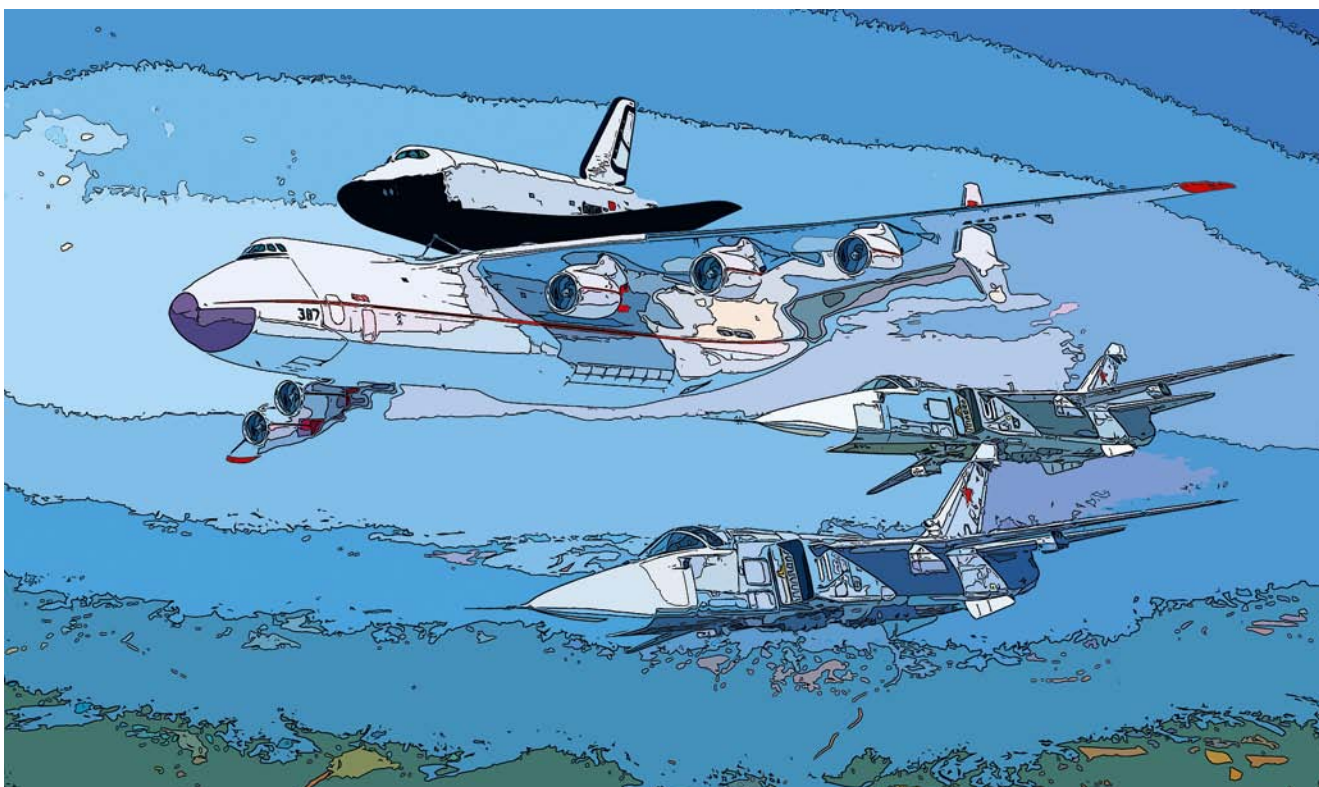
планеристов. Ибо процент отчисления таковых из центров подготовки лётчиков — ноль. А непланеристов — 16%. Ох, неплохо было бы делать то же самое для гражданской авиации РФ нынче!

Уже в 1973-м в СССР насчитывалось только 24 планерных клуба — на порядок меньше, нежели в 1930-е. Федерация планерного спорта СССР жаловалась: после войны судьбу планеризма стали определять равнодушные к делу начальники, а призыв 1971 года к ДОСААФ (преемнику Осоавиахима) возродить клубы парящего полёта остался без ответа. Как выяснилось, в обществе не осталось ни одного специалиста по планеризму, хотя оно должно готовить молодых специалистов для Вооружённых сил. В СССР не осталось ни одного планеростроительного завода! В отличие от 1920-х в Москве начала семидесятых годов остался всего один планерный клуб с тремя инструкторами на многомиллионный город. Тогда как в тридцатые действовали мощные школы — Трикотажная, Планерная и Коломенская. И если при Сталине наши летали на аппаратах собственных конструкций, то к 1974-му спортсмены вынуждены были парить на планерах производства Западной Германии, на устаревших чехословацких и польских машинах...

Комментарии, как говорится, излишни. В теперешней РФ ситуация ещё мрачнее.

ЧТО МОЖНО ПРИМЕНИТЬ ИЗ СТАРОГО АРСЕНАЛА?

Не претендуя на полноту очерка о психохисторической и цивилизационно-организационной стороне сталинского индустриального рывка, зададимся вопросом: а что из того опыта возможно применить в желаемой нами новой русской научно-промышленной революции? В самом деле, поможет ли сегодня, в пору массового отупения, безверия и трех десятилетий деиндустриализации, создание аналога пионерских баз и дворцов детского творчества, как в 1930-е? Захотят ли, скажем, нынешние юные строить реальные модели в мастер-

ских или сооружать планеры, когда к их услугам — компьютерные игры и те же симуляторы полётов?

Да, просто скопировать те рецепты и организационные формы нельзя. Прежде всего, нужно начать в РФ реальную индустриализацию. Ибо без общей атмосферы производственной деловитости и превращения страны в край строек ничего не выйдет. Не будет спроса ни на молодые и способные кадры, ни на их научно-техническое творчество. Как, впрочем, и социальных лифтов для молодой Прометеевой крови.

Не будет новых заводов и фабрик — пускай и роботизированных — не смогут возникнуть и сотни планерных клубов и кружков технического творчества. Не найдутся те самые дядьки-наставники, что самозабвенно примутся возиться с детьми и юношами. Именно предприятия-шефы способны помочь с материально-технической базой и клубов, и домов творчества. Они дополняют государственное финансирование. Да и собственно государство должно измениться: вкладывать деньги не в никому не нужные и разорительные проекты вроде

олимпиад и футбольных мундиалей (десятки миллиардов долларов в никуда), а именно в промышленное Дело и в будущее нации как великого народа Повелителей техники.

Можно видоизменять наследие предков. Скажем, не только развивать массовый планеризм как средство окрыления нового поколения, но и идти дальше. Не только готовить массовый резерв пилотов для ВВС и гражданского воздушного флота, но и воплощать мечты пятидесятых о стратосферном планеризме. О новом виде транспорта.

Огромные возможности открываются, если применять новые модели спортивных летательных аппаратов. Это не только дешёвые и доступные самолёты с поршневыми моторами, но и, скажем, мини-реактивные машины (проект «Ларк» — «Жаворонок» со вспомогательным газотурбинным движком от МиГ-31М). Необозримое поле откроется при применении таких перспективных летательных аппаратов, как гиропланы-винтолёты (не люблю термин «автожир»), этих гибридов вертолёта и самолёта.

Наконец, можно не просто развивать авиамоделлизм, а строить бес-

пилотные самолёты-дроны самых разнообразных назначений. Не только мирные, но и разведывательно-ударные. Можно устраивать и соревнования, и воздушные бои, и заодно готовить корпус операторов дронов для самых разнообразных операций. И гражданских, и военных. Разве плохо, если молодые будут следить с помощью дронов за обширными нашими землями, за инфраструктурой и экологией, а в случае чего — уничтожать вражескую технику и охотиться за бандитами?

Конечно, сперва неизбежно применение импортных комплектующих. Страна, как и СССР начала 1920-х, тоже прошла через катастрофические распад и истребление промышленности. Однако по мере успехов новой индустриализации можно заменять импорт на отечественное. В конце концов, путь знаменитого Александра Яковлева в авиаконструкторы начался с доставленного в его школу старого истребителя Первой мировой, французского «Ньюпора». А первые самолёты в СССР имели импортные двигатели. Но ведь заместили же иностранное! Вот и нам начинать с того же...

/ Джульетт ФОР /

Космизм: национальная русская мифология против трансгуманизма

В январе 2021 года в издании The Conversation вышла статья Джульетт Фор, докторанта политических наук Института политических исследований (Париж) об Изборском клубе и возрождении идей русского космизма. Этот институт называют кузницей политической и дипломатической элиты государства. Предлагаем вашему вниманию перевод статьи.

Космизм, сложное интеллектуальное движение, занимающее место на пограничье между богословием и научной перспективой, зародившееся почти 150 лет назад, вновь поймало ветер в парус в России. Часть элиты страны видит в нём типично русский ответ на трансгуманизм, якобы торжествующий на Западе. Что же представляет собой космизм, и как он распространяется сегодня в России?

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КОСМИЗМА, ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В конце XIX века русский мыслитель Николай Фёдоров (1829-1903) выдвинул глубоко нравственную и христианскую концепцию науки. Он представлял себе, что человечество может использовать технический прогресс для достижения всеобщего спасения. Научные открытия должны были служить воскрешению предков, достижению бессмертия, преобразению человеческой природы в направлении её обожения, покорению космоса и управлению им.

Вслед за ним известные российские учёные, такие как родоначальник научной космонавтики Константин Циолковский (1857–1935) или основатель геохимии Владимир Вернадский (1863–1945), продолжили развивать его футуристическое и духовное видение технического прогресса.

В 1970-е годы группа советских интеллектуалов увлекается эзотерическими тезисами этих авторов и объединяет их под названием «русский космизм». Будучи инакомыслием по отношению к официальной коммунистической идеологии, космизм тем не менее вызывает интерес как академических учёных, так и высокопоставленных членов политического и военного истеблишмента. В том числе генерал-лейтенанта Алексея Савина, директора секретного подразделения 10003, занимавшегося исследованиями военного использования паранормальных явлений с 1989 по 2003 год. На основе учения Вернадского он развил принципы науки внеземного мира — ноокосмологии. Точно так же в 1994 году заместитель секретаря Совета безопасности России и бывший директор аналитического отдела КГБ Владимир Рубанов предлагал использовать космизм как основу «национальной идентичности России».

И сегодня космизм служит источником вдохновения для идеологов в поисках на-

циональной идеи для постсоветской России. На наследие космистской мысли особенно претендует близкий к власти консервативный мозговой центр — Изборский клуб, созданный в 2012 году.

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ: КОСМИЗМ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Эта группа объединяет полсотни университетских преподавателей, журналистов, политических деятелей, предпринимателей, религиозно настроенных лиц или бывших военных вокруг империалистической и антизападной линии. Частично поддерживаемый финансированием из администрации президента, клуб ставит целью определить идеологию для российского государства. Исходя из этого он рассматривает науку как поле идеологической борьбы, в рамках которой Россия должна противопоставить свою собственную «технократическую мифологию» западной модели развития.

Последнее обобщенно ассоциируется с «трансгуманизмом», концепцией, к которой идеологи Изборского клуба причисляют как явных сторонников трансгуманизма, таких как Илон Маск, так и любую форму мышления, которая отступает от их видения традиционного общества, такие как феминизм, глобализация или устойчивое развитие. Если некоторые западные трансгуманистические мыслители воспринимают Фёдорова как пророка в их поисках бессмертия, то Изборский клуб, напротив, отстаивает специфически русский характер космизма и его изначальную связь с «исторической миссией» русского народа.

Сдвоенный, 6–7-й номер журнала «Изборский клуб» за 2020 год посвящён противостоянию между космизмом и трансгуманизмом. Трансгуманизм представлен как продолжение эволюционистского прогрессизма, направленного на освобождение индивида от ограничений человеческой природы путём его гибридизации с машиной. Космизм, напротив, описывается как эсхатологический поиск одухотворения человечества, руководствующийся буквальным толкованием библейских обещаний пасхального Воскресения. При том что авторы Изборского клуба критикуют сциентистскую веру в техническое совершенствование человека, они также отрицают биоконсервативную или экологистскую технофобию. Таким образом, космизм служит

для них основой синкретической идеологии, которую они называют «технократическим традиционализмом» и которая сочетает технологическую модернизацию с религиозным консерватизмом.

Эта идеология позволяет осуществить синтез наследия русской истории, сочетающий технологическую и промышленную мощь Советского Союза, и традиционные православные ценности царской России. Более того, президент Изборского клуба Александр Проханов, писатель и редактор крайне правой газеты «Завтра», опираясь на формулу «космизм-ленинизм», утверждает, что глубокий смысл индустриалистского утопизма Ленина исходил из «доктрины русских космистов» и продолжал ее. Таким образом, переосмысление космистского наследия создаёт единое национальное повествование, которое отвечает стремлению режима Владимира Путина изгладить из памяти конфликты, утверждая «неделимость» и «преемственность» российской истории.

Кроме того, космизм пропагандируется членами Изборского клуба как основа «нового глобального проекта альтернативного развития, который могла бы выразить и предложить Россия». Брак современной науки и политического традиционализма тем самым противостоит классическим западным теориям модернизации, которые предусматривают, что экономическое развитие приводит к конвергенции обществ в одну и ту же политическую модель либеральной демократии. В противовес либертарианству и космополитизму, которые они приписывают Силиконовой долине, идеологи Клуба восхваляют

сталинскую модернизацию, осуществляемую авторитарным государством и дирижистско-коллективистской экономикой.

На смену рухнувшему идеалу большевистского общества космизм позволяет обновить империалистскую и мессианистскую концепцию предназначения науки. Крупные научные проекты, продвигаемые клубом (исследование космоса и подводных глубин, освоение Арктики, поиски совершенствования человеческого потенциала), здесь связаны с защитой российской «цивилизации» и её «духовной безопасности». Таким образом, наука становится вектором реализации Русской мечты, которая должна экспортироваться, заменяя американскую мечту и противопоставляя трансгуманизму «идеалы русского космизма» и «духовной науки».

ВЗГЛЯДЫ, ВСЁ ШИРЕ РАСПРОСТРАНЯЕМЫЕ НА ВЫСШИЕ ЭШЕЛОНЫ ВЛАСТИ

Изборский клуб включён во влиятельные силовые сети, которые позволяют ему распространять свои идеи. В июле 2019 года президент клуба Александр Проханов был приглашён в парламент для показа своего фильма «Россия — нация мечты», в котором он пропагандировал своё видение национальной научной и духовной мифологии. Изборскому клубу также близки ключевые фигуры консервативной элиты — такие как олигарх-монархист Константин Малофеев или директор агентства «Роскосмос» Дмитрий Рогозин. Наконец, он вхож в сердце военно-промышленного комплекса. Свидетелем этих связей стал стратегический ракетоносец-бомбардировщик Ту95-МК, получивший название клуба «Изборск» в 2014 году.

Ссылки на космизм сегодня и пронизывают речи представителей российской власти. Валерий Зорькин, председатель Конституционного суда, недавно цитировал ярого пропагандиста космизма Арсения Гулыгу (1921–1996), чтобы побудить расширить смысл общей судьбы русского народа, закреплённый в преамбуле Конституции, до глобального значения, обращённого к «всеобщему спасению».

Таким образом, космизм превращается в национальную мифологию, отвечающую двум императивам нынешнего российского режима: укреплению мощи и определению идейно-политической концепции, альтернативной западному модернизму.

Александр ПРОХАНОВ. Леонид: Роман. —
 М.: Книжный мир, 2021. — 428 с.

В новом романе патриарха современной русской литературы реализм нашей жизни столкнулся с мистикой незримого мира. Автор проник своим гением не только в кремлёвские кабинеты, но и в кремлёвские души — вплоть до души хозяина Кремля. Вывернутые наизнанку и выложенные на солнце правды, эти души корчатся от ярких лучей и выдают тайные пружины своего властолюбия, пристрастий, метаний и жела-

ний. Герои романа — чёрные тени тех людей, которых мы ежедневно видим на экранах, о которых читаем в склизких, как разложившаяся плоть, новостях интернета. Этот роман рассказывает то, о чем не решаются сказать самые яркие оппозиционеры. То, о чём вы догадывались, но даже не могли представить. Окультиные корни российской власти проросли из адских глубин. Зло пыталось стать добром. Получится?

Вардан БАГДАСАРЯН. Матрицы общественного сознания. —
 М.: Наше Завтра, 2021. — 416 с.

В представленной книге члена Изборского клуба профессора Багдасаряна исследуется феномен матриц общественного сознания как средства государственного и глобального управления. Рассматриваются подходы и технологии формирования такого рода матриц, а также их деконструкций. Проводится анализ обществоведческих теорий и политического языка в фокусе угроз поражения государственного суверенитета России. Описываются феномены «когнитивного оружия»,

манипуляций массовым сознанием, войн памяти. Через призму футурологических перспектив оцениваются риски и угрозы развития искусственного интеллекта и реализации программ трансгуманизма.

Книга будет полезна в сфере разработки государственно-управленческих стратегий обеспечения национальной безопасности России, а также в образовательной деятельности по широкому спектру гуманитарных и обществоведческих дисциплин.

Александр ГАПОНЕНКО. Европейский фашизм: проблемы идентификации и предупреждения. —
 М.: Книжный мир, 2021. — 704 с.

Александр Владимирович Гапоненко — латвийский общественный деятель, учёный, писатель, правозащитник. Активный борец за права русских в Латвии. Глава прибалтийского отделения Изборского клуба. Является автором ряда фундаментальных исследований о прибалтийских русских, защите прав человека, документальных фильмов, более 500 научных и публицистических статей.

Данная работа посвящена вопросам уточнения причин возникновения, природы, форм, разновидностей, стадий развития фашизма, идентификации его проявлений в жизни современных европейских наций. Книга предназначена для политиков, исследователей, общественных деятелей, преподавателей общественных дисциплин, публицистов, правозащитников, которые заинтересованы в предупреждении возрождения фашизма в Европе.

Хронология мероприятий клуба

30 марта 2021 года

В Донецком доме работников культуры состоялось открытие выставки «Веленью Божию, о муза, будь послушна!» академика Крымской академии наук, доктора философских наук, профессора **Дмитрия Музы**. Также на выставке были представлены его научные труды. Поздравить Дмитрия Евгеньевича пришли преподаватели Донецкого национального университета, студенты университета, творческие люди Донбасса, актив донецкого Изборского клуба.

20 апреля 2021 года

В офисе Изборского клуба на Фрунзенской набережной состоялся мозговой штурм по теме «Великое обнуление: его грани, причины и цели», который провёл заместитель председателя клуба **Виталий Аверьянов**. В дискуссии приняли участие в очном режиме и в режиме видеоконференции многие члены и эксперты Изборского сообщества.

Апрель 2021 года

В офисе Изборского клуба на Ильинке прошёл цикл круглых столов, в которых приняло участие значительное число постоянных членов и экспертов клуба. Один из семинаров был посвящён представлению и обсуждению доклада «Декларация Мале. Цифровой след личности», принятой на IX Общей конференции Института проблем глобализации в феврале 2021 года. Доклад был представлен директором института, доктором экономических наук **Михаилом Делягиным**. Другой семинар был посвящён ответу на вопрос, каким должно быть геополитическое будущее России.

13 мая 2021 года

В Центральном доме литераторов состоялся вечер памяти ушедшего от нас год назад **Александра Алексеевича Нагорного**, одного из главных учредителей Изборского клуба. Вечер памяти был проведён совместно газетой «Завтра» и Изборским клубом.

19–20 мая 2021 года

Состоялось важнейшее событие в жизни Изборского движения — была проведена первая сессия Школы Русской мечты. В качестве слушателей Школы выступили единомышленники более чем из тридцати регионов России, которые могут стать координаторами будущего Движения Русской мечты и авторами региональных атласов Русской мечты (цель атласов — поиск и представление обществу русских мечтателей, талантливых и пассионарных людей, сумевших в трудное время воплотить свои творческие замыслы в самых разных сферах и отраслях

национальной жизни). Также в мероприятии приняли участие многие представители актива Изборского клуба, его давние соратники.

19 мая в Москве в гостинице «Космос» состоялось открытие Школы, были показаны две серии из телевизионного цикла **Александра Проханова** «В поисках Русской мечты». Сам Александр Андреевич прочитал лекцию «Вероучение Русской мечты». Затем заместитель председателя клуба **Виталий Аверьянов** прочитал лекцию «Идеология Русской мечты». В первый день Школы также прошёл семинар, посвящённый созданию региональных атласов Русской мечты.

Второй день работы был посвящён панельной дискуссии «Образы Русской мечты», в которой высказали свои взгляды и суждения по поводу перспектив Движения многие члены и эксперты Изборского клуба. Также состоялись собеседования со слушателями Школы, предполагающими стать авторами региональных атласов. В ходе работы Школы Русской мечты гости проявили большую заинтересованность, задали много вопросов, выступили с репликами и предложениями.

Первая сессия Школы Русской мечты.

/ Сергей СОКОЛКИН /

«Потому что я русский...»

* * *

А.А. Проханову

Потому что я русский,
взлюбивший отчаянно землю,
где бесплодные бабы
налившийся колос растят,
я фамильный погост
как последний окоп свой приемлю
и, ступив на колени,
расту на державных костях.

И смотрю в небеса,
и с поющей душой бездорожий
принимаю всю грязь,
что монголо-татарин месил,
и люблю я народ,
что, не выйдя ни кожей, ни рожей,
в мировой океан
лапоть свой против ветра пустил.

Потому что я русский,
живущий под Божеским небом,
потому что есть мать,
что приветит больного врага,

поделюсь я с ним грешным –
блокадным, но выжившим хлебом.
И пусть жрёт нашу землю,
с неё отправляясь в бега.

Пусть вопит на весь мир,
что живу и люблю я, умея
лишь мечами махать,
помирая, водяру глушу...
Но казаха, тунгуса
и вечно скитальца-еврея
к океанам-морям,
словно твой Моисей вывожу.

Потому что я русский,
я знаю безбожные годы:
как простой мужичок,
что коряв, хитроват и бескрыл,
глядя Богу в глаза,
создавая Империи своды,
по колено в кровище
величие духа творил.

ОБ АВТОРЕ

СОКОЛКИН Сергей Юрьевич

Родился в 1963 г. в Хабаровске. Окончил Уральский политех, а затем Литинститут им. Горького. Заслуженный работник культуры РФ, секретарь Союза писателей России. Лауреат телефестивалей

«Песня года 1998–2005». Автор восьми книг стихов, романа «Руская чурка» (готовы к выходу ещё два романа), антологии современной патриотической и военной песни России «Работайте, братья!», двух книг переводов стихов.

Стихи Соколкина переводились на болгарский, монгольский, китайский, чеченский, ингушский, балкарский, аварский, даргинский, лакский, кумыкский, табасаранский и др. языки.

И свои семена
сею я уже в наших потёмках.
По ночам умирая,
с утра возвожу русский Храм.
И по крови моей,
заливающей землю потомков,
корабли уплывают
к неведомым материкам.

* * *

В.К. Агаджанову

Страну украли. И потерян след.
До послезавтра доживём едва ли.
Гуляет доллар, как хмельной сосед.
При Сталине бы расстреляли.

Куда летим мы, позабыв азы,
всё нам — «хип — хоп», и всё нам — «трали-вали»,
забыв, что мы народ, забыв язык!
При Сталине бы расстреляли.

Кричу я: — Люди, мы ж не хуже всех!.. —
Но тишина. И я опять в печали.
В печали я! Уныние — есть грех.
При Сталине бы расстреляли...

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Я не курю — подальше от греха...
Забуть пытаюсь имя Герострата.
И Евы Браун тень в годах-веках
передо мной ни в чём не виновата.

Уже никто ни в чём не виноват.
Лишь конь в пальто горит в лучах заката.
И, журавлиный клин сминая, в ад
проходят строем по небу солдаты.

Но из разрывов вековых пластов
огонь, что, изрыгнул подошвы Рима,
спалил Союз, становится костром,
облизываясь в сторону Берлина...

ТЫ ДОЛЖНА

Всё свистят и сверлят пули
нас, отрекшихся когда-то...
Мать-земля, нас обманули,
Ты должна родить солдата.

Мы за все Армагеддоны
Беловежским платим золотом, —
враг на Волге, враг у Дона...
Ты должна родить солдата.

В телеящике Пандоры
Всё плодятся бесенята...
Не смотри безумным взором,
ты должна родить солдата.

Бог оставил нас — так надо.
И в раю хмельно от мата.
Родина в аду. Из ада
ты должна родить солдата.

* * *

Где мосты сожжены и деревни погублены,
и где воздух тлетворный бесплоден и слеп,
где могучие руссы под корень подрублены,
там цветёт наш корявый,
безрадостный хлеб.

И где катит тягуче —
с последними силами
смерть-старуха свой крест — на скрипучей оси,
окопалась земля родовыми могилами
среди глада и мора великой Руси.

* * *

Николаю Ивановичу Тряпкину

Дано нам жить под вечным небом —
у верной Родины в горсти,
чтоб, умирая, русским хлебом
по всем окопам прорасти.

Как сеятель в часы восхода,
Любовь,
что Господом дана,
бросает только в чрево рода
свободы вечной семена.

* * *

Глаз мёртвой девушки чуть-чуть подслеповат.
В него война глядится, словно в воду.
И видит сквозь него слепой солдат
кровавый путь в Господнюю свободу.

Се попушење пасмурных времён,
где в гневе поднял камень брат на брата,
в бесславной бойне не оценит он
и не опустит дула автомата.

И тени искорёженных друзей,
взывая к мщенью, встают из праха.
И ангел — в окровавленной слезе —
взмахнув крылом, сползает на рубаху

и чёрный штык. А враг придёт назад,
как подлый тать... И, повернувшись к Богу,
обняв холодный труп, сидит солдат
и мёртвым глазом смотрит на дорогу.

* * *

Зачищены три олигарха.
Но это сверху — Богом данное.
Большой Иван кутит без страха
с опричиною окаянною.

Отрезанными головами
по-над страной собаки лаются.
И птицы с чёрными крылами
с восьми концов сюда слетаются.

Но не берут меня в Малюты.
Теперь Малюта — имя бранное.
Как деревянная валюта,
но, впрочем, тоже Богом данная.

Теперь словарь собачий в моде...
Скинхед, — какое имя странное.
И я скинхеду дал по морде, —
за то, что слово — иностранное.

* * *

Сказал в запале — резано и круто.
Обидел, аж волной пошли круги...
Метнула взгляд пронзительный — как будто
сорвался сокол с вскинутой руки.

Захотела жутко и нелепо,
в зрачках сверкнули рысьи огоньки.
И треснул мир, как дом, — как будто не был...
И рухнул в бездну горя и тоски.

Жизнь кончилась. Глухи слова отныне.
Кричит обида-дева даже днём.
Любовь забила в щель. Одна гордыня
сжигает души адовым огнем.

И каждый прав — на том и этом свете,
готов ввязаться в настоящий бой...
Родная, спи, родная, спи, — ведь это
всё не про нас, всё не про нас с тобой...

* * *

жене

Твои губы во тьме различаю...
Но во мраке венчальной свечи —
на земле не тебя я встречаю,
а твоё отражение в ночи.

Поразбросаны лучшие годы
сзади, сбоку — и нет им числа...
Что тебе, неземная, угодно,
чтоб — не только во сне — ты была?

Приходи — жёлтый волос по ветру,
так похожа лицом на жену...
Разнесём весть по белому свету,
а о чём — сам пока не пойму...

Будем жить мы с тобой в рукавице,
в той, что в сказке лежала века.
Одинок я, как пение птицы,
и свободен, как мысль дурака...

* * *

У меня на тюрьме вольный ветер живёт,
по твоим волосам он позёмку метёт.
Он печали метёт по крутым берегам.
И взбегает искра по точёным ногам.
И бенгалом горят мои чёрные дни,
осыпаясь на русские плечи твои.
И я вижу, как воздух прессует гроза.
И вскипают рассветы в заветных глазах.
И судьбу я рисую на мокром песке,
на зелёной,
к глазам подступившей тоске.

* * *

Всё забыл: твои косы и платье...
Но, привычную душу губя,
за стеной, за бедой, за распятым,
наконец, обретаю тебя.

Бездна духа и вечные звёзды
не смущают тюремный покой.
И прогорклый, прохарканный воздух
весь пропитан твоей чистотой.

И в стенах вековых казематов,
где Емелька главою поник,
вижу я в потном вареве мата
твой пречистый страдающий лик.

О себе уже не беспокоясь
и о воле не плача ничуть,
я судьбе своей кланяюсь в пояс,
твоё имя шепчу и молчу...

* * *

Дорогая, как ты там за мукой-разлукой
в своём буйном цветенье кукуешь года?
Протяни мне — в прощанье застывшие — руки.
Я вернусь! Я тебя никому не отдам!

Я ворвусь к тебе ночью, как воин, ликуя,
упаду пред тобою в священном бреду.
И губами, забывшими вкус поцелуя,
как к колодцу, к любимым устам припаду.

Буду пить твоё тело до изнеможенья.
Чтоб вскипала в объятях звериная жуть.
Окна я кирпичом заложу. И до жженья
на губах — буду пить. А потом расскажу,

как в глухой полутьме своей чуть не ослеп я,
когда, свет твой увидев, пошёл напролом...
Как однажды, накрыв мою голову пеплом,
смерть нависла, глаза зачерпнувши крылом.

Как визгливая ревность взвивалась над шконкой,
как на лезвии бритвы игрался с судьбой,
когда старого ээка седая наколка
в тонком лучике мне показалась тобой.

Как тебя рисовал я, и стенка сырая
проминалась, как рвалась незримая нить,
когда пальцы я сбил, штукатурку сдирая, —
чтоб тебя на свободу с собой унести.

Как звучала во мне, желваками играя,
затихала на миг и взрывалась вновь,
в эти гиблые камни вживаться мешая,
эта невоплощённая в сказку любовь.

Я вернусь навсегда. И душою воскресну.
Сбережённую мною затеплю весну.
И тебе — растерявшейся — выплачу песню,
и прижмусь к тебе весь.

И, как мёртвый, усну.

* * *

Берегиня моя, золочёное яблочко —
с наливной, расписной, разудалой косой.
Покатилась по ветке, по ёлочке-палочке,
по груди проскользила калёной стрелой.

Прикоснулась к губам, опалила дыханием,
в ретивом замерла, как малиновый звон,
среди ночи возшла над моим мирозданием,
отражаясь лицом от пречистых икон.

Опоила гремучим вином счастья-верности,
окропила слезой, как живую водой,
в обручальном кольце
заперла, словно в крепости,
от дурных чёрных глаз заслоня собой.

Повела к себе в дом по сожжённой Рязани, и
воссияла звезда вековая во лбу.
Берегиня моя, родовое сказание,
вздых заветной царевны в хрустальном гробу.

* * *

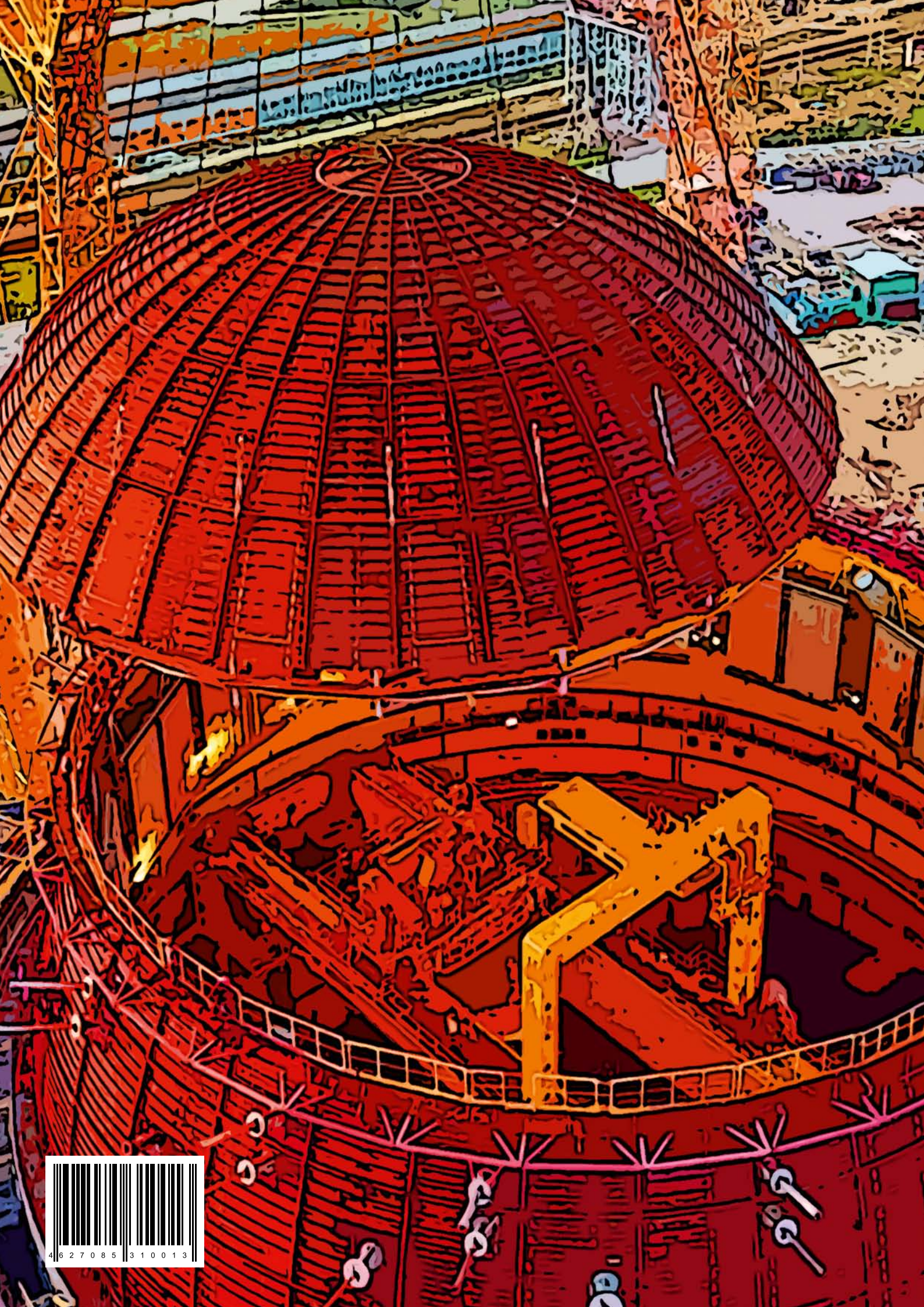
На губах, овдовев, отцвели поцелуи,
как застывшие бабочки канули в прах.
И святится в слезе, на ресницах танцую,
твоё долгое имя на звонких ногах.

Остальное лишь тлеет и в памяти тонет.
И глаза наливаются небом седым.
Лишь, за воздух хватаясь, упрямо ладони
вспоминают родное и близкое им.

И я слышу твой голос в тюремном оконце,
сбережённый, как ржавого хлеба ломоть.
И сквозь щели в душе незнакомое солнце
наполняет печалью притихшую плоть.

И становится странно легко, и немая
песнь о волюшке с губ отлетает, как дым.
И друг к другу мы рвёмся, судьбу принимая,
всё как есть понимаем
и в стену глядим.

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3